ВЕРНОР ВИНДЖ

СКВОЗЬ ВРЕМЯ

На свете не так уж много книг,
заставляющих читателя кричать: «Хочу еще!»
Книгам Вернора Винджа это удается.

Locus

Вернор Виндж

Сквозь время (сборник)

«Азбука-Аттикус»
1984, 1985, 1986

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Виндж В. С.

Сквозь время (сборник) / В. С. Виндж — «Азбука-Аттикус», 1984, 1985, 1986 — (Сквозь время)

ISBN 978-5-389-14333-3

В ядерной войне погибло девяносто процентов населения Земли, но группе ученых из Ливерморской энергетической лаборатории удалось остановить катастрофу, накрыв все потенциально опасные объекты куполами стасисного поля. Полвека спустя эти люди по-прежнему контролируют мелкие государства и общины, возникшие на месте прежних стран. Якобы ради сохранения мира, а на самом деле ради удержания власти они остановили развитие технологий – и готовы применить к нарушителям запрета любые средства террора. Прогресс теперь считается злейшим врагом человечества, он загнан в глубокое подполье. Но Мастеровые еще не разгромлены и не пойман самый опасный из них, гениальный математик Пол Нейсмит, за свои изобретения прозванный Чародеем.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-14333-3

© Виндж В. С., 1984, 1985, 1986
© Азбука-Аттикус, 1984, 1985, 1986

Содержание

Война с «Миром» 6
Взгляд в прошлое 7
Глава 1 10
Глава 2 15
Глава 3 19
Взгляд в будущее 22
Глава 4 24
Глава 5 28
Глава 6 33
Глава 7 37
Глава 8 39
Взгляд в будущее 42
Глава 9 44
Глава 10 50
Глава 11 55
Глава 12 60
Глава 13 64
Взгляд в будущее 70
Глава 14 72
Глава 15 77
Глава 16 83
Глава 17 87
Глава 18 91
Глава 19 93
Глава 20 97
Глава 21 102
Конец ознакомительного фрагмента. 107

Вернор Виндж
Сквозь время
Сборник

Vernor Vinge
ACROSS REALTIME
THE PEACE WAR
THE UNGOVERNED
MAROONED IN REALTIME

Copyright ©1984, 1985, 1986 by Vernor Vinge
All rights reserved

Серия «Звезды новой фантастики»

© В. Гольдич, И. Оганесова, перевод, 2017
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство АЗБУКА®

* * *

Война с «Миром»

Моим родителям,
Кларенс Л. Виндж и Аде Грэйс Виндж, с любовью

Взгляд в прошлое

Берег моря Бофорта лежал в ста километрах внизу и почти в двухстах впереди. В Северном полушарии давно началось лето: тут и там виднелись бледно-зеленые заплаты скудной северной растительности. Природа и жизнь брали свое, только редкие горные хребты и небольшие участки полуостровов оставались скучно-серыми и голыми. Совсем не характерный для Арктики пейзаж, по крайней мере для Арктики, какой все привыкли ее себе представлять.

Эллисон Паркер, капитан военно-воздушных сил США, сдвинулась на самый край кресла – насколько позволяли ремни безопасности, – чтобы смотреть в окно через плечо пилота. На протяжении своей миссии она наблюдала картины куда интереснее, чем мог бы увидеть любой «дальнобойщик», но ей никогда не надоедало это занятие, и если видимость ухудшалась, желание все разглядеть становилось только сильнее. Пилот Ангус Квиллер, наклонившись вперед, внимательно следил за показаниями приборов. Ангус был отличным парнем, но он ничем не отличался от остальных пилотов – как, впрочем, и от некоторых экспертов: они воспринимали окружающий мир без особого интереса, так что Ангуса не слишком занимали живописные картины.

А вот Эллисон, с детства сопровождавшая отца в полетах, всегда любила смотреть в окно. Она до сих пор так и не смогла решить, что же доставляет ей больше удовольствия. Пока Эллисон была слишком маленькой для того, чтобы получить лицензию пилота, она довольствовалась тем, что просто смотрела на землю. Позднее выяснилось, что, не освоив пилотирования истребителя, нельзя получить доступ к летательным аппаратам, которые поднимаются в небо так высоко, как ей бы хотелось. Пришлось согласиться на профессию, которая позволяла смотреть в окно. Порой Эллисон даже думала, что электроника, география, шпионаж и другие аспекты ее работы не имеют особого значения по сравнению с удовольствием, которое она получает от созерцания мира.

– Передай мое восхищение автопилоту, Фред. Вон тот огонек показывает, что мы прибыли точно на место.

Ангус никогда не хвалил Фреда Торреса, старшего пилота. Благодарить нужно было либо автопилот, либо станции наземного слежения.

Торрес проворчал в ответ что-то не менее язвительное, а потом обратился к Эллисон:

– Надеюсь, вам понравилось, мисс Паркер. Не так уж часто мы летаем на этой штуке только ради хорошенькой девушки.

Эллисон усмехнулась, но ничего не ответила. Фред говорил сущую правду, – как правило, подобные миссии планировались за несколько недель и были многоцелевыми. Продолжался каждый такой полет не менее трех или четырех дней. Однако на сей раз обоих пилотов срочно вызвали на работу, и им пришлось участвовать во внеочередном полете – всего пятнадцать витков с последующей посадкой в Ванденберге. Это задание было обставлено как глубокая воздушная разведка, хотя вполне возможно, что Фред и Ангус знали немного больше, – последние недели газеты были настроены особенно мрачно.

Они продвигались все дальше на север, и море Бофорта постепенно исчезло из виду. Разведывательный корабль летел в перевернутом положении с опущенным носом – многим экспертам от этого сделалось бы дурно, а у Эллисон лишь возникало ощущение, что мир проносится над ее головой. Она очень надеялась, что, когда военно-воздушные силы сумеют запустить орбитальную станцию, для нее тоже найдется местечко на борту.

Фред Торрес – или его автопилот, это уж как посмотреть, – медленно развернул корабль на сто восемьдесят градусов, выводя его на угол вхождения в атмосферу. Какое-то мгновение нос был направлен вертикально вниз. С такой высоты ледниковое выпахивание уже не кажется абстрактным понятием: земля была рыхлой и неровной, словно по ней прошел бульдозер, после

которого остались крошечные лужи – сотни канадских озер. Озер было так много, что Эллисон только и оставалось следить за тем, как в каждом из них поочередно отражается солнце.

Мимо проплыл туманно-голубой южный горизонт. Теперь они снова увидят землю, когда, опустившись гораздо ниже, окажутся на высоте, доступной даже обычным самолетам. Эллисон откинулась на спинку сиденья, туже затянув ремни безопасности, и погладила рукой коробку с оптическими дисками, надежно укрепленную рядом с ее креслом. Именно ради их использования и был затеян этот полет. Множество генералов – и, конечно же, политиков – почувствуют невероятное облегчение, когда Эллисон вернется на землю. «Взрыв», замеченный сотрудниками Ливермора, мог оказаться простой аварией. Советы изобразили полную невинность, как эти ублюдки всегда делают. Эллисон осуществила проверку при помощи не только своего «обычного» оборудования, но еще и приборами глубокого просвечивания, о существовании которых было известно лишь в нескольких разведывательных ведомствах оборонного министерства. Ей не удалось обнаружить никаких признаков военных приготовлений. Вот только…

…Вот только вызывали беспокойство глубинные пробы, сделанные Эллисон по собственной инициативе над Ливермором. Она с нетерпением ждала свидания с Полом Хелером – хотя бы только для того, чтобы посмотреть на выражение его лица, когда он узнает, что результаты ее проверки засекречены. Пол не сомневается, что его боссы задумали какую-то пакость. Очевидно, Пол прав: в Ливерморе что-то происходило. Эта деятельность могла остаться незамеченной, поскольку ее очень старались скрыть, но у Эллисон были приборы глубокого просвечивания. Надо сказать, что Эллисон Паркер прекрасно разбиралась в реакторах высокой мощности, а в Ливерморе появился новый реактор такого типа, и он не числился в списках разведуправления ВВС. Кроме того, она обнаружила еще кое-что – непроницаемые для ее приборов сферы, находящиеся под землей в районе реактора.

Пол Хелер это тоже предсказывал.

Специалисты по ядерному наблюдению и контролю уровня Эллисон Паркер могли по своему усмотрению вносить поправки в программу; благодаря этому было решено немало задач. У Эллисон не возникнет никаких неприятностей, если она по собственной инициативе проверит какую-нибудь лабораторию в Соединенных Штатах, нужно только вовремя представить подробный отчет. Если Пол прав, разразится грандиозный скандал. Если же он ошибся, у него будут серьезные неприятности, и не исключено, что дело кончится тюрьмой.

Эллисон почувствовала, как ускорение мягко вдавило ее в кресло, а снаружи донеслись странные скрежещущие звуки. Бледные оранжево-красные сполохи прорезали ночь за передними иллюминаторами. Постепенно цвета стали насыщеннее, ощущение тяжести усилилось. Эллисон знала, что ускорение не превышает половины g, но после целого дня, проведенного на орбите, ей казалось, что оно гораздо больше. Квиллер сказал что-то о переходе на лазерную связь, а Эллисон попыталась представить себе землю, лежащую в восьмидесяти километрах внизу: тайга, возделанные поля, следом за ними канадские Скалистые горы – но представлять было не так интересно, как видеть своими глазами.

До последнего поворота оставалось около четырехсот секунд, и Эллисон лениво размышляла о том, как сложатся ее отношения с Полом. Она встречалась и с более привлекательными мужчинами, но ни один из них не был так умен. Именно в этом, возможно, и заключалась главная проблема. Хелер был явно в нее влюблен, но он не имел права рассказывать Эллисон о своей засекреченной работе, а незасекреченная часть ей ни о чем не говорила. Более того, среди коллег Пол считался возмутителем спокойствия; Эллисон это казалось очень странным, учитывая, что Пол был невероятно застенчив. Физическое влечение рано или поздно ослабевает; любопытно, сколько пройдет времени, прежде чем Эллисон ему надоест – или он ей. Последние события в Ливерморе вряд ли помогут улучшить их отношения.

Огненные сполохи на небе постепенно начали тускнеть, появились даже слабые оттенки голубого. Фред, утверждавший, что хочет перейти на работу в гражданскую авиацию, проговорил: «Дамы и господа, добро пожаловать в небеса Калифорнии. Они просто великолепны. Впрочем, вполне возможно, что мы еще находимся над Орегоном».

Нос космического корабля снова начал опускаться. Вид из иллюминаторов открывался примерно такой же, как если бы они летели на самом обычном самолете, не считая того, что линия горизонта была сильно изогнута, а небо казалось более темным. Внизу зеленым коридором лежала Большая калифорнийская долина, справа расплывался в тумане залив Сан-Франциско. Они пролетят примерно в девяноста километрах к востоку от Ливермора. Похоже, в этом месте сосредоточилось все, ради чего был нужен их полет: система слежения давала противоречивые сведения, которые заставили военных и политиков заподозрить, что Советы готовят какую-то акцию. И эта же система слежения была составной частью проекта, вызвавшего у Хелера серьезные подозрения – по причинам, о которых он не желал распространяться.

В этот момент мир Эллисон Паркер перестал существовать.

Глава 1

Старый калифорнийский торговый центр был самым крупным объектом полицейского управления Санта-Инеса и самым любимым маршрутом Мигеля Росаса. В этот теплый воскресный вечер в центре было полно покупателей, многие из них, чтобы попасть сюда, проехали не один километр по старому шоссе № 101. Торговля шла особенно бойко: отчеты о качестве и количестве выпущенного за неделю товара предсказывали очень продуктивное воскресенье. Кроме того, дождя не обещали до самого вечера. Майк ходил по торговому центру, время от времени останавливаясь поболтать с кем-нибудь или из праздного любопытства заходя в магазины. Все знали, насколько эффективно работает электронная аппаратура слежения, так что пока ему было совершенно нечего делать.

Майка это вполне устраивало. Росас находился на официальной службе в полицейском управлении вот уже три года. Но и раньше, с того самого момента, как он и его сестры приехали в Калифорнию, он так или иначе работал на управление. Шериф Венц сделал его кем-то вроде своего приемного сына, так что Майк вырос в окружении полицейских и с тринадцати лет выполнял обязанности помощника шерифа, причем за это ему уже тогда начали платить деньги. Венц хотел, чтобы парень нашел себе какую-нибудь техническую работу, однако служба в полиции оказалась для Майка более привлекательной. Полицейское управление Санта-Инеса имело хорошую репутацию и сотрудничало с большинством семей, обосновавшихся вокруг Ванденберга. Платили вполне прилично, район был довольно мирным, и вдобавок Майк чувствовал, что приносит людям пользу.

Майк покинул территорию торгового центра и начал подниматься по заросшему травой склону холма, за состоянием которого тщательно следила местная администрация. Сверху были хорошо видны выкрашенные в яркие цвета навесы над переходами между магазинами.

Переговорное устройство было, разумеется, включено – вдруг помощь полицейского понадобится для регулировки движения. Лошадям с повозками запрещалось заезжать дальше наружных парковочных площадок, и обычно это всех устраивало, но при таком наплыве посетителей кое у кого могло возникнуть желание немного ослабить жесткие правила.

Почти на самой вершине холма, греясь на солнышке, сидел Пол Нейсмит со своей любимой шахматной доской. Каждые несколько месяцев Пол спускался на побережье – иногда в Санта-Инес, иногда в города, расположенные севернее. Нейсмит и Билл Моралес приезжали пораньше, чтобы занять удобные места для парковки; Пол расставлял шахматы, а Билл отправлялся за покупками. Ближе к вечеру, когда Мастеровые привезут свои товары, Пол, возможно, у них что-нибудь купит. Сейчас же старик сидел, склонившись над шахматной доской, и жевал завтрак.

Майк с некоторой робостью подошел к нему. Нейсмит не казался опасным человеком, и с ним было очень легко разговаривать, но Майк знал его лучше многих – поговаривали, что за доброжелательностью старика скрывалось множество странностей.

– Сыграем, Майк? – спросил Нейсмит.

– Увы, мистер Нейсмит, я при исполнении.

«А кроме того, мне прекрасно известно, что ты никогда не проигрываешь, разве что нарочно».

Старик с досадой махнул рукой, посмотрел через плечо Майка куда-то между магазинами и вскочил на ноги.

– Ладно, я никого силком не тяну. Раз так, пойду, пожалуй, немного прогуляюсь, поглазею на витрины.

Майк узнал этот старый речевой оборот, хотя в торговом центре не было «витрин», если не считать застекленных прилавков с драгоценностями да еще экранов электронных приборов.

Поколение Нейсмита все еще составляло большинство, так что многие архаичные словечки не умирали.

Майк заметил на холме мусор, но негодяя, ответственного за это безобразие, найти не смог. Собрав мусор в кучку, он догнал Нейсмита, спускавшегося по склону в сторону магазинов.

Как и предполагалось, торговля продуктами питания шла хорошо. Прилавки были завалены какао-бобами, бананами, другими местными фруктами и даже привезенными откуда-то издалека яблоками. Игровая площадка справа полностью находилась в распоряжении детей. Впрочем, к вечеру ситуация изменится. Разноцветные занавески и тенты будет колыхать легкий ветерок, а когда совсем стемнеет, засияют многочисленные дисплеи, на которых начнут происходить волшебные события. Сейчас свет не горел, многие игры не работали. Даже в шахматы и другие симбиотические игры мало кто играл – стало почти традицией продавать и покупать подобные товары, только когда спускаются сумерки.

Однако возле «Селесты» Джерри Теллмана собралось пять или шесть подростков. Интересно, что там происходит? Майк заметил, что за дисплеем сидит маленький негритенок и играет уже не меньше пятнадцати минут. «Селеста» была запущена на довольно высокий уровень сложности, а Теллман никогда не отличался особой щедростью. Гм.

Нейсмит тоже направился к «Селесте», – видимо, ему, как и Майку, стало интересно.

Внутри было прохладно. Устроившись за поцарапанным деревянным столом, Теллман мрачно наблюдал за своим маленьким клиентом: на вид мальчику было лет десять или одиннадцать, он явно приехал откуда-то издалека. Всклокоченные волосы и грязная одежда, руки ужасно худые, – должно быть, недавно болел или регулярно недоедал. Негритенок что-то жевал – табак, как показалось Майку, – совсем нехарактерное занятие для местных детишек.

Мальчишка зажал в руке пачку банкнот гау[1] городского банка Санта-Инеса. По выражению лица Теллмана Росас догадался, как эти деньги попали к негритенку.

– Otra vez[2], – сказал мальчишка, бросив на Теллмана сердитый взгляд.

Владелец автоматов с сомнением огляделся по сторонам и заметил среди зевак нескольких взрослых.

– Ладно, последняя игра… Esta es el final, – повторил он то же самое на ломаном испанском. – Entiende?[3] Мне… гм, мне пора завтракать.

По всей вероятности, эти слова были сказаны специально для Нейсмита и Росаса.

– Ладно, – пожав плечами, согласился мальчишка.

Росас заметил, что Теллман запустил игру сразу на девятый уровень.

Мальчишка внимательно изучал исходную позицию. На плоском дисплее гипотетическая солнечная система была показана так, словно наблюдатель находился выше ее плоскости. Три планеты, обозначенные маленькими световыми кружками, вращались вокруг звезды. Об их массе можно было судить по размерам, но точные цифры указывались в нижнем углу экрана. Стартовая планета и планета-цель двигались по эксцентрическим орбитам, стартовая делала оборот вокруг оси за пять секунд – достаточно быстро, чтобы вращение было различимо на глаз. Между ней и планетой-целью двигалась третья, тоже по эксцентрической орбите.

Росас поморщился. Наверняка Теллман оставил эту задачу плоской только потому, что у него не было голографического дисплея. Майк еще ни разу не видел, чтобы кто-нибудь играл в «Селесту» на девятом уровне без симбиотического процессора. Таймер на дисплее показывал, что у игрока – совсем еще мальчишки – есть всего десять секунд на то, чтобы запустить ракету

---

[1] *Гау* – грамм золота (gram Aurum).

[2] Еще раз *(исп.)*.

[3] Понятно? *(исп.)*

и добраться до места назначения. По показаниям дисплея Росас понял, что горючего не хватит для полета по прямой. Ко всему прочему, нужен еще и гравитационный маневр!

Мальчишка положил все банкноты на стол и, нахмурившись, уставился на дисплей. Оставалось шесть секунд. Он взялся за рукоятки управления и привел их в действие. Крошечная золотая искорка, изображавшая космический корабль, оторвалась от зеленого диска стартовой планеты и полетела прямо в сторону желтого солнца, вокруг которого все вращалось. При этом мальчишка истратил более девяти десятых топлива, да еще и направил корабль совсем не в том направлении. Среди окружавших его детей поднялся недовольный ропот, а на лице Теллмана появилась довольная усмешка. Однако уже через несколько секунд она превратилась в гримасу.

Когда космический корабль пролетал мимо Солнца, мальчишка еще раз повернул рукоять управления – в результате гравитация и остатки топлива бросили корабль вглубь системы. Сверкающая точка, постепенно замедляясь, пронеслась через двухметровый экран, но не в сторону планеты назначения, а к промежуточной планете. Росас даже присвистнул. Он сам не раз играл в «Селесту» – и в одиночку, и при помощи процессора. Игре было уже почти сто лет, и она пользовалась почти такой же популярностью, как шахматы; к тому же «Селеста» напоминала о том, чего едва не достигла человеческая раса. Однако ему никогда не приходилось видеть, чтобы игрок, не пользующийся процессором, был способен на нечто подобное!

Лицо Теллмана приобрело сероватый оттенок. Корабль приблизился к промежуточной планете, еще мгновение – и она захватит его своим притяжением. В последний момент мальчишка сделал почти незаметное движение – на дисплее, показывающем запас топлива, светились цифры «0.001». На один миг изображения корабля и планеты слились, но столкновения так и не произошло – крошечная золотая точка стала быстро уходить в сторону, к дальнему краю экрана.

Дети начали кричать и аплодировать. Они уже чуяли близкую победу – старине Теллману придется расстаться с частью денег, которые он успел выиграть у них утром. Росас, Нейсмит и Теллман затаив дыхание продолжали смотреть на экран. Теперь, когда топлива практически не осталось, все зависело от удачи.

Красноватый диск планеты-цели безмятежно плыл по своей траектории, а космический корабль по дуге поднимался все выше и выше, все медленнее и медленнее – теперь он шел почти по касательной. Корабль начал увеличивать скорость, попав в поле тяготения планеты, к которой направлялся, – у зрителей возникло дразнящее и мучительное ощущение близкой удачи. Все ближе и ближе… Наконец два огонька слились в один.

«Перехват» – появилось на дисплее, а в нижней части экрана побежали цифры статистических данных. Росас и Нейсмит переглянулись. Мальчишка победил.

Теллман был страшно бледен. Он посмотрел на сумму, которую выиграл мальчишка.

– Извини, малыш, у меня нет с собой таких денег.

Потом он попытался повторить то же самое по-испански, но мальчишка разразился устрашающим потоком брани на «черном» испанском. Росас многозначительно посмотрел на Теллмана – в его задачу входила охрана интересов покупателей, точно так же как и владельцев центра. Если Теллман сейчас не заплатит, он может распрощаться со своей лицензией. В торговый центр и так поступало достаточно жалоб от родителей, чьи дети проигрывали здесь немалые деньги. А если у мальчишки хватит ума подать в суд…

Владельцу игровых автоматов наконец удалось перекричать мальчишку:

– Ладно, я заплачу. Pago, pago[4], маленький ты сукин сын! – Он вытащил пачку гау из сейфа и сунул их мальчишке в руки. – А теперь проваливай отсюда!

[4] Вознаграждение *(исп.)*.

Чернокожий мальчишка выскочил за дверь прежде, чем кто-либо успел отреагировать. Росас задумчиво посмотрел ему вслед, а Теллман продолжал жалобно бормотать, обращаясь скорее к самому себе, чем к кому-либо другому.

– Ну, не знаю, не знаю… Паршивец провел здесь все утро. Могу поклясться, что до сих пор он и в глаза не видел этой игры. Просто стоял и смотрел. Диего Мартинесу пришлось объяснить ему правила, а потом он начал играть. У него сначала и денег-то почти не было. Он играл все лучше и лучше. Ничего подобного я в жизни не видел. На самом деле… – лицо Теллмана неожиданно просветлело, и он посмотрел на Майка, – на самом деле, я думаю, меня облапошили, как сущего младенца. Готов поспорить на что угодно, что у него был процессор и он просто делал вид, будто ничего не понимает. Эй, Росас, как насчет такой идейки, а? Это было мошенничество, не иначе, особенно в последней игре. У него…

– …не было ни малейшего шанса, не так ли, Телли? – закончил за него Росас. – Угу, я знаю. Ты играл наверняка. Надо было ставить один к тысяче – ты еще легко отделался. Впрочем, мне известно кое-что про симбиотические процессоры, и он не мог выиграть без какого-то дорогого прибора. – Краем глаза Росас заметил, что Нейсмит кивнул. – Тем не менее… – он задумчиво потер подбородок и выглянул наружу, где ярко светило солнце, – я не прочь узнать об этом малыше побольше.

Нейсмит вышел из палатки вслед за ним, оставив у себя за спиной возмущенно булькающего Теллмана. Большинство детей стояли кучками на лужайке Мастеровых.

Таинственного победителя нигде не было видно. Очень странно. Район игровых автоматов выходил на открытую лужайку, поэтому все торговые ряды без труда просматривались. Майк несколько раз растерянно огляделся по сторонам.

– Думаю, мальчишка решил сбежать, как только мы начали наблюдать за ним, Майк. Ты заметил, что он не стал спорить, когда Теллман вышвырнул его из своей палатки? Наверное, на него нагнала страху твоя форма.

– Угу. И, едва оказавшись на улице, он помчался прочь как ветер.

– Не знаю, не знаю. Мне кажется, мальчишка не так прост.

Нейсмит приложил палец к губам и жестом предложил Росасу обойти баннер, растянутый вдоль павильона. Скрываться не было никакой необходимости – посетители центра вели себя шумно, кричали и смеялись, а рядом, возле ремонтных мастерских, грузили на телеги мебель.

Легкий вечерний ветерок со стороны Ванденберга трепал разноцветное полотно. Ярко светили два солнца, поэтому тени нигде не было, и все равно Майк и Нейсмит едва не наступили на негритенка, который скорчился под брезентом. Мальчишка подскочил в воздух, словно распрямившаяся пружина, и попал прямо Майку в руки. Если бы Росас принадлежал к другому поколению, если бы он был старше, все тут бы и кончилось: прочно укоренившееся уважение к ребенку и опасение причинить ему вред заставили бы помощника шерифа немедленно выпустить мальчишку. Но Росас не собирался ничего ему спускать, и какое-то время Нейсмит видел только безумное переплетение ног и рук. Майк заметил, что в руке мальчишки что-то блеснуло, а потом его предплечье обожгла боль.

Росас упал на колени, а мальчишка, который так и не выпустил ножа, вскочил на ноги и бросился бежать. Бежевый рукав рубашки Майка окрасился кровью. Он зажмурился от боли и достал служебный станнер.

– Нет!

Крик вырвался у Нейсмита чисто инстинктивно, он ведь вырос во времена, когда в ходу было огнестрельное оружие, а потом жил в эпоху, когда человеческая жизнь впервые в истории стала по-настоящему священной.

Мальчишка упал в траву и скорчился. Майк убрал пистолет в кобуру и, прижимая правой рукой рану, поднялся на ноги. Похоже, рана была неглубокая, но все равно чертовски болела.

– Позовите Сеймура, – проворчал Майк. – Нам придется тащить этого ублюдка на себе до самого участка.

Глава 2

Полицейское управление Санта-Инеса считалось самой крупной организацией подобного типа к югу от Сан-Хосе, недаром Санта-Инес был первым городом к северу от Санта-Барбары и границей с Ацтланом[5]. Шериф Сеймур Венц имел трех заместителей и поддерживал постоянные контакты с большинством местных жителей. Таким образом, получалось, что у него около четырех тысяч клиентов.

Контора Венца примостилась на склоне довольно высокого холма, а ее окна выходили на старое шоссе № 101. Отсюда на несколько километров в обоих направлениях – на север и на юг – можно было наблюдать за движением грузовиков Мирной Власти. В данный момент, однако, лишь Пол Нейсмит наслаждался видом из окна. Мигель Росас угрюмо наблюдал за тем, как Сеймур почти полчаса разговаривал по видеосвязи с Санта-Барбарой, а потом даже умудрился соединиться с гетто в Пасадине. Как Майк и предполагал, никто к югу от границы не мог им помочь. Правители Ацтлана тратили немало золота, пытаясь пресечь «нелегальную эмиграцию рабочих» из Лос-Анджелеса, но моментально теряли интерес к тем, кому удавалось сбежать. Сабио[6] из Пасадины сначала, казалось, заволновался, услышав описание мальчишки, потом сердито заявил, что ему ничего не известно. Единственной ниточкой оставался трудовой отряд, который на этой неделе прошел через Санта-Инес в сторону Санта-Марии, где были плантации какао-бобов. Здесь Саю наконец удалось кое-что выяснить. Некий Ларри Фолк, агент по найму рабочей силы, неохотно согласился поговорить с ним.

– Конечно, шериф, я знаю этого коротышку. Его зовут Вили Вачендон. – Он повторил по буквам, как пишется фамилия мальчишки. Первая буква фамилии на «черном» испанском звучала, как гибрид «З», «В» и «Б».

– Парень вчера сбежал, но не могу сказать, что я или кто-нибудь еще будем об этом очень долго жалеть.

– Послушайте, мистер Фолк, это же очевидно, что ваши люди плохо обходились с мальчишкой.

Шериф махнул рукой в сторону камеры, в которой лежал без сознания Вили. Теперь он казался еще более исхудавшим и жалким.

– Я вижу, вы запрятали паршивца в камеру, а у вашего помощника забинтована рука. – Фолк показал на Росаса, который ответил ему мрачным взглядом. – Готов поспорить, что маленький Вили продолжает заниматься своим хобби – резать потихоньку людей. Шериф, очень может быть, что где-то с Вили Вачендоном и обращались жестоко; лично я думаю, что он скрывается от Нделанте Али. Но я его и пальцем не трогал. Вы же знаете, как работают агенты по найму рабочих. Наверное, в старые добрые времена все было иначе, но теперь агенты получают по десять процентов, а рабочие могут пожаловаться на нас в любой момент. Они постоянно переходят с одного места на другое, пытаясь найти новый, более выгодный контракт. Я должен поддерживать хорошую репутацию, иначе эти люди найдут себе другого агента.

С самого начала, – продолжал Фолк, – мальчишка был только обузой. Он всегда казался полуголодным; наверное, больной. И как он только сумел добраться от Лос-Анджелеса до границы!.. – Его следующие слова заглушил шум проезжающего мимо грузовика. Майк выглянул в окно на огромный дизель, направляющийся на юг с грузом сжиженного природного газа для анклава Мирной Власти в Лос-Анджелесе. – …Я взял его только потому, что он сказал, будто сможет вести мои книги. Не спорю, маленький ублю… этот парнишка, возможно, и знает, как это делается. Но он еще ленивец и вор вдобавок. И я это могу доказать. А если вы начнете

---

[5] *Ацтлан* – легендарная прародина ацтеков. Иногда этим словом называют территории, захваченные США у Мексики.

[6] *Сабио (исп.)* – мудрец.

приставать ко мне, когда мой отряд будет возвращаться через Санта-Инес, я из вас сделаю настоящую котлету в суде.

Они обменялись еще парочкой столь же бессмысленных угроз, а потом шериф Венц отключил связь и повернулся к своему помощнику:

– Знаешь, Майк, я думаю, он говорит правду. Мы не часто встречаем такое у нового поколения, но ребятишки вроде твоих Салли и Арты…

Майк хмуро кивнул. Оставалось только надеяться, что Сай не будет больше распространяться на эту тему. Его маленькие сестрички Салли и Арта умерли много лет назад. Девочки-близняшки, на пять лет моложе, чем он, девочки родились еще в те времена, когда его родители жили в Финиксе. Они сумели добраться вместе с детьми до Калифорнии, но близняшки постоянно болели. Они обе умерли еще до того, как им исполнилось двадцать лет, и на вид им было не больше десяти. Майк знал, кто был в этом виновен. Он никогда не говорил о своих сестрах.

– А предыдущее поколение получило еще более тяжелый удар. Тогда люди думали, что это просто еще одна эпидемия, и не особенно обращали на нее внимание. Болезни, резкое снижение рождаемости сделали мир таким странным, что люди, создававшие бомбы в прошлом столетии, и представить не могли ничего похожего. Если этот Вили такой же, как твои сестры, значит ему должно быть лет пятнадцать. Неудивительно, что он на самом деле умнее, чем кажется на первый взгляд.

– Тут все гораздо сложнее, босс. Этот парень действительно очень толковый. Вы бы только видели, как он играл в «Селесту» Теллмана.

Венц пожал плечами:

– Вполне возможно. Теперь нужно решить, что с ним делать дальше. Может быть, Фред Бартлетт возьмет его к себе.

Это выглядело как неявное проявление расизма – Бартлетты были чернокожими.

– Босс, он же их заживо съест.

Росас похлопал по своей забинтованной руке.

– Черт возьми, придумай что-нибудь получше, Майк. У нас ведь четыре тысячи клиентов. Кто-то наверняка поможет… Потерявшийся ребенок, о котором некому позаботиться… Просто неслыханно!

Ничего себе ребенок! Однако Майк не мог забыть Салли и Арту.

– Верно, – пробурчал он.

До сих пор Нейсмит хранил молчание, не обращая внимания на полицейских. Казалось, его куда больше занимает вид на старое шоссе, чем их разговор. Но тут он повернулся к шерифу и помощнику:

– Я возьму мальчишку к себе, Сай.

Росас и Венц изумленно на него уставились. В стране, где двум третям населения было больше пятидесяти, Пол Нейсмит считался стариком. Венц облизал губы, явно не зная, как отказать.

– Пол, ты ведь слышал слова Майка. Парень чуть не убил его сегодня утром. Я знаю, как люди вашего возраста относятся к детям, но…

Старик покачал головой и бросил на Майка быстрый внимательный взгляд.

– Вы ведь знаете, Сай, что меня уже много лет просят взять ученика. Ну так вот, я наконец принял решение. До того как мальчишка попытался убить Майка, он играл в «Селесту» как настоящий мастер. Я никогда не видел, чтобы игрок, ничем не пользуясь, сумел применить гравитационный маневр.

– Майк мне рассказывал. Это, конечно, ловко, но, по-моему, к подобным маневрам прибегают многие. Мы почти все так делаем. Неужели это и в самом деле так сложно?

– Учитывая обстоятельства – просто поразительно. Исаак Ньютон делал лишь немногим больше, когда вычислял эллиптические орбиты, пользуясь универсальными законами всемирного тяготения.

– Послушайте, Пол… мне очень жаль, но это слишком опасно. Даже учитывая, что с вами рядом будут Билл и Ирма.

Майк подумал о боли в руке. А потом о своих сестрах-близнецах.

– Босс, можем мы отойти в сторонку и немного поговорить?

Венц поднял бровь:

– Поговорить?.. Ладно. Подождите минутку, Пол.

На мгновение в комнате повисла неловкая тишина, затем полицейские вышли за дверь. Нейсмит потер щеку чуть дрожащей рукой и посмотрел на шоссе, освещенное бледными лучами света от торгового центра. Так много всего успело измениться, и прошедшие годы словно затуманились. Торговый центр? В девяностых годах весь Санта-Инес был бы запружен толпой народа во время обычной школьной баскетбольной встречи. А теперь округ с населением всего в семь тысяч человек считается процветающим.

Солнце только что село, и в комнате постепенно становилось темнее. Призрачно светились экраны компьютеров; на большинстве из них можно было видеть разные районы торгового центра. Пол заметил, что посетителей становится все больше. Мастеровые, механики и ремонтники выставили свои товары, и вокруг импровизированных прилавков толпился народ. Вдоль другой стены комнаты располагались мерцающие тусклым красно-зеленым светом экраны с инфракрасным изображением, поступающим с камер, установленных в домах клиентов Венца.

В соседнем помещении негромко переговаривались между собой полицейские. Нейсмит откинулся на спинку стула и прибавил громкости на своем слуховом устройстве. На мгновение шум собственного дыхания и биение сердца оглушили его. Затем фильтры распознали периодичность и подавили посторонние шумы – теперь Нейсмит прекрасно слышал разговор Венца и Росаса. Совсем немногие могли похвастаться таким оборудованием, но Нейсмит предлагал высокую плату, и Мастеровые от Норкросса до Пекина с радостью снабжали его своими лучшими изобретениями.

– …думаю, Пол Нейсмит вполне может о себе позаботиться, босс, – четко донесся голос Росаса. – Он уже не один год живет в горах. К тому же Моралесам не больше пятидесяти пяти лет, и они крепкие ребята. Раньше там водилось множество бандитов и бывших вояк…

– Они там и сейчас есть, – заметил Венц.

– Сейчас совсем не те времена – не так много всякого оружия. Нейсмиту и тогда было уже немало лет, но он выжил. Я слышал о его доме. У него есть приборы, которые могут такое, что нам даже и не снилось. Его недаром называют чародеем Мастеровых. Я…

Остальное перекрыл такой громкий треск, что у Нейсмита даже заболели уши; прошло некоторое время, пока фильтры не подавили шум. Нейсмит начал отчаянно озираться, а потом со стыдом сообразил, что это был микротолчок. Подобные маленькие землетрясения регулярно происходили неподалеку от Ванденберга. Большинство были едва заметными – если только вы не использовали специальную аппаратуру, как это делал сейчас Нейсмит. Шум, который он услышал, был всего лишь потрескиванием деревянных перекрытий. Когда помехи стихли, снова стал слышен разговор двух полицейских.

– …что он сказал насчет ученика – чистая правда, босс. И он нужен не только нам в Центральной Калифорнии. Я знаю, что люди в Норкроссе и Медфорде ужасно боятся, что старик умрет, не оставив преемника. Нейсмит – лучший специалист по алгоритмам во всей Северной Америке, а может быть, и во всем мире. Взять, к примеру, коммуникационное оборудование у нас в контрольной комнате. Мне хорошо известно, как вы любите эту драгоценную игрушку, да и я тоже. Так вот, сжатие полосы частот, позволяющее передать все эти картинки в цвете

по стекловолоконному кабелю, было бы невозможным без тех изобретений, которые Нейсмит продал Мастеровым. И это еще не все…

– Ладно! – рассмеялся Венц. – Я вижу, ты очень серьезно отнесся к моей просьбе заняться теми из наших клиентов, кто работает с высокими технологиями. Я понимаю, что Центральная Калифорния превратится без старика в болото, но…

– Да, так оно и будет, когда он умрет, если только не найдет себе ученика. Его не один год уговаривали взять каких-нибудь студентов или даже преподавать, как это было до Катастрофы, но Пол отказывался. Думаю, он прав. Если ты с самого начала не обладаешь яркими творческими способностями, нет никакой надежды, что ты сможешь сотворить новый алгоритм. Думаю, он просто ждал и наблюдал. Похоже, сегодня Нейсмит наконец нашел себе ученика. Этот парнишка испорчен… он способен на убийство. Я не знаю, чего он хочет на самом деле, кроме денег. Однако у него есть одна штука, которую не могут заменить даже самые лучшие намерения, – отличные мозги. Вы бы видели, как он играл в «Селесту», босс…

Спор – или лекция – продолжался еще несколько минут, но исход был легко предсказуем. Волшебник Мастеровых, после долгих всеобщих ожиданий, взял наконец ученика.

Глава 3

Ночь и тройной лунный свет. Вили лежал в задней части повозки, плотно закутанный в одеяло. Мягкие рессоры по большей части компенсировали неровности дороги, когда повозка ехала по старому, разбитому шоссе. До Вили доносился шелест прохладного ветра в листве деревьев и приглушенный стук прорезиненных подков, да изредка пофыркивала сама лошадь. Они еще не достигли огромного черного леса, что простирался с севера на юг; казалось, вся Центральная Калифорния раскинулась перед ними. Морского тумана, который часто делал здешние ночи практически непроглядными, на сей раз не было, и лунный свет играл причудливыми голубыми бликами. Прямо на западе – а именно в этом направлении смотрел Вили – застыл Санта-Инес. Свет не горел почти ни в одном окне, но расположение улиц было отчетливо видно, а открытый квадрат торговой площади поблескивал оранжевыми и фиолетовыми отблесками.

Вили плотнее завернулся в одеяло. Он чувствовал, что действие станнера уже почти прошло; ногам и рукам было тепло, а прохладный ветер в лицо и великолепный вид действовали не хуже любого наркотика из тех, что ему удавалось раздобыть в Пасадине. Да, в Калифорнии очень красиво, но надежды на легкую добычу, с которыми он, сбежав от Нделанте, направился на север, не оправдались. Здесь действительно было много развалин, откуда давно ушли люди: Вили мог легко определить, где находился до Катастрофы Санта-Инес – прямоугольники, заросшие высокой травой, и полное отсутствие света.

Они занимали куда большую территорию, чем современный городок, но не шли ни в какое сравнение с развалинами Лос-Анджелеса – можно было целыми неделями бродить среди руин этого огромного города, практически еще не разграбленных. А если вас интересовали опасности и солидная добыча, в горах над Бассейном Лос-Анджелеса располагались особняки Джонков. Сверху Лос-Анджелес представлялся воистину сказочной страной: крошечные, сверкающие огни – каких множество в любом разрушенном городе – тут и там расцвечивают горизонт, расставленные повсюду, где только можно, пограничные посты Джонков, а в самом центре, словно сияющие хрустальные цветы, к небу тянутся башни анклава Мирной Власти… Вили вздохнул. Все это было до того, как его мир в Нделанте Али рассыпался на мелкие кусочки, до того, как он обнаружил обман старого Эбенезера… Если он когда-нибудь туда вернется, Нделанте и Джонки устроят соревнование за право первыми содрать с него шкуру.

Вили не мог вернуться.

Но во время путешествия на север он увидел то, что заставило смириться с необходимостью бежать сюда и делало эти места гораздо более живописными, чем Лос-Анджелес. Вили бросил взгляд через Санта-Инес на объект, вызвавший у него такое сильное изумление.

Прямо из моря, купаясь в лунном свете, поднимался серебряный купол. Даже на таком расстоянии и с такой высоты он казался огромным. Люди говорили о нем разное, и Вили слышал о куполе даже в Пасадине, хотя и не верил этим рассказам. Ларри Фолк называл его Ванденбергской Горой. Старик Нейсмит, который даже сейчас что-то беззаботно насвистывал, в то время как его слуга направлял повозку все дальше в горы, – так вот этот старик называл его не куполом, а пугалом. Но какое бы имя ему ни давали, оно не вмещало в себя всей его сущности.

Своими размерами и идеальными пропорциями он, казалось, превосходил саму природу. Купол можно было видеть даже из Санта-Барбары. Это была полусфера диаметром по меньшей мере двадцать километров. Там, где она уходила в Тихий океан, волны одна за другой бесшумно разбивались о блестящую поверхность купола. У другой его стороны воды озера, которое называлось Ломпок, были неподвижными и темными.

Совершенство, просто совершенство. Сама форма Купола была абстракцией, выходящей за грань реальности. Его идеальная, зеркальная поверхность отражала лунный свет, причем

отражение было таким же ясным и четким, как и сам оригинал. Так что окрестности освещались двумя лунами – одна сияла высоко в небе, а другая лила свет с поверхности Купола. Да еще и в открытом море виднелось более естественное отражение расплывчатого серебра, простирающееся за горизонт. Тройной лунный свет! А днем огромное зеркало точно так же отражало солнце. Ларри Фолк утверждал, будто фермеры старались так сажать свои растения, чтобы с выгодой для себя использовать двойное солнце.

Кто создал Ванденбергский Купол? Единственный Истинный Бог? Бог Джонков или Бог англов? А если он был сделан людьми, то как? Что может находиться внутри? Вили задремал, представив себе идеальное ограбление – забраться внутрь и украсть сокровища, которые должны быть просто невероятными, раз они скрыты таким удивительным куполом…

Когда он проснулся, повозка ехала по лесу, продолжая подниматься в гору, а вверху смыкали свои кроны темные деревья. Высокие сосны медленно колыхались, о чем-то шепча на ветру. Вили еще никогда не приходилось видеть такого огромного леса. Настоящая луна опустилась уже довольно низко; ее серебристые лучи лишь изредка проникали сквозь ветви, освещая деревья впереди и поблескивая на гладких сосновых иголках. Над головой Вили раскинулась лента ночного неба – она была светлее деревьев и выделялась на их фоне. А на небе сияли звезды.

Слуга англа придержал лошадь. Древняя бетонная дорога кончилась; теперь они ехали по тропе, и повозка продвигалась с большим трудом. Вили пытался смотреть вперед, но одеяло и остаточный эффект действия станнера мешали ему. Потом он услышал, как старик что-то негромко сказал в темноте. Пароль! Вили наклонился, чтобы проверить, нашли ли полицейские второй нож. Нет. Нож по-прежнему привязан с внутренней стороны к голени. Еще в Лос-Анджелесе он много слышал о стариках, командующих рабочими лагерями. Но этого раба старик не получит.

Через некоторое время раздался женский голос, весело разрешивший двигаться дальше. Лошадь снова затрусила вперед. Вили так и не удалось разглядеть обладательницу голоса.

Повозка повернула к следующей петле подъема, и теперь колеса почти беззвучно скользили по ковру хвои, устилавшему дорогу. Еще сотня метров, еще один поворот…

Это был настоящий дворец! Деревья и виноградная лоза окружали его со всех сторон, но не могли скрыть великолепия дворца, хотя и более открытого, чем крепости вождей Джонков в Лос-Анджелесе. Вожди обычно перестраивали особняки, оставшиеся после Катастрофы, обносили их заборами из колючей проволоки, по которой пропускали ток, а в стенах делали бойницы для пулеметов. Этот дворец тоже был старым и очень странным, однако никаких оборонительных сооружений нигде не видно – что могло означать только одно: хозяин контролирует территорию на многие километры вокруг. С другой стороны, когда они ехали сюда, Вили не заметил часовых, которые охраняли бы подъезды к дворцу. Впрочем, северяне вряд ли столь глупы и беззащитны, как это кажется на первый взгляд.

Повозка проехала мимо особняка. Узкая дорога вывела на широкое расчищенное место перед входом, и Вили наконец сумел все как следует разглядеть. Этот дом был меньше дворцов Лос-Анджелеса, его внутренний двор никак не мог бы вместить всех слуг и семью большого вождя. Однако само здание было массивным, а дерево и камень прекрасно дополняли друг друга. Редкие лучи лунного света отражались от ажурных металлических украшений и оставляли летучие образы лунного лика на гладко отполированном дереве. Крыша была темнее, от нее свет почти не отражался. Фронтон дома украшала странная башня: сверкающая тонкая игла, усыпанная темными сферами, от пяти сантиметров до двух метров в диаметре.

– Просыпайся, приехали.

Старик мягко потряс Вили за плечо и развернул одеяла. Вили с трудом удалось сдержаться и не броситься на него с ножом. Сделав вид, что никак не может проснуться, он тихонько что-то проворчал себе под нос.

– Estamos llegado, chico[7], – сказал слуга Моралес.

Вили принял помощь Моралеса и слез с повозки. По правде говоря, он еще не очень уверенно стоял на ногах, но чем меньше они будут знать о том, на что он способен, тем лучше. Пусть думают, что он очень слаб и не понимает по-английски.

От главного входа к ним прибежала служанка (не мог же вход для слуг быть таким роскошным). Больше никто не появился, но Вили решил вести себя тихо, пока не узнает побольше. Женщина – средних лет, как и Моралес, – радостно приветствовала мужчин, а затем повела Вили по вымощенной плитняком дорожке ко входу в дом. Вили шел, опустив голову и делая вид, будто еще не совсем пришел в себя. Впрочем, краем глаза он успел заметить, что от дерева до боковой стены особняка огромной паутиной раскинута серебристая сеть.

Пройдя в громадные двери, Вили оказался в тускло освещенном помещении и понял, что этот дворец ничем не отличается от дворцов в Пасадине, хотя здесь и не видно великолепных произведений искусства и золотых статуэток. Его повели наверх (наверх, а не вниз! Что же это за вождь, если он поселил своего самого ничтожного слугу на верхнем этаже?) по широкой лестнице, а потом они зашли в комнату под самой крышей. В окно светила луна. И окно казалось достаточно большим для того, чтобы Вили смог через него убежать.

– Tienes hambre?[8] – спросила женщина.

Вили, удивляясь самому себе, покачал головой. Он на самом деле не был голоден; наверное, еще не совсем прошло действие станнера. Женщина показала ему туалет в соседнем помещении и велела ложиться спать.

А после этого его оставили в комнате одного! Он лежал на кровати и смотрел в сторону леса. Ему казалось, что он видит свет, исходящий от Ванденбергского Купола. Вили уже почти перестал удивляться своему везению, он только благодарил Единственного Бога, что не сбежал прямо от входа в особняк. Кем бы ни был хозяин этого дворца, он совсем не заботился о безопасности, да еще и нанимал на работу дураков. Через неделю Вили будет точно знать, чем можно поживиться в этом особняке, а потом сбежит отсюда, прихватив достаточно добра, чтобы очень долго жить припеваючи.

[7] Приехали, малыш *(исп.)*.

[8] Ты голоден? *(исп.)*

Взгляд в будущее

Рождение нового мира капитана Эллисон Паркер сопровождалось скрежетом металла.

В течение нескольких минут она просто прислушивалась к своим ощущениям. К ней пытался подползти Квиллер, его лицо было в крови. Сквозь разбитый корпус виднелись деревья и бледное небо. Деревья?

Сознание Эллисон пока не отреагировало на это странное явление, она просто сражалась с ремнями безопасности. Затем схватила коробку с дисками и натянула на голову легкий шлем с десятиминутным запасом кислорода. Она автоматически выполняла предписанные инструкцией действия, которые много раз повторяла во время тренировок. Если бы Эллисон начала размышлять, она могла бы забыть про шлем – ведь до нее доносились пение птиц и шум ветра – и тогда наверняка бы погибла.

Эллисон оттащила Квиллера от панели управления и поняла, почему ремни безопасности не удержали его: нос ракеты со стороны пилота был смят. Еще несколько сантиметров – и его бы раздавило. Снаружи, сквозь тонкий шлем, доносилось громкое потрескивание. Эллисон надела шлем и на Квиллера и включила подачу кислорода. Она узнала запах, следы которого сохранились в воздухе, – запах топлива посадочных двигателей.

Ангус Квиллер высвободился из рук Эллисон и ошеломленно огляделся по сторонам.

– Фред? – крикнул он.

Снаружи горели деревья, которых здесь не должно было быть. Одному Богу известно, сколько времени корпус разбитой ракеты сможет удерживать огонь в носовых баках и не допустит его в отсек, предназначенный для команды.

Эллисон и Квиллер проползли вперед… и увидели, что произошло с Фредом Торресом. Страшный звук, с которого начался этот кошмар, сопровождал мощный удар, вдавивший левую переднюю панель ракеты в кабину экипажа. Спинка кресла Фреда не пострадала, но Эллисон сразу поняла, что самому пилоту помочь уже нельзя. Квиллеру просто очень повезло.

Они заглянули в зияющее прямо у них над головами отверстие – с рваными краями, достаточно широкое, чтобы через него можно было выбраться наружу. Эллисон бросила взгляд на основной люк. Он был слегка вогнут внутрь – пролезть через него не удастся. Даже несмотря на герметичные комбинезоны, уже чувствовался жар. Небо над отверстием больше не было голубым; теперь клубы дыма и пламени подбирались к ближайшим соснам.

Квиллер подставил руки и протолкнул Эллисон сквозь огромную брешь в корпусе ракеты. Ее голова высунулась наружу. При других обстоятельствах она бы отчаянно завопила, увидев странное существо, охваченное пламенем: огромное, темное, похожее на осьминога, с растопыренными огненными конечностями, раскачивающееся на ветру и скрипящее. Эллисон высвободила плечи из отверстия и подтянулась на руках. После этого протянула руку пилоту. Одновременно какая-то часть ее сознания подсказала, что она увидела вовсе не осьминога, а переплетенные корни большого дерева, упавшего на нос ракеты. Именно оно и убило Фреда Торреса.

Квиллер подпрыгнул и ухватился за руку девушки. Он был шире Эллисон в плечах и поэтому застрял, но, когда они объединили усилия, ему удалось выбраться наружу, хотя часть комбинезона осталась на острых краях разбитого корпуса.

Ракета лежала на дне длинного кратера, заполненного сейчас красноватым дымом и страшным жаром. Без кислородных масок у них не осталось бы ни малейшего шанса на спасение. Но даже и сейчас пробраться через огонь было совсем не просто. Пламя уже охватило переднюю часть корабля и быстро приближалось к топливным бакам. Эллисон и Квиллер отчаянно озирались по сторонам, уже больше не удивляясь тому, что видят, а только пытаясь найти путь к спасению.

Квиллер показал на правое крыло. Если пробежать по нему, хватит небольшого прыжка, чтобы добраться до кустов и низких деревьев, упавших в кратер. Только значительно позже Эллисон задумалась над тем, как все эти кусты оказались над их ракетой.

Несколько секунд спустя они, цепляясь за все, что попадется под руку, карабкались вверх, продираясь через зеленую стену кустарника. Огонь медленно, но упрямо продвигался сквозь влажную зеленую массу под ними, посылая длинные сполохи по высохшей хвое, которой был усыпан кустарник и переплетенные виноградные лозы. Когда Эллисон и Квиллер посмотрели назад, грузовой отсек распался на две части и весь их корабль провалился в странную пустоту. Так погибло оборудование Эллисон стоимостью в миллионы долларов. Ее рука сжала коробку с дискетами, которую она успела прихватить с собой.

Взорвался бак с горючим, одновременно правая нога Эллисон подогнулась, и она упала на землю, а секундой позже рядом с ней оказался Квиллер.

– Чертовски глупо вот так стоять и глазеть на бомбу, – пробормотал он. – Давай выбираться отсюда.

Эллисон попыталась встать, но заметила, что по ноге стекает красная струйка. Пилот поднял ее на руки и понес сквозь влажные заросли кустарника. Когда Квиллер отошел от кратера на двадцать или тридцать метров, стараясь держаться против ветра, он осторожно усадил Эллисон на землю и наклонился, чтобы осмотреть рану. Потом вытащил нож и прорезал плотную ткань скафандра вокруг раны.

– Тебе еще повезло. Что бы это ни было, оно прошло сквозь ногу навылет. Я бы даже назвал твою рану царапиной, не будь она такой глубокой.

Он побрызгал рану быстрозастывающим медицинским клеем из аптечки первой помощи, и Эллисон почувствовала, как боль отступила, сменившись неприятными пульсирующими толчками.

Густой красный дым медленно поднимался над местом катастрофы; сам корабль был скрыт за краем кратера. Изредка продолжали раздаваться взрывы, но уже не такие мощные. Здесь Эллисон и Квиллер были в относительной безопасности. Квиллер помог девушке снять скафандр, а потом избавился от своего.

Пилот сделал несколько шагов назад в сторону кратера и поднял странный предмет, вырезанный из дерева.

– Такое впечатление, что его забросило сюда взрывом.

Он держал в руках христианский крест, основание которого было покрыто грязью.

– Черт побери, похоже, мы рухнули прямо на кладбище.

Эллисон попыталась рассмеяться, но у нее сразу потемнело в глазах.

Несколько секунд Квиллер внимательно изучал крест. Наконец он отложил находку в сторону и подошел еще раз взглянуть на рану Эллисон.

– Кровотечение прекратилось, и я не вижу других ранок. Как ты себя чувствуешь?

Эллисон посмотрела на испачканные красным серые форменные брюки. Красивое сочетание цветов – если только это не твоя кровь.

– Дай мне немного времени прийти в себя. Готова спорить, что, когда прилетят спасательные вертолеты, я смогу ходить.

– Гм. Ладно, я пойду осмотрюсь немного… Может быть, здесь поблизости есть дорога. – Он отстегнул аварийную аптечку и поставил ее рядом с Эллисон. – Вернусь через пятнадцать минут.

Глава 4

За Вили принялись на следующее же утро. Женщина, которую звали Ирма, повела его вниз и накормила завтраком в маленьком алькове главной гостиной. Ирма была довольно симпатичной, еще достаточно молодой, чтобы сохранить силу, к тому же она очень хорошо говорила по-испански. Вили не доверял ей. Однако никто ему не угрожал, а еды было сколько хочешь; он съел так много, что на время почти утолил свой вечный голод. И пока он ел, Ирма говорила – правда, о всяких пустяках, словно понимала, что парень занят едой. Никаких других слуг не было видно. На самом деле Вили уже начал думать, что хозяин здесь не живет, а эти трое просто следят за домом, пока его нет. Этот вождь либо обладает бесконечной властью, либо он очень глуп, потому что даже при дневном свете Вили не заметил никаких признаков защиты. Вот бы сбежать до того, как вождь вернется…

– Ты знаешь, зачем тебя привезли сюда? – спросила Ирма, собирая тарелки с украшенного мозаикой стола.

Вили кивнул, делая вид, что смутился. Конечно, он знал. Всем требуются рабочие, а люди среднего возраста и старики часто нуждаются сразу в целой команде, чтобы поддерживать привычный образ жизни. Однако на всякий случай он спросил:

– Чтобы помогать вам?

– Не мне, Вили. Полу. Ты будешь его учеником. Он очень долго искал ученика, а теперь наконец выбрал тебя.

Все сходилось. Старый садовник – или кто он там такой – выглядел лет на восемьдесят, не меньше. В данный момент с Вили обращались просто по-королевски. Но он подозревал, что это происходит только потому, что старик и два его помощника бессовестно пользуются домом и всем, что в нем есть, в отсутствие хозяина. Когда вождь вернется, им, ясное дело, будет хорошая нахлобучка.

– И… и что я должен буду делать, госпожа? – Вили говорил с максимальной робостью, на которую был способен.

– Все, что попросит Пол.

Она провела его вокруг особняка, туда, где находился большой, почти как озеро, пруд, окруженный соснами. Вода выглядела чистой, хотя тут и там на ее поверхности плавали сосновые иголки. Ближе к середине, где тень от деревьев не падала на воду, отражалось ярко-голубое небо. Бросив взгляд вниз, вдоль склона, сквозь просвет между деревьями, Вили заметил, что над Ванденбергом собираются дождевые облака.

– А теперь раздевайся, мы тебя помоем.

Ирма подошла к Вили и начала расстегивать пуговицы на его рубашке – как взрослый, который хочет помочь ребенку. Вили отпрянул в сторону.

– Нет!

Оголиться в присутствии женщины!

Ирма рассмеялась и, прижав его руку, продолжала расстегивать рубашку. На мгновение Вили забыл, что решил изображать из себя послушного ребенка. Никто не стал бы с ним так обращаться на территории Нделанте. Даже Джонки с уважением относились к человеческому телу. Ни одна женщина не посмела бы предложить мужчине раздеться и принять при ней ванну.

Но Ирма была сильной. Когда она стягивала рубашку через голову Вили, он выхватил привязанный к ноге нож и приставил его к лицу женщины. Ирма вскрикнула, а Вили сразу же начал проклинать свою вспыльчивость.

– Нет, нет! Я все расскажу Полу.

Ирма отступила назад, вытянув перед собой руки, словно пытаясь защититься от ножа. Вили понял, что должен бежать немедленно (он был совершенно уверен в том, что эта странная

троица не сумеет его поймать) или сделать все, чтобы остаться. Потому что сейчас он не хотел никуда убегать.

Вили бросил нож и взмолился:

– Пожалуйста, госпожа, я схватился за нож, не подумав. – Что было чистой правдой. – Пожалуйста, простите меня. Я сделаю все, чтобы исправиться. Даже, даже…

Женщина подняла нож. Совершенно неопытная, раз верит всему, что ей говорят. Ситуация, в которой Вили оказался, была непредсказуемой и необъяснимой. Он бы предпочел, чтобы его ударили, – это было бы естественно и понятно.

Ирма покачала головой, а когда снова заговорила, в ее голосе все еще слышался страх. Теперь Вили не сомневался: она знает, что он намного старше, чем выглядит; Ирма больше не делала попыток к нему прикоснуться.

– Ладно, пусть это останется между нами. Я ничего не скажу Полу.

Она улыбнулась, и у Вили возникло чувство, что она чего-то недоговаривает. Ирма протянула ему мыло и мочалку, одновременно стараясь держаться от парня подальше. Вили разделся, соскользнул в холодную воду и начал мыться.

– Надень вот это, – сказала Ирма, после того как Вили вылез на берег и вытерся.

Новая одежда была мягкой, чистой и удобной – очень неплохая добыча. Когда они шли вместе обратно к особняку, Ирма вела себя почти так же, как и прежде, и Вили почувствовал, что может задать вопрос, который все утро вертелся у него на языке:

– Госпожа, я заметил, что нас только четверо, – во всяком случае, мне так показалось. Когда вернется хозяин с охраной?

Ирма остановилась и через секунду рассмеялась.

– Какой еще хозяин? Ты так странно говоришь по-испански. Похоже, ты думаешь, будто мы находимся в замке, где должны быть рабы и солдаты. – Она продолжала говорить – как показалось Вили, скорее для себя. – Хотя очень может быть, что тебе пока трудно все понять, до сих пор ты жил совсем в другом мире. Я никогда не была на юге… Ты уже встретил хозяина этого особняка. – Она заметила его непонимающий взгляд. – Это Пол Нейсмит, человек, который привез тебя сюда из Санта-Инеса.

– И… – Вили с большим трудом заставил себя задать следующий вопрос: – Вы втроем, и больше никого здесь нет?

– Конечно. Но не волнуйся. Я совершенно уверена, что здесь ты куда в большей безопасности, чем где бы то ни было на юге.

– Я в этом тоже уверен, госпожа.

В безопасности, как койот среди цыплят. Да, если он когда и принимал правильные решения, так это тогда, когда сбежал в Центральную Калифорнию. Он и представить себе не мог, что Пол Нейсмит и эти двое могли владеть таким особняком, – просто удивительно, что Джонки до сих пор не захватили их земли. Эта мысль снова разбередила подозрения Вили. Но потом он забыл об опасениях из-за тех возможностей, которые перед ним открывались. Не было никакого смысла убегать отсюда с награбленной добычей. Вили Вачендон, даже такой слабый, может стать здесь правителем – если следующие несколько недель будет вести себя разумно. По меньшей мере, он сможет сказочно разбогатеть. Если Нейсмит – здешний вождь и если Вили будет его учеником – значит, по сути дела, его усыновил хозяин особняка. Такое не раз случалось в Лос-Анджелесе. Даже самые богатые семьи часто оказывались бесплодными. Такие семьи почти всегда старались найти подходящего наследника, усыновить кого-нибудь – например, сироту, пережившего кровавую вендетту. Но детей всегда было очень мало, особенно в старое время. Вили знал об одном случае, когда старики решили усыновить ребенка из Бассейна – не черного ребенка, конечно, но все же мальчика из крестьянской семьи. Подобное было недостижимой мечтой; Вили просто не мог поверить в удачу. Если он сумеет правильно разыграть свои карты, то со временем ему будет принадлежать все это – и к тому же больше

не надо будет воровать и рисковать жизнью! Какая-то странная, неестественная ситуация… Но если эти люди не в своем уме, он постарается сделать все, чтобы извлечь из знакомства с ними максимальную выгоду.

Ирма направилась в дом, и Вили торопливо зашагал вслед за ней.

Прошла неделя, потом еще одна. Нейсмита нигде не было видно, а Билл и Ирма Моралес говорили только, что он уехал «по делам». Вили начал раздумывать о том, правильно ли он понимает, что такое «ученичество». С ним хорошо обращались, но без почтения, которое положено выказывать будущему наследнику особняка. Возможно, он проходил нечто вроде испытательного срока; Ирма будила его на рассвете, и после завтрака, если не было дождя, он большую часть дня проводил в небольших полях, окружавших особняк: пропалывал их, сажал что-то, поливал. Работа была нетяжелой – почти тем же занимался трудовой отряд Ларри Фолка, – но ужасно скучной.

В дождливые дни, когда тучи, постоянно нависающие над Ванденбергом, относило в горы, он оставался в доме и помогал Ирме с уборкой. Это занятие тоже не вызывало у Вили особого энтузиазма, однако у него появлялась возможность произвести разведку. Особняк не имел внутреннего двора, однако в некотором смысле все здесь было устроено сложнее, чем он себе вначале представлял. Вили и Ирма наводили порядок в больших комнатах, находящихся ниже уровня земли. Ирма ничего не говорила про них, хотя комнаты явно предназначались для больших встреч и банкетов. Запас продуктов был скромен, но общая площадь здания предполагала, что в доме должно жить много людей. Возможно, именно таким способом эти простофили пытались защитить себя: просто прятались и ждали, пока врагам надоест их искать. Нет, глупость какая-то получается. Если бы Вили был бандитом, он бы либо все здесь сжег, либо сам поселился в особняке. Неужели он просто взял бы и ушел отсюда только потому, что не смог никого отыскать и убить? И все же он нигде не видел следов насилия – ни на полированных деревянных стенах, ни на глубоких мягких коврах.

По вечерам Моралесы обращались с ним как с приемным сыном хозяина. Ему разрешали сидеть в главной гостиной и играть в «Селесту» или в шахматы. «Селеста» была ничуть не хуже, чем в Санта-Инесе, но он никак не мог добиться такого же результата, как в первый раз. Вили начал подозревать, что тогда ему отчасти повезло. Его подводила точность глаза и руки, а не интуиция. Задержка старта на тысячную долю секунды оборачивалась промахом. Билл говорил, что существуют механические приспособления, помогающие с этим бороться, однако Вили не слишком им доверял. Он провел много часов, сгорбившись у мерцающего экрана «Селесты», пока Ирма и Билл смотрели головизор. (После первых нескольких дней передачи стали казаться Вили невыносимо скучными – либо местные сплетни, либо натужные телевизионные шоу прошлого века.) Играть в шахматы с Биллом было почти так же скучно, как смотреть голо. После нескольких пробных игр Вили стал быстро и легко побеждать смотрителя особняка. Состязаться с компьютером оказалось гораздо интереснее.

Дни шли, Нейсмит не возвращался, и Вили совсем заскучал. Он еще раз обдумал ситуацию. За все это время ему так и не предложили перейти в хозяйские комнаты и не начали относиться к нему с подобающим почтением. (К тому же он не сумел раздобыть табака, хотя в принципе мог обойтись и без него.) Не исключено, что это все-таки была хоть и несложная, но работа по контракту, как у Ларри Фолка. Если англы так представляют себе усыновление, то ему это ни к чему. Значит, следует готовиться к серьезному ограблению.

Вили начал с небольших вещей: инкрустированные драгоценными камнями пепельницы из подземных комнат, карманная «Селеста», которую он нашел в одной из пустых спален… Вили выбрал дерево подальше, за прудом, и спрятал там свою добычу в водонепроницаемом мешке. Воровство, хотя он и не брал еще крупных и дорогих вещей, придало некоторый смысл

его жизни здесь и немного развлекло. Даже боль в желудке слегка утихла, а еда теперь казалась вкуснее.

Вили мог бы бесконечно долго колебаться между перспективой унаследовать весь особняк и желанием обокрасть его, если бы не одна вещь: особняк населяли призраки. Дело было не в том, что дом окружал ореол таинственности, и не в том, что Вили видел запертые на ключ потайные комнаты. В доме обитало что-то живое. Иногда раздавался женский голос – он не принадлежал Ирме, это был тот голос, который Вили услышал, когда они с Нейсмитом и Биллом приближались к особняку, приехав поздно вечером из Санта-Инеса. Как-то раз Вили даже видел это странное существо. Было уже сильно за полночь. Он тайком пробирался в дом, после того как спрятал свои последние приобретения, проскользнул через веранду, стараясь двигаться от одной тени к другой, но неожиданно кто-то возник у него за спиной – женщина, высокая, со светлой кожей. Ее волосы, серебряные в лунном свете, были странно подстрижены. Одежда напоминала ту, что он видел в старых телевизионных фильмах, которые постоянно смотрели Моралесы. Женщина обернулась и посмотрела прямо на него. На ее лице появилась слабая улыбка. Он бросился прочь, а существо исчезло.

Вили тенью пронесся вверх по лестнице и вбежал в свою комнату. Он прижал дверную ручку стулом и с отчаянно бьющимся сердцем нырнул в постель. Как бы ему хотелось поверить, что это была всего лишь игра лунного света: существо исчезло, словно кто-то убрал зеркало, ведь стены вокруг веранды почти полностью были сделаны из гладкого черного стекла. Но игра света и тени не бывает такой четкой и не улыбается едва заметной улыбкой. В таком случае что это было? Телевидение? Вили видел много плоских видеофильмов, а с тех пор, как приехал в Центральную Калифорнию, не раз смотрел голографические передачи. Но то, что предстало его глазам сегодня, было ни на что не похоже. Кроме всего прочего, видение повернулось и посмотрело прямо на него.

Значит, остается только… призрак. Вполне разумное объяснение. Никто – и уж конечно, ни одна женщина – не одевается так со времен, предшествовавших эпидемиям. Тогда Нейсмит был совсем молодым. Может, это призрак его умершей возлюбленной? Подобные россказни были очень популярны среди обитателей развалин Лос-Анджелеса, но до сих пор Вили относился к ним скептически.

Больше Вили не мечтал о получении особняка в наследство. Его занимал другой вопрос: можно ли выбраться отсюда живым и какую добычу при этом удастся унести? Он в ужасе не сводил глаз с дверной ручки. Если он переживет сегодняшнюю ночь, тогда, возможно, задержится здесь на несколько дней. Возможно, это было только предупреждение духа, ревностно охраняющего дом. Привидение не станет жалеть о нескольких безделушках, если Вили покинет эти места, когда Нейсмит вернется.

Этой ночью Вили почти не спал.

Глава 5

Всадники – их было четверо, и еще пять нагруженных мулов – прибыли вечером долгого дождливого дня. Сначала дул сильный ветер и грохотал гром, а теперь мелкий ванденбергский дождик скучно сыпал с затянутого тучами неба. И хотя час был еще не поздний, стало совсем темно.

Когда Вили увидел четверых путешественников и понял, что ни один из них не был Нейсмитом, он быстро обошел особняк и направился в сторону пруда и своего тайника. Правда, он несколько мгновений потратил на глупые раздумья о том, не предупредить ли Ирму и Билла.

Впрочем, он заметил, что эти простофили уже сбегают по ступенькам, чтобы встретить чужаков: огромного, толстого типа и троих охранников с винтовками. Вили спрятался в кустах, но Билл повернулся и, казалось, посмотрел прямо туда, где сидел мальчишка.

– Вили, иди помоги нашим гостям.

Пытаясь сохранить достоинство – насколько это было возможно в его положении, – Вили выбрался из кустов и направился к незнакомцам. Толстяк слез с лошади; он был похож на Джонка, однако говорил по-английски со странным акцентом.

– Ага, так это и есть его ученик, hein?[9] Я беспокоился, найдет ли мастер того, кто станет его последователем, и каким будет этот человек.

Он погладил ощетинившегося Вили по голове, как и все, неправильно оценив его возраст.

Жест был снисходительным, но Вили почудилось, что он уловил намек на уважение, может быть даже благоговение, в голосе толстяка. Возможно, этот тип не был Джонком и до сих пор ему не доводилось видеть черных. Незнакомец несколько мгновений внимательно рассматривал Вили и только потом, казалось, заметил, что идет дождь. Он нарочито передернул плечами, и все двинулись вверх по ступенькам. Билл и Вили остались, чтобы отвести животных в пристройку.

Четверо гостей. И этим не кончилось. По двое, по трое и по четыре – они прибывали весь вечер. Лошади и мулы быстро заполнили небольшую пристройку, и Билл показал Вили потайную конюшню. Слуг не было. Гости, по крайней мере те, что помоложе, сами заносили багаж в дом и помогали устраивать животных на ночь. Большая часть багажа попадала не в их комнаты, а исчезала в залах под землей. Остальное оказалось едой и напитками – что было вполне разумно, поскольку поместье могло прокормить только троих или четверых.

Ночью снова зарядил дождь. Прибыли последние посетители – одним из них оказался Нейсмит. Старик отвел своего ученика в сторону.

– А, Вили, ты остался. – По-испански он говорил неуверенно и делал частые паузы, словно ждал, что какой-то невидимый собеседник подскажет ему нужное слово. – После совета, когда наши гости уедут, надо будет обсудить порядок занятий. Откладывать больше нельзя – ты уже достаточно взрослый. А пока помоги Ирме и Биллу и… не мешай гостям.

Нейсмит посмотрел на Вили так, словно догадывался о его намерениях. Внимательно разглядывая этих наивных путешественников, Вили заметил не один туго набитый кошелек.

– Новому ученику нечего сказать тем, кто старше его, а за такое короткое время он вряд ли сможет чему-нибудь у них научиться.

С этими словами старик направился в залы, расположенные под его маленьким замком, а Вили вместе с двумя гостями остался в тускло освещенной кухне помогать Ирме.

Загадочные гости провели в замке всю ночь и весь следующий день. Большинство из них сидели в своих комнатах или в залах. Кое-кто помогал Биллу ремонтировать главное здание,

[9] А? *(фр.)*

но даже тут они вели себя довольно-таки странно. Крыша конюшни, например, нуждалась в срочном ремонте, однако, когда взошло солнце, они не стали за нее браться. Казалось, гости предпочитают заниматься той работой, которую можно сделать в тени. Кроме того, на улице никогда не работали вместе больше двух-трех человек. Билл утверждал, что так распорядился Нейсмит.

На следующий день вечером в одном из залов был устроен банкет. Вили, Билл и Ирма принесли еду, но им ничего не удалось увидеть. Тяжелые двери закрылись, а они втроем отправились наверх к себе. Когда Моралесы уселись возле головизора, Вили сделал вид, что направляется в свою комнату, однако вместо этого прошел через кухню и оказался у боковой лестницы. Благодаря толстому ковру он передвигался быстро и бесшумно и уже через несколько мгновений оказался у двери, ведущей в зал. Охрана отсутствовала, массивная дубовая дверь оставалась по-прежнему закрытой. На деревянном треножнике была установлена черная бархатная табличка с золотой эмблемой. Вили подошел ближе и потрогал табличку. Бархат был очень густой, но эмблему просто нарисовали золотой краской. Она потрескалась и выглядела очень старой. Там было всего три буквы: «NCC».

А ниже кто-то вывел от руки на пергаменте: «2047».

Вили удивился еще сильней. Зачем? Кто будет читать эту надпись, если дверь закрыта. Может быть, эти люди верят в заклинания, вызывающие призраков? Тихонько подобравшись к двери, он приложил ухо к темному дереву и…

И не услышал ничего. Ничего, кроме стука собственного сердца. Дверь была толстой, но, по крайней мере, должен был доноситься хотя бы тихий шепот. Сверху вполне отчетливо звучали слова пьесы столетней давности, которую Билл и Ирма смотрели по головизору в гостиной, однако с другой стороны двери вполне могла находиться глухая стена какой-нибудь громадной горы.

Вили бросился к себе наверх и был просто образцом добропорядочности, когда гости на следующий день стали разъезжаться по домам.

Они уезжали точно так же, как и приехали, – без шумного прощания, тихо и спокойно, точно ничего особенного не происходило. Странные, однако, у этих англов манеры.

Впрочем, кое-что все-таки роднило этих людей с южанами – они оставляли подарки, которые были весьма удобно сложены на широком столе у самого входа в особняк. Вили пытался делать вид, что подарки его совершенно не интересуют, но, несмотря на все его старания, глаза, словно по собственной воле, вылезали из орбит каждый раз, когда он проходит мимо стола. До сих пор ему не доводилось видеть ничего похожего, сюда словно бы перенесли все богатства Лос-Анджелеса – рубины, изумруды, алмазы и золото. Кроме того, здесь были всяческие приспособления, упакованные в искусно украшенные резьбой шкатулки из дерева и серебра. Он не знал, что это такое – голографические игры или что-нибудь еще. Здесь лежало так много всего, что можно было прихватить себе огромное состояние и никто не заметил бы, что чего-то недостает.

Последние посетители уехали около полуночи. Вили сидел, скорчившись у окна своей комнаты на чердаке, и наблюдал за их отъездом. Гости быстро исчезли на темной тропе, а вскоре стих и стук копыт. Вили подозревал, что, как и все остальные, эти трое покинули главную дорогу и продолжали путь по какой-то только им известной тропинке.

Вили не пошел спать. Медленно тянулись часы, луна заняла свое место на небе, а он все пытался разглядеть знакомые места на побережье, однако опустился туман, и был виден только Ванденбергский Купол. Вили дождался предрассветного часа. Снизу не доносилось ни звука, даже лошади и те спали. Лишь легкое жужжание насекомых нарушало тишину. Если он хочет получить часть этих сокровищ, нужно действовать сейчас, не обращая внимания на то, что светит полная луна.

Вили скользнул вниз по лестнице, рукой касаясь рукояти ножа – не того, конечно, которым он напугал Ирму, тот он демонстративно ей отдал, а короткого разделочного тесака, который ему удалось стащить на кухне. После памятной ночи на веранде он больше не видел таинственного призрака. Вили почти удалось убедить себя, что это был обман зрения или какая-нибудь голографическая картинка, предназначенная специально для того, чтобы пугать людей. И тем не менее у него не было никакого желания оставаться здесь.

Сокровище лежало на своем месте и сверкало в лунном свете. Сейчас оно выглядело даже прекраснее, чем при электрическом освещении. Где-то далеко Билл перевернулся на другой бок и захрапел. Вили очень тихо наполнил свой мешок самыми маленькими и самыми ценными, с его точки зрения, предметами, разложенными на столе. Ему было трудно сдержать свою жадность, но он остановился, когда мешок был всего лишь наполовину заполнен. Пяти килограммов вполне достаточно! Это все равно гораздо больше, чем старый Эбенезер платил подлым Нделанте за целый год! Теперь оставалось выйти через заднюю дверь, обойти пруд и подобраться к тайнику.

Вили тихонько вышел на веранду, и у него отчаянно забилось сердце. Последняя возможность для призрака напасть на него.

Dio![10] Там на самом деле кто-то есть. Стараясь не дышать, Вили замер на месте. Это был Нейсмит. Старик сидел в плетеном кресле, завернувшись во что-то теплое, чтобы уберечься от ночной прохлады. Казалось, Нейсмит смотрел на небо – но не на луну, поскольку находился в тени, – значит это вовсе не засада. Тем не менее Вили покрепче сжал рукоятку ножа и, подождав немного, снова двинулся вперед, в сторону пруда и подальше от старика.

– Иди сюда и сядь рядом со мной, – не поворачивая головы, сказал Нейсмит.

Вили чуть не бросился бежать, но потом сообразил, что если старик сидит тут и рассматривает звезды, то и он вполне может объяснить свое появление на веранде теми же причинами. Он опустил свой мешок с сокровищем в тень и подошел к Нейсмиту.

– Вот так, хорошо. Садись. Что ты делаешь здесь так поздно, юноша?

– То же, что и вы, господин… Вышел посмотреть на звезды.

Что еще здесь мог делать старик?

– Хороший повод.

Тон оставался нейтральным, и Вили не мог сказать, нахмурился Нейсмит или улыбнулся; ему едва был виден профиль старика. Рука Вили нервно сжала рукоять ножа. Он никогда раньше никого не убивал, но ему было хорошо известно, как наказывали за грабеж.

– Но я любуюсь не самим небом, – продолжал Нейсмит, – хотя оно очень красиво. Особенно я люблю утро и поздний вечер, потому что в это время видны… – снова возникла характерная пауза, когда казалось, что он ищет подходящее слово, – спутники. Видишь? Вот и сейчас можно разглядеть сразу два.

Нейсмит показал ближе к зениту, а потом махнул рукой в сторону горизонта. Вили проследил взглядом и увидел крошечное пятнышко света, которое медленно и свободно скользило по темному небу. Слишком медленно для самолета или тем более метеора: это была движущаяся звезда, конечно. На мгновение Вили почудилось, будто старик собирается показать ему что-то действительно волшебное. Вили пожал плечами, и Нейсмит каким-то образом умудрился заметить его жест.

– Не производит особого впечатления, да? Когда-то там находились люди. Теперь нет.

Вили с трудом скрыл усмешку. Как такое может быть? Самолет по крайней мере можно разглядеть, а эти маленькие огоньки похожи на бессмысленные звезды. Но он ничего не сказал, и наступила долгая тишина.

---

[10] Господи! *(исп., искаж.)*

– Ты не веришь мне, Вили? А ведь это правда. Там находились мужчины и женщины – так высоко, что отсюда невозможно разглядеть форму их летательного аппарата.

Вили расслабился, сидя на корточках перед стулом старика.

– Тогда, господин, я не понимаю, что держит их наверху. – Вили постарался, чтобы его голос звучал кротко. – Даже самолет должен спускаться вниз, чтобы заправиться топливом.

Нейсмит засмеялся:

– И я слышу это от мастера игры в «Селесту»! Подумай, Вили. Вся Вселенная – это грандиозная игра в «Селесту». Движущиеся пятнышки света на самом деле вращаются вокруг Земли, точно так же как планеты на дисплее.

Del Nico Dio![11] Вили плюхнулся на каменный пол. У него даже закружилась голова. Небо больше никогда уже не будет прежним. В космологии Вили – до этого момента – Земля была плоской. А теперь, совершенно неожиданно, он обнаружил, что попал во внутренний космос «Селесты», где ему суждено остаться навсегда и где нет ни верха, ни низа, а есть только источник мощных сил тяготения – Земля, вокруг которой вращаются Луна и эти движущиеся звезды. Теперь он не мог не думать о бесконечном пространстве: он слишком хорошо представлял себе «Селесту». Ему вдруг показалось, что он стремительно уменьшается, превращаясь в нечто, мало отличающееся от нуля.

Его разум заметался в темноте, в мучительной сложности открывшихся явлений, а над головой раскинулось ночное небо. Значит, все эти предметы имеют собственную гравитацию и все они движутся под влиянием, пусть даже совсем небольшим, остальных объектов. Образ Солнечной системы, не слишком отличающийся от реального, начал медленно формироваться перед его мысленным взором. Когда Вили наконец заговорил тихим голосом, ему больше не требовалось имитировать смирение:

– Выходит, игра показывает те путешествия, которые люди совершали на самом деле? На Луну, на эти движущиеся звезды? Вы… мы… можем это делать?

– Мы могли это делать, Вили. Мы могли делать это и многое другое. Но не можем теперь.

Вили вдруг показалось, что у него снова отобрали Вселенную. И в его голосе прозвучала мольба:

– Почему?

– Сначала виновата была Война. Пятьдесят лет назад там, наверху, находились люди. Им оставалось либо голодать, либо возвращаться на Землю. После Войны начались эпидемии. Теперь… теперь мы опять способны это сделать – иначе, чем тогда, но в принципе способны. Мы могли бы снова выйти в космос… если бы не Мирная Власть. – Последние два слова Нейсмит произнес по-английски, помолчал немного и добавил: – Mundopaz[12].

Вили посмотрел в небо. Мирная Власть. Она всегда казалась ему частью Вселенной, такой же далекой и равнодушной, как сами звезды. Он видел их самолеты, а иногда и вертолеты. По большим шоссе каждые два или три часа проезжали их грузовики. У них был анклав в Лос-Анджелесе. Нделанте Али никогда не строили планов нападения на Мирную Власть; они предпочитали грабить феодальные владения Ацтлана. Даже владыки Ацтлана, наглые и самодовольные, неизменно говорили о Мирной Власти только в нейтральных тонах. Неудивительно, что звезды у человечества украли эти почти сверхъестественные силы. Неудивительно, но и совершенно нестерпимо.

– Они принесли нам мир, Вили, но цена оказалась слишком высокой.

По небу пролетел метеор, и у Вили мелькнула мысль, не был ли и он творением рук человека.

---

[11] Единый Бог! *(исп., искаж.)*

[12] Мир во всем мире *(исп.)*.

– Я сказал тебе, что нам следует поговорить, и сейчас для этого самый подходящий момент. Я хочу, чтобы ты стал моим учеником. Но из этого ничего не выйдет, если ты сам не захочешь. Мне почему-то кажется, что у нас разные цели. Я думаю, ты жаждешь богатства – мне известно, что лежит в твоем мешке. Я знаю, что находится у дерева, которое растет за прудом.

Голос Нейсмита звучал сдержанно и спокойно. Вили не мог отвести глаз от той точки в небе, где исчез метеор. Все это было похоже на сон. В Лос-Анджелесе его бы уже вели к вождю – приемный сын, пойманный на предательстве.

– Что принесет тебе богатство, Вили? Минимальную безопасность, да и то лишь до того момента, пока кто-нибудь не отнимет его у тебя. Даже если бы тебе удалось взять здесь власть, ты все равно остался бы мелким вождем, не имеющим надежной защиты.

Кроме богатства, Вили, существует и сила – думаю, ты уже видел достаточно, чтобы оценить ее, даже если никогда не мечтал о ней.

Сила. Власть. Да – управлять другими так, как до сих пор управляли им самим. Заставить других бояться так, как боялся он. Теперь Вили видел силу Нейсмита. Как еще можно объяснить этот замок? Ему сразу вспомнился призрак, охраняющий дом… Ха! Призрак или изображение, но он явно на службе у Нейсмита. Час назад одна эта мысль могла бы заставить Вили остановиться и вернуть все украденное. Сейчас он почему-то не мог оторвать глаз от неба.

– Однако, кроме силы и власти, существует еще знание, про которое многие говорят, что оно само по себе сила. – Нейсмит перешел на родной английский, но Вили не стал делать вид, будто ничего не понимает. – Станет это знание силой или нет, зависит от воли и мудрости того, кто им пользуется. Как своему ученику, я несомненно могу предложить тебе знание, Вили; возможно, и силу. Что же до богатства – у меня есть только то, что ты уже видел.

Серп луны осветил сосны. Луна уже больше никогда не будет для Вили прежней луной.

Нейсмит посмотрел на мальчика и протянул ему руку. А Вили протянул ему нож рукояткой вперед. Старик принял нож, не выказав ни малейшего удивления.

Они встали и направились обратно в дом.

Глава 6

После той ночи многое осталось без изменения, но это была лишь внешняя сторона: Вили продолжал, как и раньше, работать в саду. Даже несмотря на то, что гости оставили в подарок немало продуктов, все равно приходилось потрудиться, чтобы прокормить себя. (У Вили всегда был хороший аппетит – он ел больше остальных. Однако это мало помогало, он оставался таким же худым и болезненным на вид, как и раньше.) А утром и вечером Вили занимался с машинами Нейсмита.

Оказалось, что призрак – одна из этих машин, старик называл ее Джилл. На самом деле это была программа, пропущенная через специальный процессор. Джилл напоминала настоящего человека и с помощью специального оборудования, смонтированного в стенах веранды, могла появляться даже на открытом пространстве. Она оказалась превосходным учителем, бесконечно терпеливая и достаточно «человечная», так что Вили хотелось получить от нее похвалу. Час за часом она обучала его языку. Это напоминало устную игру в «Селесту». Всего за несколько недель Вили, до того едва умевший писать, научился составлять компьютерные команды на английском.

Одновременно Нейсмит начал учить его математике. Сначала парень с презрением относился к задачкам, он мог считать ничуть не медленнее Нейсмита. Однако очень скоро Вили обнаружил, что математика – это нечто куда более значительное, чем четыре основных арифметических действия. Были еще корни и трансцендентные функции, а также закономерности, которые управляли и «Селестой», и планетами. Машины Нейсмита показывали ему графическое изображение функций и способы их преобразования.

Шло время, функции становились все более сложными и интересными. Однажды вечером Нейсмит, сидя у панели управления, вывел на экран целую серию разноцветных прямоугольников разных размеров. Они походили на неровные бойницы в стенах крепости. Под первым рядом старик вывел второй, а за ним третий, причем каждый последующий напоминал первый, только в нем было больше мелких прямоугольников. Их высота колебалась между отметками «+1» и «–1».

– Ну, – сказал Нейсмит, отворачиваясь от дисплея, – какая здесь закономерность? Можешь показать мне три следующих ряда?

В эту игру они играли уже несколько дней. Конечно, можно было спорить о том, что является действительным продолжением той или иной серии, и дать несколько ответов, в зависимости от личных предпочтений, но поражало то, как Вили удавалось почувствовать некую правильность в одних ответах и лишенную изящества пустоту – в других.

Он несколько секунд смотрел на экран. Это было сложнее, чем «Селеста», где требовалось решить задачу с вполне определенными условиями. Мм. Площадь становилась меньше, высота не менялась, минимальная ширина прямоугольника уменьшалась вдвое в каждой новой линии.

Вили провел пальцами по экрану и быстро начертил три серии значков.

– Хорошо, – кивнул Нейсмит. – Думаю, ты мог бы изобразить еще несколько серий, пока прямоугольники не станут такими узкими, что их уже будет не вывести при помощи пальцев или даже курсора. А теперь посмотри сюда.

Нейсмит нарисовал другой ряд амбразур, явно выпадающий из предыдущей закономерности. Высоты их не были теперь ограничены уровнями «+1» и «–1».

– Построй мне теперь закономерность как сумму или разность из тех функций, которые мы уже с тобой разбирали. Разложи ее по другим функциям.

Вили наморщил лоб, внимательно глядя на дисплей; это было сложнее, чем «угадать закономерность». А потом он вдруг увидел решение: утроенная первая функция минус учетверенная третья плюс…

Его ответ оказался правильным, но Вили недолго пришлось гордиться собой. После этого старик предложил такую задачку, что у него ушло немало минут, прежде чем он нашел правильный ответ… пока Нейсмит не показал ему один маленький фокус под названием «ортогональное разложение». В нем использовалось одно замечательное свойство этих функций, волны Уолша, как Нейсмит называл их. Новое знание слегка напомнило Вили то благоговение, которое он почувствовал, узнав о движущихся звездах. Научиться сразу отвечать на вопрос, находить мгновенно скрытые закономерности, на которые в противном случае у него ушло бы немало времени, – это было просто здорово.

Целую неделю Вили придумывал другие семейства ортогональных функций и был ужасно разочарован, когда узнал, что почти все они – волны Хаара, тригонометрические ряды и так далее – известны специалистам вот уже лет двести. Теперь он был готов к книгам Нейсмита. Он зарылся в них, проскочив вступительные статьи, отчаянно пробиваясь вперед – туда, где любые новые идеи превосходили все то, что удалось до сих пор сделать другим исследователям.

В мире за пределами дома, в полях и лесах, которые теперь почти не занимали мысли Вили, на смену лету постепенно пришла осень. Чтобы собрать урожай и заготовить припасы на зиму, приходилось работать гораздо больше. Даже Нейсмит порывался внести свою лепту, хотя остальные изо всех сил старались оградить его от тяжелого физического труда. Старик не был болен, но в нем чувствовалась физическая слабость.

От бобовых посадок на маленькой возвышенности Вили мог заглянуть дальше, за сосны. Лиственный лес изменил цвет и напоминал оранжево-красную ленту, брошенную на зелень елей и сосен. Побережье затянуло тучами, но Вили подозревал, что влажные леса там зеленеют по-прежнему; над облаками, как всегда величественный, вздымался Ванденбергский Купол. Теперь Вили кое-что знал о нем и верил, что наступит день, когда его секрет раскроется. Нужно только задавать правильные вопросы – себе и Нейсмиту.

Дома, погрузившись в свой огромный мир, Вили сумел сдать первый экзамен на знание функционального анализа и занялся решением трех новых задач, поставленных перед ним учителем: электромагнетизм, теория полей Галуа и стохастические процессы. Впереди у него появилась цель, хотя (и это очень радовало Вили) предела тому, что он должен узнать, не существовало. У Нейсмита был проект, который он собирался передать ученику, если тот окажется достойным.

Теперь Вили понимал, почему все так ценили Нейсмита, какие необычные услуги он оказывал людям, живущим по всему континенту. Нейсмит решал задачи. Старик почти каждый день говорил по телефону, иногда с местными жителями – вроде Мигеля Росаса из Санта-Инеса, но так же часто вел дела и с теми, кто жил во Фримонте или вообще настолько далеко, что когда у них, в Калифорнии, был еще день, там, куда он звонил, уже наступила ночь. Он говорил по-английски, и по-испански, и на языках, которых Вили никогда прежде не слышал. Нейсмит беседовал с людьми, которые не были ни Джонками, ни англами, ни черными.

Вили уже многому научился и понимал, что это совсем не такое простое дело, как обычный местный звонок. Связь между городами, расположенными на побережье, осуществлялась легко – по стекловолоконному кабелю и на любой частоте. Даже на более серьезных расстояниях, как, например, от особняка Нейсмита до побережья, наладить видеосвязь было относительно несложно: когерентный излучатель, установленный на крыше, мог посылать инфракрасные и микроволновые сигналы в любом направлении. В ясные дни инфракрасный излучатель обеспечивал качество лишь немногим хуже, чем по кабелю (даже с учетом хитроумных приемов Нейсмита, чтобы скрыть их местоположение). Но разговаривать с теми, кто находился

за пределами прямой видимости, за изгибом поверхности Земли, за лесами и реками, где не проложишь кабель, было куда более сложной задачей. Нейсмит использовал то, что он называл «короткие волны» (которые на самом деле имели длину от одного до десяти метров). Они не слишком подходили для высокоточной связи. Чтобы передавать видеоизображение – даже расплывчатую черно-белую картинку, – требовались невероятно сложные схемы кодирования и адаптация в режиме реального времени к меняющимся условиям в верхних слоях атмосферы.

Люди, с которыми говорил Нейсмит, ставили перед ним задачи и получали ответы. Разумеется, не сразу; часто у него уходили на это целые недели, но рано или поздно он что-нибудь придумывал. Во всяком случае, заказчики казались довольными. Хотя Вили до сих пор не очень ясно представлял себе, какая польза Нейсмиту от благодарности людей на другом конце света, вскоре он начал догадываться, откуда берутся средства на содержание особняка и почему Нейсмит может позволить себе первоклассную аппаратуру для головидения.

Одну из таких задач Нейсмит передал своему ученику. Если Вили добьется успеха, то они и в самом деле смогут получать изображение с разведывательных спутников Власти.

Однако на экранах появлялись не только люди.

Однажды вечером, вскоре после того, как выпал первый снег, Вили, вернувшись домой из конюшни, застал Нейсмита за странным занятием: старик внимательно наблюдал за пустым участком земли. Каждые несколько секунд картинка дергалась и перемещалась, словно камеру держал пьяница. Вили присел рядом с учителем. В этот вечер желудок у него болел сильнее, чем обычно, и раскачивающаяся перед глазами картинка не улучшила его самочувствия, но любопытство удерживало Вили у экрана.

Неожиданно камера повернулась вверх и оказалась направленной сквозь сосновые деревья на дом, едва различимый в вечернем полумраке. Вили даже вскрикнул – на экране был особняк, в котором они жили.

Нейсмит с улыбкой отвернулся от экрана.

– Думаю, это лань. К югу от нашего дома. Я следил за ней две ночи подряд.

Вили потребовалась целая секунда, чтобы сообразить: Нейсмит поясняет ему, где находится камера. Он попытался представить себе, как кто-то ловит лань и устанавливает на ней камеру. Должно быть, Нейсмит заметил удивление парня.

– Одну секунду.

Старик порылся в ближайшем ящике стола и протянул Вили крошечный коричневый шарик.

– Такая же камера и на этом животном. Ее разрешающая способность достаточно велика, по крайней мере на уровне человеческого глаза. Кроме того, я могу изменить параметры так, что она будет «смотреть» в разных направлениях, даже если сама лань не поворачивается… Джилл, можешь повернуть ось камеры?

– Хорошо, Пол.

Картинка скользнула вверх, и они увидели свисающие ветки, а затем камера повернулась в другую сторону, показав мохнатую спину и часть уха.

Вили посмотрел на предмет, который Пол вложил в его руку. «Камера», теплая и немного липкая, была всего трех или четырех миллиметров в поперечнике и ничем не напоминала те громоздкие устройства с линзами, которые он видел на виллах Джонков.

– Значит, вы просто прилепили ее к меху? – спросил Вили.

Нейсмит покачал головой:

– Все еще проще. Грины из Норкросса присылают мне эти штуки целыми сотнями. Я разбрасываю их по лесу, по веткам и кустам, и они пристают к самым разным животным. Это обеспечивает нам дополнительную безопасность. Сейчас в горах намного спокойнее, чем раньше, хотя изредка по-прежнему встречаются бандиты.

– Угу. – (Если у Нейсмита есть оружие, под стать системе обнаружения, то особняк защищен куда лучше, чем любой замок в Лос-Анджелесе.) – Хорошо, если бы у нас были люди, чтобы вести наблюдение постоянно.

Нейсмит только улыбнулся, и Вили сразу подумал о Джилл – программа вполне способна с этим справиться.

Больше часа Нейсмит показывал ученику разные сцены, снятые многочисленными камерами. Одна из них вела съемку с высоты птичьего полета, – видимо, камера прилипла к перьям какой-то птицы. Это давало примерно такой же вид, как тот, что открывался пилоту самолета или вертолета, принадлежащего Мирной Власти.

Вили вернулся в свою комнату и еще долго сидел, глядя из чердачного окошка на засыпанные снегом деревья, сравнивая этот вид с тем, который еще несколько минут назад он, подобно Богу, мог наблюдать дюжинами других глаз. Наконец он встал, стараясь не обращать внимания на спазмы в желудке, которые заметно усилились в последние несколько недель, вынул всю свою одежду из шкафа и, разложив ее на кровати, тщательно обследовал каждый квадратный сантиметр глазами и пальцами. В швах своей любимой куртки и на рабочих штанах он нашел несколько крошечных коричневых шариков. Вили снял их; в бледном свете настольной лампы они выглядели совершенно безобидно.

Он положил камеры в ящик стола, а одежду снова развесил в шкафу.

Долгие минуты Вили лежал без сна, размышляя о том месте и том времени, которые старался не вспоминать. Что общего могла иметь лачуга в Глендоре с дворцом в горах? Ничего. Или все. Там было ощущение безопасности. Там был дядя Сильвестр. Там он тоже учился – арифметике и чтению. До Джонков, до Нделанте – там был детский рай, время, утраченное навсегда.

Вили тихонько встал и снова прилепил камеры на свою одежду. Может быть, не навсегда утраченное.

Глава 7

Прошел январь – непрекращающаяся снежная буря. Ветры, дующие от Ванденберга, намели горы снега, которые постепенно добрались до второго этажа особняка и полностью перекрыли бы выходы, если бы не героические усилия Билла и Ирмы. Боль в желудке Вили усилилась и стала постоянной. Зимой у него всегда начиналось обострение, но на этот раз он чувствовал себя гораздо хуже, чем раньше, и постепенно об этом узнали остальные. Теперь ему далеко не всегда удавалось скрывать гримасы боли или тихий стон. Он был постоянно голоден, постоянно что-нибудь ел, однако продолжал терять вес.

Но было в его жизни и хорошее. Он шагнул за пределы книг Нейсмита! Пол утверждал, что никому ранее не удавалось решить проблему кодирования, с которой успешно справился его ученик. Теперь Вили не нуждался в машинах Нейсмита – образы в его сознании были куда более полными. Он долгими часами сидел в гостиной – почти все время, когда не спал, практически не замечая окружающего мира, забыв о боли, целиком погрузившись в какую-нибудь задачу. Все это время для него существовали лишь функции, графики, бесконечные преобразования и улучшения схемы дешифровки, с помощью которых он надеялся решить задачу.

Но когда он ел и даже когда спал, боль снова находила дорогу в его душу.

Именно Ирма, а не Вили, заметила, что более бледная кожа на его ладонях приобрела желтоватый оттенок. Она сидела рядом с ним за обеденным столом и держала его маленькие руки в своих больших загрубевших ладонях. Вили сердито хмурился. Он пришел сюда, для того чтобы поесть, а не на проверку!..

Но за спиной Ирмы уже стоял Пол.

– Ногти тоже обесцветились.

Ирма коснулась одного из пожелтевших ногтей Вили и слегка щелкнула по нему. Без звука и боли ноготь целиком отвалился. Секунду Вили глупо смотрел на палец, а потом с криком отдернул руку. Боль – это одно дело; и совсем другое – кошмар медленно разлагающегося тела. На миг ужас победил боль в желудке – точно так же, как ранее это делала математика.

Его перевели в одну из подвальных комнат, где было гораздо теплее. Теперь большую часть дня он проводил в кровати. С этих пор он видел внешний мир – устланное тучами небо над Ванденбергом – только по головизору. Снег в горах был слишком глубоким, чтобы к ним могли добраться; на врача рассчитывать не приходилось. Нейсмит перенес камеры и устройство для видеосвязи в комнату больного, и однажды, когда Вили не был погружен в свои размышления, он заметил на экране незнакомца, с которым разговаривал Нейсмит и который явно находился очень далеко. Нейсмит был расстроен.

Вили протянул руку и коснулся его рукава:

– Все в порядке, дядя Силь… Пол. У меня всегда так бывает зимой, иногда даже хуже. Весной пройдет.

Нейсмит изобразил улыбку, кивнул и отвернулся.

В обычном смысле этого слова Вили не терял сознания. Любой другой больной на его месте лежал бы долгими часами, уставившись в потолок или глядя на экран головизора, стараясь не обращать внимания на боль. Вили же не переставая думал над задачей, все эти недели упорно не поддававшейся ему. Когда все уходили, с ним оставалась Джилл, которая вела записи и всегда была готова позвать на помощь; она была реальнее, чем любой из людей. Вили с трудом вспоминал, что ее голос и милое лицо когда-то испугали его.

В каком-то смысле он уже решил задачу, но решение было слишком громоздким, требовало слишком много времени на практике. Пройденного короткого интенсивного курса обу-

чения явно не хватало. Требовалось найти нечто совсем новое, хитроумное – и, видит Бог, он найдет!

А когда Вили додумался до решения, оно было словно восход солнца утром ясного дня, что вполне соответствовало первому погожему дню за целый месяц. Билл помог ему подняться наверх и усадил под лучами солнца возле только что вымытого окна. Небо было не просто чистым, оно было ярко-голубым. А под ним высились ослепительно-белые снежные сугробы. Со всех углов и выступов свисали сосульки, которые роняли крошечные алмазы, сверкающие на солнце.

Вили диктовал Джилл почти целый час, прежде чем старик спустился к завтраку. Он заглянул через плечо ученика, а потом, не говоря ни слова, схватил читающее устройство. Несколько раз Нейсмит останавливался и закрывал глаза, чтобы лучше сосредоточиться. Когда Вили закончил, он прочитал всего лишь треть. Вили перестал диктовать, и старик поднял голову.

– Нашел?

– Конечно, и довольно быстро, – улыбнувшись, кивнул Вили и бросил взгляд на считывающее устройство Нейсмита. – Вы смотрите на комбинацию фильтров. Самое интересное начнется строчек через сто.

Он передвинул сканер вперед. Нейсмит долго смотрел на записи, а потом кивнул:

– Вроде бы я понял, что ты имел в виду. Надо будет повнимательнее все посмотреть, но по-моему… Как ты себя чувствуешь, мой маленький Рамануджан?

– Великолепно, – ответил Вили, и сердце его наполнилось ликованием, – только устал немного. Мне кажется, в последние дни боль немного отступила. А кто такой Рамануджан?

– Математик, живший в двадцатом веке в Индии. У вас с ним много общего: вы оба начали, не имея базового образования. И у вас обоих выдающиеся способности.

Вили улыбнулся; удовольствие от солнечных лучей не могло сравниться с тем, что он сейчас чувствовал. Это были первые хвалебные слова, произнесенные Нейсмитом в его адрес. Надо обязательно просмотреть все файлы, в которых есть хоть что-нибудь про Рамануджана… Мысли, освободившись от напряженной работы последних недель, свободно парили, ни на чем подолгу не останавливаясь. Сквозь ветви сосен сияло солнце, освещавшее Ванденберг. Надо было разгадать еще так много загадок…

Глава 8

На следующий день Нейсмит сделал несколько телефонных звонков. Первым делом он связался с Мигелем Росасом из полицейского управления Санта-Инеса. Росас был помощником шерифа Сая Венца, но Мастеровые из окрестностей Ванденберга часто нанимали его для полицейской работы.

Смуглое лицо Росаса немного побледнело, когда он просмотрел запись разговора Нейсмита с Вили.

– Ну ладно, – наконец произнес он, – кто такой Рамануджан?

Нейсмит почувствовал, как к глазам подступают слезы.

– Да, тут я дал промашку; теперь мальчик обязательно посмотрит файлы про Рамануджана. Но я сказал Вили только то, что он был человеком с блестящими способностями, хотя и не учился в колледже.

Впрочем, Нейсмит понимал, что Майку это ничего не говорит. Теперь колледжей не было, существовала только система ученичества.

– Его пригласили в Англию работать с лучшими математиками того времени. Он заболел туберкулезом и умер молодым.

– А-а, я понял, какая тут связь, Пол. Надеюсь, вы не думаете, будто бы мальчишке стало хуже из-за того, что мы привезли его в горы.

– Поздней осенью у него всегда наступает ухудшение, а наши зимы гораздо суровее тех, что бывают в Лос-Анджелесе. Именно поэтому он и чувствовал себя так плохо.

– Ну знаете! Вполне может быть, что из-за холодной зимы его болезнь и обострилась, зато здесь он гораздо лучше питается. Взгляните правде в глаза, Пол. Просто ему становится все хуже и хуже. Вы встречались с подобными случаями и раньше.

– Гораздо чаще, чем ты!

И с этой, и с другими, более острыми формами заболеваний, дошедших к ним из того времени, когда эпидемии чуть не положили конец человеческой расе на Земле. Но тут Нейсмит вспомнил о двух сестрах Мигеля и замолчал. Их было трое – сироты из Аризоны. Выжил только один Мигель. С наступлением зимы девочки снова начинали болеть. Когда они умерли, их тела напоминали скелеты. Молодой полицейский знал лучше других своих сверстников, что несет людям эта страшная болезнь.

– Послушай, Майк, мы должны что-то сделать. Ему осталось не больше двух-трех лет. Черт побери, даже до Войны хорошая фармакологическая лаборатория могла с этим справиться. Мы уже почти разгадали систему кодирования ДНК и…

– Даже тогда? Как вы думаете, Пол, что явилось источником тех страшных эпидемий? Это вовсе не пустая болтовня Мирной Власти. Они так же отчаянно боятся биологических исследований, как и того, что кто-нибудь разгадает загадку их куполов. Несколько лет назад они накрыли куполом Якиму только потому, что один их агент нашел в городской больнице рекомбинационный анализатор. Десять тысяч человек задохнулись из-за какой-то дурацкой древней штуки. Ублюдки, напустившие на нас древние эпидемии, умерли сорок лет назад – и черт с ними!

Нейсмит вздохнул. Его обязательно будет мучить совесть – он должен был защищать своих клиентов.

– Ты не прав, Майк. Я веду дела с сотнями людей. И неплохо представляю, чем многие из них занимаются.

– Биологические лаборатории? В наше время? – Росас резко вскинул голову.

– Да. Три по крайней мере, а может быть, и все десять. Точно не знаю, поскольку они, конечно, не афишируют свою деятельность. Мне известно местонахождение только одной из них.

– Господи, Пол, как вы можете иметь дело с такой мерзостью?

Нейсмит пожал плечами:

– Наш главный враг – Мирная Власть. Что бы ты ни говорил, это всего лишь повторение их слов о том, будто бы биологи породили эпидемии, чтобы вернуть своим правительствам то, что не отстояли армии. Я хорошо знаю суть Мирной Власти.

Он немного помолчал, вспомнив о предательстве, – тайное, личное воспоминание, хранимое вот уже пятьдесят лет.

– Я пытался убедить вас, техников, что Власть вашего брата терпеть не может. Вы живете по их законам, не производите компактных источников энергии, механических средств передвижения, не экспериментируете с биологией и не занимаетесь ядерными исследованиями. Но если бы Власть знала, что происходит в рамках этих законов… Ты, должно быть, слышал об Энси-си: я убедительно показал, что Мирная Власть скоро возьмется за нас. Скоро они поймут, как далеко мы шагнули без мощных источников энергии, университетов и тяжелой промышленности в старом понимании этого слова. Власть уже начинает догадываться, что наша электроника обогнала даже ее лучшие достижения. А когда они в этом окончательно убедятся, то захотят раздавить нас, как любых других своих противников. И тогда нам придется сражаться.

– Сколько я себя помню, вы все время повторяете эти слова, Пол, но…

– Но если честно, вас, Мастеровых, вполне устраивает сложившаяся ситуация. Вы читали о войнах перед Войной и боитесь того, что может произойти, если Мирная Власть неожиданно лишится своего влияния. Даже несмотря на то, что вы потихоньку их обманываете, вас устраивает статус-кво. Знаешь, что я тебе скажу, Майк. – Нейсмит говорил очень быстро, словно ему было трудно сдерживать поток мыслей. – Я знал тех, кто сейчас называется Мирной Властью, когда они всего лишь возглавляли исследовательские отделы и были самыми настоящими мелкими мошенниками. Просто им повезло оказаться в нужном месте в нужное время, так что они вытянули козырную карту и провернули самую большую аферу в истории. Им глубоко наплевать на интересы человечества и на прогресс. Именно по этой причине они ничего не изобрели сами.

Нейсмит замолчал, испугавшись собственной неосторожности. Однако по выражению лица Росаса он понял, что его откровенность не произвела особого впечатления на помощника шерифа. Старик откинулся на спинку кресла и попытался успокоиться.

– Прости, я отвлекся. Сейчас важно только одно: множество людей – от Норкросса до Пекина – в долгу передо мной. Если бы у нас существовала патентная система с выплатами за пользование изобретениями, мы купались бы в деньгах. Сейчас я хочу попросить моих должников оказать мне услугу. Я хочу, чтобы мои друзья доставили Вили в секретную биолабораторию.

Ну а если разговоров о прошлом для тебя недостаточно, подумай вот о чем: мне семьдесят восемь. Если Вили не займет мое место, его не займет никто. Я никогда не страдал излишней скромностью: я знаю, что лучшего математика, чем я, Мастеровые не найдут. Но Вили не просто заменит меня. На самом деле он сильнее меня или будет сильнее через несколько лет, когда наберется опыта. Знаешь, какую задачу он только что решил? Вот уже три года калифорнийские Мастеровые просят меня разработать систему подслушивания разведывательных спутников Мирной Власти.

Глаза Майка удивленно раскрылись.

– Да. Он справился с этой задачей. Ты ведь понимаешь, о чем идет речь. Думаю, твои друзья останутся довольны, потому что Вили предложил систему, которую Мирная Власть не сможет обнаружить. Он сделал это за шесть месяцев, пользуясь только теми знаниями, что я

успел ему дать за осень. Его идея свежа и оригинальна, и мне кажется, что она поможет решить несколько других задач. В ближайшие десять лет вам просто не обойтись без кого-нибудь вроде Вили.

– Гмм… – Росас вертел в руках свой сине-голубой шерифский значок. – Где находится эта лаборатория?

– К северу от Сан-Диего.

– Так близко? Ого! – Он огляделся. – Тогда проблема лишь в том, как его туда доставить. Ацтланская знать очень не любит, когда в их краях появляются черные с севера – по крайней мере, при обычных обстоятельствах.

– При обычных обстоятельствах?

– Да. В апреле Шахматная федерация Северной Америки проводит в Ла-Холье чемпионат. Значит, там будут присутствовать лучшие специалисты по высоким технологиям со всей округи – на самых законных основаниях. Власть даже предложила обеспечить транспортом тех, кто живет на Восточном побережье, а они не очень-то склонны марать свои драгоценные самолеты, пуская в них нас, простых смертных. Если бы я, как вы, страдал паранойей, то обязательно заподозрил бы что-то неладное. Но у меня складывается впечатление, что Власть затеяла все это исключительно из рекламных соображений. В Европе шахматы еще более популярны, чем здесь. Думаю, Власть готовится стать спонсором чемпионата мира, который состоится в Берне в будущем году.

Во всяком случае, это отличное прикрытие, да и защита от черных ацтланцев и англов, которые не рискнут связываться с Мирной Властью.

Нейсмит улыбнулся. Немного везения после всех неприятностей. У него снова на глаза навернулись слезы, но теперь уже по другой причине.

– Спасибо, Майк. Это важней всего, что я когда-либо у тебя просил.

Росас коротко улыбнулся в ответ.

Взгляд в будущее

Эллисон не очень хорошо разбиралась в растениях (особенно если смотрела на них с расстояния менее ста километров), но этот лес показался ей каким-то странным. Местами все заросло так, что не было видно земли, а местами вдруг появлялись большие поляны. Густая крыша из листьев и вьющихся растений практически скрывала небо, напомнив Эллисон леса Северной Калифорнии, разве что здесь все росло вперемешку: хвойные деревья, эвкалипты и даже нечто напоминающее толокнянку. Воздух был очень теплым и удушливо влажным. На Эллисон снова накатила усталость.

Пожар практически утих – лес был такой сырой, что огонь не смог далеко распространиться. Если бы не боль в ноге, Эллисон вполне могла бы поверить, что оказалась в каком-нибудь парке на пикнике. Может случиться, что настоящие туристы спасут их еще до того, как появятся поисковые отряды ВВС.

Она услышала, что Квиллер возвращается, задолго до того, как увидела его. Когда он наконец приблизился, Эллисон заметила, что лицо пилота помрачнело. Он снова спросил ее про ногу.

– По-моему… все в порядке. Я снова обработала рану. – Эллисон замолчала и серьезно посмотрела на Квиллера. – Только вот…

– Что?

– Только… если честно, Ангус, во время катастрофы что-то случилось с моей памятью. Я не помню ничего из того, что произошло с момента захода на поворот до того, как мы оказались на земле. Послушай, а как все было на самом деле? Где мы находимся?

Лицо Ангуса Квиллера окаменело. После недолгого молчания он сказал:

– Эллисон, я думаю, что с памятью у тебя все в порядке – по крайней мере, не хуже, чем у меня. Видишь ли, последнее, что я помню, это как мы летели над Северной Калифорнией, а потом… обломки нашего корабля уже лежали на земле. Мне кажется, что мы ничего не помним, потому что помнить нечего.

– То есть?

– Мне кажется, мы были где-то в небесах, а потом р-раз – и наш корабль свалился прямо на землю. И все, больше ничего. – Он щелкнул пальцами. – По-моему, мы свалились в какой-то безумный фантастический мир.

Эллисон не сводила с него глаз и молчала, она только отметила, что из них двоих Квиллер, вероятно, больше пострадал в результате катастрофы. Ему стоило бы изложить свою мысль понятнее.

– Послушай, Эллисон, если только ты не убеждена, что у нас одновременно случилась одинаковая амнезия, то единственно возможное объяснение… Я хочу сказать, что вот мы летим на космическом корабле и выполняем обычное разведывательное задание, и вдруг… оказываемся в странном месте… прямо как в фильмах, которые я смотрел в детстве.

– Мне гораздо легче поверить в одновременную амнезию, Ангус.

Если бы только она могла сообразить, где находится.

– Да, – кивнул пилот, – но ты не забиралась на дерево и не осматривала окрестности. Если не считать растительности, это место очень напоминает калифорнийское побережье. С трех сторон мы окружены скалами, а с четвертой лес доходит почти до моря. И…

– И что?

– На побережье находится что-то очень странное, Эллисон. Гора, серебристая гора, которая на целые километры уходит в небо. На Земле ничего подобного никогда не было.

Теперь и Эллисон испытала тот же страх, что мучил Квиллера. Для многих людей столкнуться с необъяснимым явлением гораздо хуже смерти. Эллисон относилась именно к такой

породе. Катастрофа, даже гибель Фреда – это она понимала и могла с этим справиться. Списать все на амнезию было бы очень удобно. Но прошло уже почти полчаса. И никаких самолетов, никаких спасательных партий.

Неожиданно Эллисон поняла, что шепотом перечисляет самые безумные объяснения того, что с ними могло случиться.

– Ты думаешь, мы оказались в каком-то параллельном мире или на другой планете… или даже в будущем?

В будущем, где чуждая человечеству раса выстроила на калифорнийском побережье серебристые замки размером с гору?

Квиллер пожал плечами, начал было что-то говорить, потом передумал и неожиданно выпалил:

– Ты видела… крест у края кратера?

Эллисон кивнула.

– Он оказался очень старым, а буквы, вырезанные на нем, почти невозможно прочитать, но я разглядел… Там было написано твое имя… и сегодняшнее число.

Только один крест и только одно имя. Эллисон Паркер и Ангус Квиллер долго ничего не говорили друг другу.

Глава 9

Наступил апрель. Трое путников пробирались сквозь лес под ослепительно-голубым небом. Ветви деревьев качались на ветру, осыпая идущих крошечными ледяными капельками. Однако на уровне покрытой грязью дороги воздух был теплым и неподвижным.

Вили упрямо шел вперед, наслаждаясь силой, которая возвращалась в его тело. Последние несколько недель он чувствовал себя просто замечательно. Раньше после зимнего ухудшения ему на несколько месяцев становилось лучше, но этой зимой ему было так плохо, что он даже начал сомневаться в том, что боль когда-нибудь отпустит. Они покинули Санта-Инес три часа назад, сразу после того, как прекратился утренний дождь. И все же Вили немного устал, хотя весело отклонял все попытки спутников снова усадить его в повозку.

Время от времени путь шел вверх; тогда они оказывались выше уровня деревьев и могли рассмотреть расстилающуюся перед ними дорогу. В горах на востоке по-прежнему лежал снег, а на западе он уже сошел, и взгляду открывались влажные леса, озеро Ломпок, раскинувшееся у самого основания Купола, словно голубое блюдце… и тот же самый ландшафт, только отраженный в громадном, уносящемся в небо зеркале.

Покинув дом в горах, Вили чувствовал себя не в своей тарелке. Если бы не Пол, путешествие было бы гораздо менее приятным. О том, что Пол намерен отвезти его на побережье, а затем отправиться дальше, в Ла-Холью, где его могут вылечить, Вили узнал за неделю. Эта новость взволновала его даже больше, чем возвращение хорошего самочувствия. Но только после встречи с Джереми Каладзе в Санта-Инесе Вили понял, какой необычной будет первая часть их путешествия. Он старался незаметно наблюдать за этим парнем. Джереми болтал обо всем, что попадалось на глаза, – то забегая немного вперед, чтобы показать им необычный камень, появившийся на дороге неизвестно как, то отставая от повозки Нейсмита, чтобы рассмотреть что-то особенно интересное. Они были знакомы уже целый день, а Вили все никак не мог определить, сколько же Джереми лет. Только очень маленькие дети в Нделанте Али не стеснялись столь открыто демонстрировать свои эмоции. С другой стороны, Джереми был двухметрового роста и отлично играл в шахматы.

– Да, сэр, доктор Нейсмит, – (на памяти Вили Джереми был единственным человеком, который называл Пола доктором), – полковник Каладзе тоже путешествовал по этой дороге. Это была ночная высадка, и они лишились трети батальона «Красная стрела», но, мне кажется, русское правительство считало эту операцию очень важной. Если бы мы с вами спустились всего на километр вот в эту низину, то увидели бы такую громадную кучу старых военных автомобилей, какой вы и представить себе не можете. У них не раскрылись парашюты.

Вили посмотрел в том направлении, куда показывал Джереми, но не увидел ничего, кроме буйно разросшихся зеленых кустов и едва различимой тропинки. В Лос-Анджелесе старики любили поговорить о славном прошлом, однако Вили показалось странным, что здесь, посреди мира и спокойствия, была похоронена война и что этот мальчик говорил о древней истории так, словно все произошло только вчера. Его дед, полковник Николай Сергеевич Каладзе, командовал русским воздушным десантом, сброшенным еще до того, как стало известно, что Мирная Власть (тогда еще безымянная организация, состоящая из политиков и ученых) сделала военные действия невозможными.

«Красная стрела» получила задание раскрыть секрет загадочного оружия – силового поля, только что изобретенного американцами. Довольно быстро выяснилось, что американцы сами не знают, как относиться к странным серебристым куполам – пузырям? – которые появлялись необъяснимым образом, иногда предотвращая взрывы бомб, но чаще всего изолируя важные военные объекты.

В этом хаосе, когда все проигрывали в Войне, которую никто не начинал, русские десантники и то, что осталось от американской армии, вели свою собственную войну, используя оружие, которое уже нечем было восполнить. Конфликт продолжался еще несколько месяцев, постепенно ослабевая, пока у обеих сторон не закончились боеприпасы. В этот момент, словно по волшебству, возникла Мирная Власть, которая объявила себя защитницей мира и создательницей куполов.

Остатки русского десанта ушли в горы и укрылись там, в то время как нация, на которую они напали, начала приходить в себя. А затем пришло время бактериологического оружия – Мирная Власть утверждала, что его применили американцы в последней попытке сохранить независимость. Русские партизаны сидели и ждали подходящей возможности убраться отсюда. Но она так и не представилась. Миллиарды людей погибли, а рождаемость в годы, последовавшие за Войной, резко упала. Раса homo sapiens оказалась на грани исчезновения. Русские, укрывшиеся в горах, состарились и теперь возглавляли банды оборванцев.

Однако полковник Каладзе попал в плен (хотя его вины в этом не было) еще до того, как страну наводнили вирусы, когда еще работали госпитали. Там он познакомился с медсестрой, на которой позже женился. Пятьдесят лет спустя ферма Каладзе занимала сотни гектаров земли вдоль южной границы Купола, под которым исчез Ванденберг. Это было одно из немногих мест в Центральной Америке, где росли бананы и какао-бобы. Как и многое другое, что случилось за последние полвека с полковником Каладзе, это не могло произойти без помощи куполов, в частности Ванденбергского Купола: двойной солнечный свет был таким интенсивным, что не уступал южным широтам. А высокое препятствие задерживало дождевые облака, вызывавшее обильные дожди, так что здесь выпадало 250 сантиметров осадков в год – и это на земле, где раньше дожди были редкостью. Так Николай Сергеевич Каладзе превратился в самого обычного полковника из Кентукки, хотя на самом деле родился не в Джорджии, а в Грузии.

Большую часть этих сведений Вили узнал за первые полтора часа непрекращающейся болтовни Джереми.

После полудня они остановились перекусить. Несмотря на внешнюю мягкость, Джереми был завзятым охотником, хотя и не очень опытным. Ему потребовалось несколько выстрелов, чтобы сбить одну птицу. Вили предпочел бы есть то, что они взяли с собой, но из вежливости попробовал добычу Джереми. Всего шесть месяцев назад он и не подумал бы ни о какой вежливости.

Они двинулись дальше, правда теперь энтузиазм заметно утих. Это был кратчайший путь на ферму «Красная стрела», но все равно переход от Санта-Инеса занимал десять часов. Они припозднились с выходом и потому собирались заночевать у паромной переправы через Ломпок.

Болтовня Джереми постепенно затихала, по мере того как солнце клонилось к Тихому океану, отбрасывая двойные тени. В середине длинного монолога о прелестях его многочисленных подружек Джереми обернулся и посмотрел на Нейсмита.

– Знаете, сэр, – негромко проговорил он, – по-моему, кто-то идет следом за нами.

Старик, казалось, дремал, позволяя Берте, своей лошади, самой выбирать дорогу.

– Знаю, – отозвался он. – Они почти в двух километрах позади. Если бы у меня было побольше снаряжения, я бы мог сказать точнее. Их там пять – десять человек, все пешие, но идут быстрее, чем мы. Нас догонят еще до наступления ночи.

И хотя вечер был совсем не холодным, у Вили мороз пошел по коже. Рассказы Джереми о русских бандитах не шли ни в какое сравнение с тем, что он видел, когда жил в Нделанте Али, но и они были достаточно пугающими.

– Вы можете позвать на помощь, Пол?

– Я не хочу выходить на связь, – пожав плечами, ответил Нейсмит. – Боюсь, что тогда они сразу нападут на нас. Ближе всего к нам находится ферма Джереми, но от нее, даже на очень быстрых лошадях, не добраться сюда раньше чем через два-три часа. Придется обойтись своими силами.

Вили сердито посмотрел на Джереми, ведь это его дальние родственники – те самые, о которых он болтал весь день, – ведут за ними охоту. Широкоскулое лицо мальчишки было бледным.

– На самом деле это все была пустая болтовня – никто не видел бандитов в здешних краях уже… уже очень много лет.

– Знаю, – прошептал Нейсмит. – Тем не менее нас определенно кто-то догоняет.

Он посмотрел на Берту, словно пытаясь решить, есть ли у них какой-нибудь шанс оторваться от десяти пеших преследователей.

– У тебя надежная пушка, Джереми?

Молодой человек поднял оружие. Если не считать вычурного телескопического прицела и довольно короткого ствола, оно показалось Вили самым обычным: автоматический восьмимиллиметровый карабин, какими пользуются все в Нью-Мексико, тяжелый и простой в обращении. Очевидно, десятизарядный. С укороченным стволом он не может бить точнее, чем пистолет. Вили не раз удалось остаться невредимым, когда в него стреляли из такого оружия с расстояния в сто метров.

Джереми любовно погладил карабин, очевидно не имея обо всем этом никакого представления.

– Настоящий огонь, сэр. Она в полном порядке.

– А патроны?

– По крайней мере еще одна обойма.

Нейсмит криво усмехнулся:

– Балует Коля вас, молодежь. Впрочем, я этому рад… Ладно. – Казалось, он принял решение. – Все будет зависеть от тебя, Джереми. Я не взял с собой ничего тяжелого… В часе ходьбы отсюда есть тропинка, которая поворачивает на юг. Нам надо добраться до нее прежде, чем стемнеет. Если идти по этой тропинке примерно полчаса, то наткнешься на пузырь. Оттуда видна ваша ферма, она находится на прямой линии. А пузырь может смутить наших «друзей», учитывая то, что территория, расположенная так близко к побережью, вряд ли им хорошо знакома.

На лице Джереми снова отразилось удивление.

– Конечно. Мы знаем про тот пузырь, но откуда о нем знаете вы? Он же совсем маленький.

– Не важно. Я тоже люблю побродяжничать. Будем надеяться, что нам не помешают до него добраться.

Они шли по дороге, и теперь даже Джереми молчал. Солнце прямо перед ними медленно садилось за Ванденбергским Куполом. Отражение поднималось все выше, словно хотело соприкоснуться с настоящим солнцем в тот момент, когда оно начнет опускаться за горизонт. Воздух здесь был гораздо теплее, а зелень ярче, чем обычно. Вили не слышал погони, о которой говорили его друзья.

Наконец оба солнца слились в предзакатном поцелуе. Настоящее скользнуло за Купол, и несколько минут Вили казалось, что над тем местом, где опустился огненный шар, он видит призрачный свет.

– Я тоже заметил, – ответил Нейсмит на его невысказанный вопрос. – Думаю, это корона, сияние вокруг солнца, которого обычно не видно. По крайней мере, другое объяснение мне в голову не приходит.

Бледный свет постепенно угас, и небо из оранжево-зеленого превратилось в темно-синее. Молодые люди уселись на повозку. Джереми вставил новую обойму в свой карабин и устроился так, чтобы видеть дорогу.

Наконец они добрались до места, где от дороги ответвлялась едва заметная тропинка, – Джереми успел показать им множество подобных тропинок за целый день. Однако эта оказалась слишком узкой для повозки. Нейсмит осторожно слез на землю, распряг Берту, а затем распределил между молодыми спутниками поклажу.

– Пошли, я бросил здесь достаточно, чтобы они остались довольны… надеюсь.

Взяв с собой Берту, путники направились на юг. Тропинка стала такой узкой, что на мгновение Вили решил, будто Пол заблудился. Время от времени далеко позади трещала под чьими-то ногами сухая ветка и даже раздавались голоса. Пол с Джереми переглянулись.

– Эти парни не очень-то стараются соблюдать тишину, – прошептал Джереми.

Нейсмит промолчал, только принялся подгонять Берту, чтобы та шла быстрее. Если бандитов не удовлетворит то, что осталось в повозке, придется остановиться и занять оборону. Старику хотелось, чтобы это произошло как можно дальше отсюда.

Шум погони стал громче, бандиты уже явно прошли мимо повозки. Пол увел Берту в сторону от тропинки. Лошадь несколько секунд в оцепенении смотрела на него, а потом Нейсмит что-то сказал ей в самое ухо, и животное быстро скрылось в тени. Было еще не совсем темно, и Вили чудилось, будто он видит зеленые верхушки деревьев и несколько ярких звезд.

Они спустились в узкий, глубокий овраг, из которого явно не было выхода. Вили посмотрел вперед – им навстречу из ярко освещенного туннеля выходили три фигуры! Он бросился было вверх по стене оврага, но Джереми успел схватить его за куртку и, приложив палец к губам, показал в сторону странных фигур: теперь одна из них держала другую и протягивала вперед руку.

Отражение – вот что он видел. Внизу, на склоне оврага, гигантское, изогнутое зеркало показывало силуэты Джереми, Нейсмита и самого Вили на фоне вечернего неба.

Очень тихо они скользнули вниз вдоль стены оврага к основанию зеркала, а потом начали взбираться вверх. Вили наконец-то увидел прямо перед собой купол. Гораздо меньше Ванденбергского, но все-таки настоящий! Он не смог удержаться и коснулся серебристой поверхности – и от неожиданности вздрогнул. Даже в прохладном вечернем воздухе зеркало оставалось теплым, как кровь. Он всмотрелся в темную поверхность и разглядел очертания своей головы. На пузыре не было ни единой царапинки. Даже вблизи он казался таким же идеальным, каким виделся Ванденбергский Купол издалека; поверхность была совершенной, как сама математика. Потом Джереми снова схватил его за куртку и потащил дальше.

Лес начинался на одном уровне с верхним краем купола. Большое дерево росло над оврагом, его корни, словно щупальца, охватывали сферу. Вили наклонился к корням и заглянул вниз, в овраг. Нейсмит изучал свой маленький тусклый дисплей, а Джереми скользнул вперед и теперь наблюдал за приближающимися незнакомцами сквозь прицел карабина. С их удобного наблюдательного пункта Вили разглядел, что овраг представляет собой удлиненный кратер, южную часть которого сформировал пузырь диаметром около тридцати метров. Очевидно, этот пузырь каким-то образом свалился с неба, пробил дыру в склоне горы и наконец остановился здесь. За прошедшие с Войны десятилетия вокруг пузыря успели вырасти деревья. А еще через столетие он зарастет со всех сторон.

Некоторое время беглецы сидели, переводя дух. Застрекотала цикада, и этот звук в тишине леса показался Вили оглушительно громким.

– Они могут не поддаться на нашу уловку, – тихо произнес Нейсмит. – Джереми, я хочу, чтобы ты разбросал это у нас за спиной в ближайшие пять минут.

Он что-то протянул юноше – наверное, крошечные камеры вроде тех, которые Вили видел дома. Джереми заколебался, и Нейсмит добавил:

– Не беспокойся, пока нам не понадобится твое оружие. Если они попытаются обойти нас, я хочу знать об этом заранее.

Неясная тень Джереми Каладзе кивнула и отползла в темноту. Нейсмит повернулся к Вили и вложил ему в ладони когерентный передатчик.

– Постарайся пристроить его как можно выше. – Старик показал на сосну, в корнях которой они спрятались.

Вили отполз в сторону еще тише, чем Джереми. Он отлично умел это делать, хотя в Бассейне Лос-Анджелеса было гораздо больше развалин, чем лесов. Ноги и рукава его куртки моментально промокли, Вили старался плотнее прижиматься к земле. Подбираясь к основанию дерева, он ударился коленом обо что-то твердое и явно искусственное, остановился и ощупал препятствие. Это был древний каменный крест, какие ставили на христианских кладбищах. Что-то мягкое и пахучее лежало среди иголок, засыпавших крест… цветы?

Теперь надо было вскарабкаться на дерево. Ветки сосны росли так равномерно, что у Вили появилось ощущение, будто он поднимается по ступеням огромной лестницы. Впрочем, очень скоро он запыхался – еще не совсем оправился после зимнего обострения болезни; по крайней мере, ему очень хотелось верить именно в это объяснение.

Ствол дерева начал сужаться и раскачивался при каждом новом движении Вили. Он уже поднялся выше расположенных поблизости деревьев – тонкие, высокие, устремленные вверх стрелы окружали сосну, на которой он сидел. На самом деле Вили забрался не очень высоко, просто все деревья в этом лесу были молодыми.

Юпитер и Венера светили, точно два ярких фонаря, и все небо было усыпано звездами. На западе над Ванденбергом виднелось еле различимое желтоватое сияние. Вили прекрасно видел основание Купола. Прикрепив передатчик и камеру, он подождал несколько мгновений. Легкий ночной ветерок трепал мокрые рукава куртки и штанины, приятно холодя кожу. Нигде ни единого огонька. Помощь была далеко.

Значит, придется полагаться лишь на приборы Нейсмита и на твердость руки неопытного Джереми.

Вили соскользнул вниз по стволу дерева и вскоре присоединился к Нейсмиту. Старик, казалось, даже не заметил его возвращения, так был занят изображением, появившимся на дисплее.

– Где Джереми? – прошептал Вили.

– С ним все в порядке. Он все еще расставляет камеры.

Пол посмотрел в одно, а потом в другое крошечное устройство. Картинка была не очень четкой, но вполне различимой. Интересно, подумал Вили, сколько времени продержатся батарейки.

– Наши друзья идут по той дороге, которую мы для них приготовили.

Одна из камер, очевидно оставленная Полом где-то по пути, время от времени показывала ноги в сапогах.

– Сколько еще?

– Пять или десять минут. Джереми успеет вернуться.

Нейсмит вынул что-то из своего рюкзака – основную часть передатчика, который Вили пристроил на дереве. Повозился с указателем фазы и тихо заговорил, пытаясь выйти на связь с фермой «Красная стрела». После долгих секунд ожидания из динамика донесся негромкий стрекочущий голос, и старик рассказал о положении, в котором они оказались.

– Должен отключиться. Батарея на исходе, – закончил Нейсмит.

За его спиной появился Джереми, устроился на своем месте и сбросил с плеча карабин.

– Люди твоего деда идут к нам на помощь, Джереми, но им потребуется несколько часов. Все уже собрались на ферме.

Джереми на мгновение выглянул из-за плеча Нейсмита и сказал:

– Может быть, это сыновья тех бандитов, они идут совсем не как старики.

– Да, я уже заметил, – отозвался Нейсмит.

Джереми подполз к самому краю кратера, удобно пристроил карабин на корне дерева и внимательно смотрел вниз сквозь прорезь прицела.

Минута шла за минутой, и любопытство Вили постепенно усиливалось. Что задумал старик? Какая опасность для всего окружающего спрятана под этим пузырем? Вили по-настоящему заинтересовался им. Если они доживут до утра, он увидит пузырь при солнечном свете, и это будет одна из первых радостей спасения. Из-за излучаемого тепла пузырь казался почти живым, хотя сейчас Вили уже сообразил, что поверхность пузыря, скорее всего, просто отражает его собственное тепло. Вили вспомнил, что однажды Нейсмит говорил ему об этом. Пузыри отражали все: ничто не проходило сквозь них ни в том ни в другом направлении. Внутри могла находиться хоть крошечная вселенная. Где-то там, у них под ногами, валялись обломки самолета или ракеты, которые Мирная Власть окружила пузырем, когда заставляла армии всего мира сложить оружие. Даже если бы команда этого летательного аппарата пережила катастрофу, все они вскоре задохнулись бы внутри пузыря. Хотя существовали куда худшие способы умереть: Вили всегда ужасно хотелось найти универсальное убежище, где можно было бы спрятаться от всех. Ему казалось, что пузыри как раз такое место.

Голоса. Они не были очень громкими, но их обладатели явно не пытались скрываться. Послышался шум шагов, треск ломающихся ветвей. На быстро тускнеющем дисплее Нейсмита Вили разглядел по меньшей мере пять пар ног. Бандиты прошли мимо изогнутого дерева, которое, как он запомнил, находилось всего в двухстах метрах от того места, где они спрятались. Вили отчаянно напрягал слух, пытаясь разобрать слова, но незнакомцы разговаривали не на английском и не на испанском. Джереми пробормотал:

– Значит, это все-таки русские!

Наконец враги подошли к дальнему краю оврага. Как и следовало ожидать, теперь они разделились. Вили насчитал десять фигур, которые четко вырисовывались на фоне звездного неба. Вся группа замерла, как один человек, а потом они нырнули в укрытие, одновременно открыв огонь из автоматического оружия. Трое наверху пузыря постарались плотнее вжаться в грязь. Пули свистели над головой, впиваясь в стволы деревьев, стучали по поверхности пузыря, словно градины по железной крыше. Вили прижимался к влажной хвое, устилавшей землю, и думал о том, сколько они еще смогут продержаться.

Глава 10

– Господа представители Мирной Власти, Большой Тусон уничтожен.

Генерал военно-воздушных сил Нью-Мексико стукнул рукоятью хлыста по топографической карте, чтобы подчеркнуть значимость своих слов. Аккуратный красный диск закрывал центр города, а вокруг розовым цветом были показаны выпавшие радиоактивные осадки. Все выглядело очень основательно, но Гамильтон Эвери подозревал, что это скорее видимость, чем фактические данные. Правительство в Альбукерке имело почти такую же аппаратуру для связи, как и Мирная Власть, но, для того чтобы быстро подготовить столь детальный отчет о событиях, случившихся в одном из западных городов, необходимо использовать самолет или спутник, ведь взрыв произошел менее чем десять часов назад.

Генерал – Эвери не видел табличку с его именем, но оно все равно не играло особой роли – продолжал:

– Около трех тысяч мужчин, женщин и детей погибло сразу, и один только Бог знает, сколько сотен еще умрет от радиации в ближайшие месяцы.

Он бросил быстрый взгляд на Эвери и помощников, которых тот привел с собой, чтобы придать делегации соответствующее его статусу значение.

На мгновение показалось, что офицер закончил, но на самом деле он только переводил дыхание. Гамильтон Эвери откинулся на спинку кресла и приготовился ждать, пока генерал выговорится.

– Вы, Мирная Власть, отказываетесь дать нам самолеты и танки. Вы ослабляете то, что осталось от породившей вас нации, так что теперь мы вынуждены применять силу, чтобы защитить наши границы от государств, которые были раньше дружественны нам. А что мы получаем взамен?

Лицо генерала побагровело. Болван высказался уже достаточно ясно, но ему хотелось сказать все до конца: если Мирная Власть не может защитить республику от ядерного оружия, значит она просто не выполняет взятых на себя обязательств. Генерал утверждал, будто взрыв в Тусоне неоспоримо доказывает, что какая-то нация обладает ядерным оружием и применяет его, несмотря на спутники, воздушный флот и генераторы куполов, которыми располагает Мирная Власть.

На той стороне стола, где сидели представители делегации республики, несколько человек согласно закивали, однако они вели себя достаточно осторожно и не стали повторять вслух то, что кричал их козел отпущения. Гамильтон сделал вид, что слушает; пусть этот тип сам заготовит для себя веревку понадежнее. Подчиненные Эвери последовали его примеру, хотя некоторым это стоило заметных усилий. После трех поколений уверенного правления многие функционеры Власти считали, что сам Бог вручил им бразды правления.

Гамильтон знал истинную цену власти.

Он внимательно изучал тех, кто сидел вокруг стола. Несколько армейских генералов, один даже прибыл из Колорадо, остальные – гражданские лица. Знакомая публика. В прошлые годы Гамильтон считал, что республика Нью-Мексико представляет самую серьезную опасность для Власти во всей Северной Америке, и уделял ей соответствующее внимание. Они называли себя Комитетом стратегических исследований. Влияние Комитета в Нью-Мексико было выше, чем Группы Сорока или Национального Совета Безопасности – и, конечно, выше, чем влияние Кабинета министров. В каждом следующем поколении правительства формировали новый внутренний круг старейшин, который использовался в качестве подачки, чтобы удовлетворить менее влиятельные группы. Но именно эти люди, вместе с президентом, располагали реальной властью. Их «стратегические исследования» простирались от Колорадо до

Миссисипи. Нью-Мексико было могущественным государством. Они вполне могли заново изобрести атомное оружие и купола, если им позволить.

Тем не менее их было совсем нетрудно запугать. Этот генерал военно-воздушных сил явно не член Комитета. ВВС Нью-Мексико состояли из нескольких воздушных шаров, они пока что лишь мечтали о возрождении прежней славы. Наглец в погонах сможет близко подойти к серьезному военному самолету лишь в том случае, если Мирная Власть из милости пригласит его принять участие в ознакомительном полете. Генерал находился здесь для того, чтобы сказать то, что думало правительство республики, но не осмеливалось произнести вслух.

Наконец пожилой офицер выговорился и сел. Гамильтон собрал свои бумаги и направился к трибуне. Он кротко посмотрел на представителей Нью-Мексико и совершенно сознательно сделал длинную паузу.

Вероятно, он допустил ошибку, когда решил сам прийти на переговоры. Обычно переговоры с национальными правительствами вели чиновники двумя разрядами ниже Эвери. Его приезд мог легко навести на мысль, что он придает слишком большое значение инциденту. И все-таки ему хотелось лично понаблюдать за этими людьми. Существовала возможность, что они вовлечены в заговор против Мирной Власти, о котором Гамильтон узнал несколько месяцев назад.

Наконец он заговорил:

– Благодарю вас, генерал, э-э, Халберстамм. Мы понимаем причины вашего беспокойства, но хотим еще раз подчеркнуть, что Мирная Власть не отказывается от своих долгосрочных обещаний. За последние пятьдесят лет не было произведено ни одного ядерного взрыва, да и вчера в Большом Тусоне никто не взрывал ядерных боеголовок.

– Сэр! – не выдержал генерал. – Но радиация! Взрыв! Как вы можете говорить…

Эвери поднял руку и, улыбаясь, дождался, пока наступит тишина. С одной стороны, он напоминал о необходимости соблюдения дипломатического протокола, а с другой – в его поведении ощущалась скрытая угроза.

– Одну минуточку, генерал. Наберитесь терпения. Вы правы: произошел взрыв, вызвавший радиацию. Но я уверяю вас, что никто, кроме Мирной Власти, не располагает ядерным оружием. Если бы это было не так, мы бы давно разобрались с виновниками известными вам методами.

Более того, если вы заглянете в свои архивы, то обнаружите, что центр взрыва совпадает с десятиметровой защитной сферой, сгенерированной, – он сделал вид, что просматривает свои записи, – пятого июля тысяча девятьсот девяносто седьмого года.

На лицах присутствующих отразилась разная степень удивления, но никто не нарушил тишину. Интересно, насколько они действительно поражены? С самого начала Эвери понимал, что нет никакого смысла скрывать причину взрыва. Старый Алекс Шеллинг, научный советник президента, все равно сообразит, что произошло.

– Я знаю, многие из вас изучали открытую литературу об удерживающих сферах.

«А ты, Шеллинг, тайно провел не одну тысячу человеко-часов среди руин Сандии, пытаясь продублировать эффект».

– Сейчас я расскажу вам об этом более подробно, – продолжал Эвери. – Удерживающие сферы – купола – это не столько силовые поля, сколько перегородки, отделяющие внутреннее пространство сферы от внешнего мира. Лишь сила тяготения способна проникнуть внутрь сферы. Тусонская сфера была сгенерирована вокруг межконтинентальной баллистической ракеты, запущенной через Арктику. Она упала рядом с целью – возле ракетных установок Тусона. Дьявольский снаряд разорвался внутри сферы, никому не причинив вреда.

Как известно, требуется мощный импульс энергии нашего генератора в Ливерморе, чтобы создать даже маленькую удерживающую сферу. Именно это и явилось причиной, по которой Мирная Власть запретила все энергоемкие производства, стремясь сохранить секрет,

позволяющий поддерживать мир. Однако, после того как сфера создана, она остается стабильной, не требуя дополнительного расхода энергии.

– Бесконечно долго, – вставил старый Шеллинг.

– Да, мы все так думали, сэр. Но ничто не длится вечно. Даже черные дыры подвержены квантовому распаду. Обычная материя тоже разрушается, хотя на это может уйти недоступное нашему воображению количество времени. До недавних пор мы не проводили анализы на распад удерживающих сфер.

Он кивнул помощнику, который через стол протянул три толстых тома представителям Нью-Мексико. Шеллинг едва мог скрыть нетерпение, когда начал листать документы Мирной Власти с грифом «совершенно секретно», – ему еще никогда не приходилось держать в руках подобных бумаг. Старый научный советник президента погрузился в чтение.

– Итак, господа, – продолжал Эвери, – оказалось, что пузыри действительно распадаются. Временная константа зависит от радиуса сферы и заключенной в ней массы. Тусонский взрыв был трагической случайностью.

– Иными словами, вы утверждаете, что всякий раз, когда эти проклятые штуки будут лопаться, нас ожидают взрывы вроде тех, от которых вы обещали спасти нас?

Эвери позволил себе строго посмотреть на генерала.

– Нет, я этого не утверждал. Мне показалось, что я предельно ясно описал случай в Тусоне: внутри купола находилась ядерная боеголовка.

– Пятьдесят лет назад, мистер Эвери, пятьдесят лет назад!

Эвери отошел от трибуны.

– Мистер Халберстамм, вы в состоянии представить себе внутреннюю область десятиметровой сферы? Ничто не выходит наружу и ничто не попадает внутрь. Если вы подорвете в таком месте ядерный заряд, то у него не будет никакой возможности охладиться. Уже через несколько миллисекунд наступит термодинамическое равновесие, только вот температура при этом достигнет нескольких миллионов градусов. Так совершенно безвредный на вид купол, простоявший в Тусоне не один десяток лет, содержал в себе страшный огненный шар. А когда купол распался, произошел взрыв.

Члены Комитета стратегических исследований беспокойно заерзали на своих местах: они представили себе тысячи куполов, разбросанных по всей Северной Америке. Джеральдо Альварес – доверенное лицо президента, – располагавший такой властью, что он даже не имел никакой формальной должности, поднял руку и неуверенно спросил:

– Как часто, по вашим прикидкам, такое будет происходить?

– Доктор Шеллинг готов описать вам статистику в деталях, но в принципе распад практически не отличается от любого квантового процесса: мы можем говорить лишь о том, что произойдет с большим количеством объектов. Может пройти одно или даже два столетия без единого взрыва. С другой стороны, вполне вероятно, что в какой-то отдельный год могут разрушиться сразу три или четыре купола. Но даже для самых мелких из них, как мы предполагаем, временная константа распада должна составлять не менее десяти миллионов лет.

– То есть они разрушаются скорее как атомы – с определенным периодом полураспада, а не одновременно, как цыплята вылупляются из яиц?

– Совершенно верно, сэр. Очень удачная аналогия. И мне хотелось бы немного прояснить еще один положительный аспект: большинство сфер не содержит в себе ядерных взрывов. А большие сферы – даже если в какой-то из них и заключен такой «ископаемый» взрыв – не представляют для нас существенной опасности. В частности, мы подсчитали, что температура динамического равновесия в Ванденбергской сфере или в сфере вокруг Лэнгли должна составлять менее ста градусов. Конечно, частные владения, располагающиеся по периметру, могут пострадать, но ничего подобного тому, что случилось в Тусоне, не произойдет.

А дальше, джентльмены, с нашей стороны совещание будут вести сотрудники по связи с республикой Ренкин и Накамура. – Гамильтон кивнул в сторону своих третьеразрядных чиновников. – В частности, вы должны определить, насколько целесообразно привлекать внимание публики к этому происшествию.

«И чем меньше они узнают, тем лучше».

– А мне необходимо вылететь в Лос-Анджелес. В Ацтлане тоже засекли взрыв, и я должен им все объяснить.

Он жестом показал одному из своих спутников – старшему представителю Власти в Альбукерке, который обычно вел переговоры с республикой, чтобы тот последовал за ним. Они покинули зал совещаний, не обращая внимания на поджатые губы и покрасневшие лица оставшихся за столом политиков. Этим людям необходимо постоянно напоминать об их истинном месте, они не должны ни на минуту забывать, что республика – всего лишь одна овца из стада.

Несколько минут спустя они уже выходили из неприметного здания, где велись переговоры. К счастью, репортеров нигде не было видно. Пресса Нью-Мексико находилась под надежным контролем; кроме того, само существование Комитета стратегических исследований было засекречено.

Эвери и Брент, старший сотрудник по связям с республикой, уселись в экипаж, и лошади выехали на оживленную улицу. Визит Гамильтона был неофициальным, и они воспользовались местными средствами передвижения, без всякого эскорта. Планировка города напоминала столицу прежних Соединенных Штатов, если не обращать внимания на щербатые верхушки гор, уходящих в небо. По широкому бульвару ехало не менее дюжины других экипажей. В Альбукерке было почти такое же напряженное движение, как и в анклаве Мирной Власти. Ничего удивительного: республика Нью-Мексико – одно из самых могущественных и густонаселенных государств на Земле.

Эвери посмотрел на Брента:

– За нами нет слежки?

Молодой человек недоуменно посмотрел на своего начальника, а потом ответил:

– Все в порядке, сэр. Мы проверили экипаж при помощи новых средств.

– Отлично. Подготовьте мне подробный отчет, но сейчас меня интересует общее впечатление. Вы считаете, что Шеллинг, Альварес и все остальные действительно так удивлены, как они изображают?

– Да, сэр, я готов Мир на это поставить. – Судя по выражению лица Брента, он понимал, что именно это сейчас и делает. – У них нет оборудования, подобного тому, о котором вы нас предупреждали. Вы всегда содержали здесь мощное отделение разведки. И мы вас не подведем; мы обязательно узнаем, если у них появится нечто представляющее для нас опасность.

– Гм.

Анализ Брента подтверждал то, что интуитивно чувствовал сам Эвери. Правительство республики сделает все, чтобы выйти сухим из воды. Именно поэтому он много лет так тщательно следил за ними. Но это не они стояли за той технической мощью, с которой Гамильтон Эвери столкнулся в последнее время.

Эвери откинулся на мягком кожаном сиденье. Значит, Шеллинг «невинен как дитя». Тогда возникал другой вопрос: поверит ли он в изложенную Эвери гипотезу? Да и гипотеза ли это? Все, что сказал Гамильтон на встрече, было абсолютной правдой, не один раз перепроверенной научной командой Ливермора.

…Однако эта правда была неполной. Политики Нью-Мексико не знали о десятиметровом куполе, лопнувшем в Центральной Азии. Теория могла объяснить и этот случай тоже, но кто поверит в две случайности подряд после пятидесяти лет стабильности?

Как цыплята, которые одновременно вылупляются из яиц. Именно этот образ использовал Альварес. Ученые были уверены, что проблема связана с периодом полураспада, но они

не владели всей полнотой информации, которая стекалась с разных сторон за последний год. Как цыплята… Когда встает вопрос о выживании, правильная трактовка событий становится искусством, и Эвери не сомневался: кто-то где-то научился уничтожать купола.

Глава 11

Выстрелы бандитов осветили лес. Раздался один залп, затем другой. Вили услышал, как пошевелился Джереми, словно готовясь вскочить на ноги и открыть ответный огонь. Потом Вили сообразил, что они стреляют сами в себя. Отражение, которое обмануло его, определенно ввело в заблуждение и их. Что произойдет, когда они наконец сообразят, что палят по пузырю? И что на самом деле им противостоит лишь один карабин в руках не слишком умелого стрелка.

Постепенно разрозненный огонь смолк.

– Давай, Джереми! – сказал Нейсмит.

Джереми вскочил и повел дулом в сторону оврага. Он выпустил всю обойму. Карабин словно захлебывался, стреляя через неравные промежутки. Вспышки заметались по оврагу. Противник был невидим, если не считать одного типа, хорошо заметного на фоне освещаемой вспышками скалы. Парню явно не повезло: пуля попала ему в грудь и отбросила на камни.

По всему оврагу послышались крики боли. Как Джереми удалось это? Даже одно попадание было фантастическим везением. А Джереми Каладзе и при дневном свете не попал бы в стену сарая.

Джереми повалился на землю рядом с Вили.

– Н-неужели я всех их у-уложил?

В его голосе слышался ужас. Но он все же вставил новую обойму в свое короткоствольное оружие.

Ответного огня не было. Но что это? Бандит, лежавший у склона оврага, вскочил на ноги и побежал! После такого попадания в грудь он должен был умереть или в лучшем случае с трудом ползти. Сквозь кусты Вили увидел, как остальные тоже начали подниматься на ноги и побежали к дальнему концу оврага. Один за другим мелькали их удаляющиеся силуэты.

Джереми поднялся на колени, но Нейсмит заставил его снова лечь.

– Ты прав, сынок. Тут есть что-то странное. Давай не будем больше испытывать удачу.

Они еще долго лежали неподвижно в звенящей тишине, пока затаившиеся лесные животные снова не начали подавать признаки жизни, а звезды над головами не засияли яркими огнями. В радиусе пятисот метров никаких признаков других людей не было.

– Проекции? – вслух размышлял Джереми. – Зомби?

Вили оставил свои мысли при себе, но он понимал, что и то и другое – очевидная ерунда. Пули сбили бандитов с ног. А потом они вскочили и в панике убежали – а это совсем не похоже на поведение зомби из легенд Нделанте. Нейсмит тоже не стал делиться своими соображениями.

К тому моменту, когда подоспела помощь, снова пошел дождь.

Было всего лишь девять часов, а воздух уже стал влажным и слишком жарким для апрельского утра – под тридцать градусов. Дождевые облака зависли высоко над Куполом, днем обязательно пойдет дождь. Вили Вачендон и Джереми Сергеевич Каладзе шагали по широкой, посыпанной гравием дороге, ведущей от главного здания фермы в сторону построек, расположенных вдоль края Купола. Вместе они производили странное впечатление: один – двухметрового роста, белый, длинноногий и тощий; другой – невысокий, худой, черный и совсем слабый на вид. Однако Вили начал понимать, что между ними было много общего. Оказалось, что они ровесники – обоим исполнилось пятнадцать. К тому же Джереми был очень умен, хотя и не мог тягаться с Вили. Он не пытался произвести на нового приятеля впечатление своими габаритами или запугать его. Похоже, он немного благоговел перед Вили (насколько это вообще возможно для такого открытого и неугомонного человека, как Джереми Сергеевич).

– Полковник говорит… – (Ни Джереми, ни другие обитатели фермы не называли старого Каладзе «дедушка», хотя и не испытывали страха перед ним, а только глубокую привязанность.) – Полковник говорит, что за нашей фермой наблюдают с тех пор, как мы втроем сюда приехали.

– Бандиты?

– Понятия не имею. Нам не купить такое оборудование, как у доктора Нейсмита, – микрокамеры и все прочее. Но у нас есть телескоп, а на крыше сарая установлена камера, которая работает двадцать четыре часа в сутки. Прикрепленный к ней процессор засек несколько вспышек между деревьями. – Парень махнул рукой в сторону хребта, где лес подходил почти к банановым плантациям. – Возможно, это отражение линз старых оптических приборов.

Несмотря на теплое солнце, Вили вдруг стало холодно. По сравнению с домом Нейсмита, одиноко стоящим в лесу, здесь было очень много народу, и тем не менее ферму никак не назовешь надежно защищенной: ни высоких стен, ни сторожевых башен, ни наблюдательных шаров. Здесь было множество детей, а большинству взрослых перевалило за пятьдесят. Типичное возрастное распределение, но совершенно неподходящее для обороны. Интересно, подумал Вили, какие тайные возможности защиты есть у Каладзе?

– И что вы собираетесь делать?

– Да ничего особенного. Их не может быть слишком много; и ведут они себя скромно. Мы бы на них напали, если бы у нас было больше людей. А так все, чем мы располагаем, – это четыре винтовки и четверо мужчин, умеющих с ними управляться. Кроме того, шерифу Венцу известно, что здесь происходит… Не стоит беспокоиться. – (Джереми не заметил раздражения Вили, тот хорошо умел скрывать свои эмоции. И вообще, Вили уже начал понимать, что у Джереми на удивление мирный и беззлобный характер.) – Я хочу показать тебе, что у нас тут есть.

Он свернул с гравийной дорожки и направился к большому одноэтажному зданию. На сарай это строение совсем не походило; вся крыша была выложена солнечными батареями.

– Думаю, если бы не Ванденбергский Купол, Центральная Калифорния прославилась бы программами «Красной стрелы» – это наша торговая марка. Мы производим не такие изысканные вещи, как Грины из Норкросса, и не в таком количестве, как Чень из Пекина, но наша продукция самая качественная.

– Это же всего лишь большая ферма, – с деланым равнодушием проговорил Вили. – По крайней мере, мне так показалось.

– Конечно, а доктор Нейсмит всего лишь отшельник. У нас прекрасная и очень большая ферма. Но как ты думаешь, где моя семья взяла деньги, чтобы ее приобрести? Нам страшно повезло: у Бабушки и полковника после Войны родилось четверо детей, и у них у всех родились свои дети, не меньше двоих на каждую семью. Практически у нас родственный клан, но мы принимаем и других людей, разбирающихся в том, в чем мы сами ничего не понимаем. Полковник твердо верит в принцип разносторонности, с фермой и компьютерными программами мы непотопляемы.

Джереми постучал в тяжелую белую дверь. Ответа не последовало, но дверь медленно открылась внутрь, и они вошли. По обеим сторонам длинного здания располагались окна, впускавшие сюда утренний свет и легкий ветерок, поэтому в помещении было достаточно уютно. Оно оставляло впечатление элегантного хаоса. Стоящие тут и там столы украшали экзотические растения и множество аквариумов. Большинство столов были пустыми, но в противоположном конце огромного помещения проходило что-то вроде совещания. Кто-то помахал Джереми рукой, однако спор, явно грозящий перейти в серьезную перепалку, не прекратился.

– Сегодня здесь гораздо больше народа, чем обычно. Многие предпочитают работать дома. Смотри.

Джереми указал на один из занятых столов, где, не обращая на них внимания, сидел мужчина, а на голографическом изображении над его столом плыли разноцветные фигуры, которые все время меняли очертания. Мужчина внимательно наблюдал за ними. Потом он кивнул самому себе, и рисунок внезапно утроился и разделился. Каким-то образом он контролировал эти изменения на дисплее. Вили узнал построение линейных и нелинейных преобразований: он развлекался с ними всю зиму, придумывая в уме самые разнообразные варианты.

– Что он делает?

Джереми ответил непривычно тихо:

– Как ты думаешь, кто претворяет в жизнь алгоритмы, которые придумываете вы с доктором Нейсмитом? – Парень обвел комнату широким жестом. – Нам удалось сделать несколько самых сложных в мире разработок.

Вили удивленно посмотрел на него.

– Послушай, Вили, я знаю, что у вас в горах есть множество самых замечательных машин. Как, по-твоему, откуда они все там появились?

Вили задумался. Ему даже в голову не приходило поинтересоваться! Нейсмит занялся его образованием, и Вили очень быстро прогрессировал. Ему пришлось заплатить за это тем, что его представления об окружающем мире были странной смесью математических абстракций и мифов Нделанте.

– Наверное… я считал, что большинство из них сделал Пол.

– Доктор Нейсмит – удивительный человек, но, для того чтобы сделать вещи, которые ему необходимы, работали сотни людей, разбросанных по всему миру. Майк Росас говорит, что это похоже на пирамиду: на ее вершине находятся несколько человек – скажем, Нейсмит, когда дело касается алгоритмов, или Масарик, когда речь идет о физике поверхностных явлений, – то есть люди, способные изобрести нечто действительно новое. Из-за того что Мирная Власть запретила крупные научные организации, эти люди вынуждены работать в одиночку, и сейчас таких корифеев, наверное, не более пяти или десяти во всем мире. Следующими в пирамиде идут такие хозяйства, как наше. Мы получаем готовые алгоритмы и переводим их в реальные компьютерные программы.

Вили наблюдал за тем, как запрограммированные фантомы перемещаются по экрану. Их формы были одновременно и знакомыми, и чуждыми. Словно его собственные идеи преобразовывались для какой-то странной разновидности «Селесты».

– Но эти люди ничего не делают. Откуда же берутся новые машины?

– Ты совершенно прав: без компьютеров, которые работают по нашим программам, мы не более чем мечтатели. Это следующий уровень пирамиды. Стандартные процессоры стоят совсем дешево. Еще до эпидемий несколько семей из Солнечной долины поселились в Санта-Марии. Они привезли с собой полный грузовик разного оборудования для травления при помощи гамма-лучей. Мы импортируем очищенное сырье из Орегона. А специальные компоненты привозим совсем издалека. Грины, например, производят лучшую синтетическую оптику.

Джереми посмотрел на дверь.

– Я бы показал тебе больше, только все сейчас ужасно заняты. В этом, вероятно, твоя вина. Полковник, как мне показалось, был особенно впечатлен тем, что вы с Нейсмитом изобрели этой зимой.

Он замолчал и посмотрел на Вили, словно надеялся, что ему раскроют какой-нибудь важный секрет. А Вили про себя подумал: «Как я могу что-нибудь объяснить Джереми?» Он вряд ли смог бы в двух словах рассказать, в чем состоит суть придуманного им алгоритма. Это была сложная последовательность кодов, позволяющая очень хитро и очень быстро запаковывать и распаковывать определенную информацию. Потом Вили сообразил, что Джереми инте-

ресует результат, позволяющий Мастеровым перехватывать информацию со спутников Мирной Власти.

Джереми рассмеялся, неправильно истолковав его сомнения.

– Ладно, ладно, не настаиваю. Мне, наверное, вообще не следует это знать. Пошли, покажу тебе кое-что еще – хотя, может быть, это тоже должно оставаться секретом. Полковник думает, что Мирная Власть сразу запретит нашу деятельность, если только пронюхает.

Они зашагали дальше по главной дороге фермы, ведущей прямо к Ванденбергскому Куполу, до которого оставалось около километра. Даже смотреть в том направлении Вили не мог – сразу начинала кружиться голова. С такого близкого расстояния ощущение формы и размеров пропадало, в каком-то смысле Купол становился невидимым – огромное вертикальное зеркало, да и только. В нем отражались зеленые поля фермы и все, что лежало за ними: несколько маленьких лодочек, пробирающихся под парусами к северному берегу озера Ломпок, и паром, пришвартованный у ближнего берега Сальсипуэдес-Крик.

По мере приближения к Куполу Вили стал замечать, что земля у его основания рыхлая и неровная. Из-за дождей, стекающих со сферы, у ее подножия образовалась река, которая несла свои воды в озеро Ломпок. Почва в этом районе постоянно дрожала из-за небольших землетрясений. Вили попытался представить себе, как выглядит другая часть Купола – та, что на многие километры уходила вглубь земли. Неудивительно, что мир, окружавший такое грандиозное препятствие, трепетал перед его величием.

Вили поднял голову и тут же пошатнулся.

– Подействовало, да? – Джереми схватил Вили за руку и поддержал его. – Я вырос рядом с Куполом, но все равно каждый раз, когда оказываюсь здесь и пытаюсь представить себе, что забираюсь на его вершину, мне не удается устоять на ногах и я шлепаюсь прямо на мягкое место.

Они вскарабкались по склону и посмотрели вниз на реку. Хотя дождь прекратился несколько часов назад, вода в реке была по-прежнему бурной и грязной. С другого берега на Вили и Джереми уставились их собственные отражения.

– Ближе подходить опасно. Вода тут довольно сильно подмывает берега, случалось несколько серьезных оползней… Впрочем, мы пришли сюда не за тем. – Джереми повел Вили вниз к небольшому домику. – В пирамиде Майка есть еще один уровень: люди, которые делают дома, повозки, плуги и тому подобные вещи. Ремонтники продолжают производить все это, но руины практически исчерпаны, по крайней мере здесь. Новые предметы делают точно так же, как и сотни лет назад. Это дорого и очень трудоемко – таким производством успешно занимаются республика Нью-Мексико и Ацтлан. Зато мы можем запрограммировать процессоры так, что они будут контролировать станки с подвижными деталями; почему же не использовать станки для производства того, что нам необходимо? Это мой собственный специальный проект.

– Да, но ведь существует запрет. Ты хочешь сказать…

– Станки с подвижными деталями не запрещены – по крайней мере, напрямую. Власть противится созданию мощных высокоскоростных станков. Они не хотят, чтобы кто-нибудь начал производить бомбы или делать новые пузыри, а потом снова развязал Войну.

Здание очень напоминало то, из которого они совсем недавно вышли, только окон здесь было поменьше. Возле входа из земли торчал древний металлический столб. Вили с любопытством посмотрел на него, а Джереми сказал:

– Он не имеет никакого отношения к моему проекту. Когда я был совсем маленьким, на нем еще читались цифры, написанные краской. Это часть крыла древнего самолета, на каких летали до Мирной Власти. Полковник полагает, что он взлетал с военно-воздушной базы в Ванденберге в тот момент, когда на них опустился пузырь: часть самолета упала здесь, а остальное осталось внутри Купола.

Вили вслед за Джереми вошел в здание. Здесь было гораздо темнее, чем в том помещении, где работали программисты. Что-то двигалось, откуда-то доносились высокие монотонные звуки. Вили понадобилось несколько секунд, чтобы понять, что они с Джереми единственные живые существа здесь. Джереми повел приятеля по проходу в ту сторону, откуда слышался шум. В темноту уходила небольшая лента конвейера. Пять крошечных механических рук делали… что они делали? Эта штука была почти в два метра длиной и в метр высотой, с колесами, хотя и гораздо меньшего размера, чем на повозках. Ни для пассажиров, ни для груза места не было. Рядом с этой машиной, которая еще только появлялась на свет, Вили заметил еще по крайней мере четыре законченных.

– Мой работник! – Джереми прикоснулся к одной из механических рук. Машина моментально остановилась, словно демонстрируя уважение хозяину. – Я не могу все сделать сам, только обмотку мотора и электропроводку. Но я собираюсь модернизировать свой станок.

Вили больше интересовало, что здесь производится.

– Что… это такое?

Он указал на странные повозки.

– Фермерские тракторы, конечно! Они совсем небольшие, не могут перевозить пассажиров, так что приходится идти рядом. Заряжаются от батарей, размещенных на крыше. Я знаю, что для первого проекта это довольно-таки рискованное предприятие, только мне ужасно хотелось сделать что-нибудь действительно полезное. Вообще-то, тракторы не считаются транспортными средствами; думаю, Мирная Власть даже не заметит их. А если они и обратят внимание на мои тракторы, мы сделаем что-нибудь другое. Мои работники – система очень гибкая.

«Они издадут закон, запрещающий твоих работников, вот и все». Неудивительно, что Вили перенял у Пола его взгляд на Мирную Власть. Запретили ведь проводить исследования, которые могли бы справиться с его болезнью. Такая же тирания, как и все прочие, только более могущественная.

Однако вслух Вили ничего не сказал. Он подошел к ближайшему готовому трактору и положил руку на кожух мотора, отчасти надеясь ощутить его электрическую мощь. В конце концов, это машина способна двигаться самостоятельно. Сколько раз Вили мечтал о том, что будет водить автомобиль. Это была заветная мечта мелких джонкских аристократов – что кто-нибудь из их сыновей получит работу водителя грузовика Мирной Власти.

– Знаешь, Джереми, а ведь эта штука вполне может везти пассажира. Готов побиться об заклад, что я сяду вот здесь, сзади, и смогу дотянуться до рычагов.

Улыбка озарила лицо Джереми.

– Здорово! Я понял, что ты имеешь в виду. Если бы я не был таким большим… Послушай, ты же мог бы стать автомобилистом! Давай выведем трактор наружу. Позади мастерской есть ровная площадка…

Едва слышный сигнал донесся из телефонного аппарата, прикрепленного к поясу Джереми. Парень нахмурился и поднес приборчик к уху.

– Хорошо, извините.

– Вили, – объявил он. – Полковник и доктор Нейсмит хотят нас видеть – срочно. Наверное, они предполагали, что мы будем слоняться в окрестностях большого дома и дожидаться, когда им приспичит с нами поговорить.

Это было первым проявлением неуважения к старшим, которое Джереми позволили себе за все время общения с Вили. Они направились к двери.

– Мы вернемся еще до того, как начнется вечерний дождь, и попробуем покататься.

Однако его голос был грустным, и Вили оглянулся на утонувшую в темноте комнату. Почему-то он сомневался, что скоро сюда вернется.

Глава 12

Все это очень походило на военный совет. Полковник Каладзе, во всяком случае, полностью соответствовал своему званию. Глядя на него, Вили почему-то вспоминал повелителей Нделанте Али: очень короткие волосы – повсюду, даже на лице, – и великолепная военная выправка, несмотря на его восемьдесят лет. Серебристая щетина лишь подчеркивала загар. Николай Сергеевич был в серо-зеленой рабочей одежде, ничем не примечательной, но идеально чистой и накрахмаленной. Голубые глаза старшего Каладзе могли искриться юмором – Вили заметил это во время торжественного обеда по случаю их приезда, – но сегодня утром они оставались жесткими и внимательными. Рядом с полковником Мигель Росас – даже с пистолетом за поясом и шерифской повязкой на рукаве – казался гражданским человеком.

Пол выглядел как обычно, но избегал смотреть Вили в глаза.

А это было очень дурным знаком.

– Садитесь, господа, – обратился к Вили и Джереми старый полковник. На совете присутствовали все его сыновья, кроме отца Джереми, который уехал по торговым делам в Корваллис. – Вили и Джереми, вы отправитесь в Сан-Диего раньше, чем мы планировали. Власть собирается финансировать чемпионат Северной Америки по шахматам, как это уже было с несколькими последними олимпиадами. Они выбрали места для проведения полуфиналов по своему усмотрению и обещали обеспечить доставку участников.

Так, наверное, должен чувствовать себя грабитель, которому его будущая жертва передает письменное приглашение в гости, подумал Вили.

Даже Джереми казался немного обеспокоенным.

– А как же быть с планами Вили… э-э, получить помощь? Сможет ли он сделать это прямо у них под носом?

– Думаю, да. Майк со мной согласен. – Полковник посмотрел на Мигеля Росаса, и тот коротко кивнул. – Власть относится с подозрением ко всем Мастеровым, но у них нет никаких причин следить за Вили. В любом случае, если мы собираемся участвовать в турнире, нужно подготовиться к появлению колонны грузовиков. Они проедут мимо фермы примерно через пятнадцать часов.

Колонна грузовиков… Мальчишки переглянулись. На мгновение они забыли об опасностях. Мирная Власть повезет их на своих грузовиках, словно королей, по всему калифорнийскому побережью до самой Ла-Хольи!

– Все, кто отправляется на турнир, должны покинуть ферму через два-три часа, чтобы добраться к шоссе номер сто один до того, как грузовики будут там проезжать. – Полковник улыбнулся Ивану, своему старшему сыну. – Каладзе все равно приняли бы участие в этом соревновании, даже если бы Власть проявляла к нашей ферме самый пристальный интерес, а Вили не нуждался бы в помощи. Вам, ребята, меня не провести. Я знаю, что вы уже давно ждете подобной возможности. Мне хорошо известно, сколько времени вы потратили на создание программ, которые считаете непобедимыми.

Казалось, слова полковника привели Ивана Николаевича в легкое замешательство, однако он быстро справился с собой и улыбнулся отцу.

– Кроме того, – продолжал полковник, – там будут люди, которых мы знаем много лет, но никогда не встречали лично. Если мы откажемся от участия, это может вызвать подозрения.

– Все в порядке, Пол? – спросил Вили, бросив взгляд через стол на Нейсмита.

Неожиданно ему показалось, что Нейсмит еще больше состарился и стал даже старше полковника.

– Да, Вили. Это прекрасная возможность помочь тебе… Кроме того, мы решили нанять Майка, чтобы он поехал с вами вместо меня. Понимаешь…

Пол продолжал что-то говорить, но Вили его больше не слушал. Пол останется здесь. Единственный шанс вылечиться – и Пола не будет рядом. На короткое мгновение, которое в сознании Вили растянулось на несколько лет, комната вдруг начала бешено вращаться, а потом исчезла, сменившись давними воспоминаниями.

Вид на улицу Клермонт сквозь незастекленное окно. Вили лежит на маленькой кровати. Первые пять лет своей жизни он провел в основном на этой кровати, глядя на пустую улицу. И все-таки ему повезло: в то время Глендора была окраиной и находилась вне досягаемости вождей Джонков и тирании Нделанте Али. Все эти пять лет Вили был таким слабым, что у него едва хватало сил самостоятельно поесть. Его жизнь целиком и полностью зависела от дяди Слая. Сейчас Сильвестр был бы старше самого Нейсмита. Когда родители Вили хотели бросить слабого новорожденного сына на съедение койотам и стервятникам, дядя Слай уговорил их оставить ему едва живого малыша. Вили никогда не забудет лицо старика – такое черное и морщинистое, окаймленное серебристыми волосами. Внешне он совсем не походил на Нейсмита, и тем не менее у них было много общего.

Когда началась Война, Сильвестру Вашингтону (а он настаивал именно на английском произношении своего имени) перевалило за тридцать. Бывший школьный учитель с редким упорством сражался за жизнь своего последнего воспитанника. Он сделал кроватку для Вили и поставил ее так, чтобы больной мальчик мог видеть и слышать все, что происходило на улице. Каждый день Вашингтон подолгу разговаривал с Вили. Другие дети с подобным заболеванием чахли на глазах и умирали, а Вили медленно, но все-таки рос. Среди его самых ранних воспоминаний, если не считать вида на улицу Клермонт, были игры с числами, придуманные дядей Слаем, который заставлял мальчика работать мозгами, раз уж тот не мог управлять своим телом.

А потом старик помог укрепить и тело Вили. Только вот занимались они всегда после наступления темноты, за развалинами, которые называли «наше ранчо». Ночь за ночью Вили ползал по теплой земле, и наконец ноги у него окрепли настолько, что он смог стоять. Слай заставлял его тренироваться до тех пор, пока Вили не научился ходить.

Однако дядя Слай никогда не разрешал Вили выходить из дома днем – он говорил, что это очень опасно. Мальчик никак не мог понять почему. Улица за окошком всегда была пустынной и тихой.

Вили исполнилось шесть лет, когда он раскрыл эту тайну, и прежняя жизнь кончилась. Сильвестр ушел на работу на потайной пруд, который он соорудил вместе со своими друзьями, воспользовавшись оросительными каналами Нделанте. Обещал вернуться домой пораньше и принести Вили подарок за то, что мальчик научился ходить.

В их крошечной конуре было страшно жарко днем, и Вили надоело сидеть и смотреть в окно на пустую скучную улицу. Он осторожно выглянул из покосившегося дверного проема, а потом, наслаждаясь обретенной свободой, медленно пошел вперед, пока вдруг не сообразил, что находится всего в нескольких шагах от перекрестка улиц Клермонт и Каталина – намного дальше, чем во время прошлых прогулок. Вили бродил по Каталине минут двадцать, восхищаясь волшебной страной, раскинувшейся перед ним: безлюдные руины под палящим солнцем. Они были самых разных размеров и чуть отличались по цвету, в зависимости от того, как эти здания когда-то окрасили. Ржавые металлические конструкции напоминали гигантских насекомых, присевших передохнуть возле дороги… Лишь в одном доме из двадцати кто-нибудь жил – этот район грабили множество раз. Гораздо позже Вили узнал, что в Бассейне сохранились и нетронутые грабителями районы. На дальних окраинах даже через пятьдесят лет после Войны можно было отыскать несметные сокровища. Ацтланские власти не просто так требовали пошлину за найденную добычу.

Вили едва исполнилось шесть, однако он не заблудился; обходя стороной те дома, где могли жить люди, мальчик все время старался держаться в тени. Через некоторое время он

устал и решил вернуться домой. Время от времени он останавливался, чтобы понаблюдать за какой-нибудь ящерицей, перебегающей от одной норы к другой. Осмелев, Вили прошел через небольшую площадку перед бакалейной лавкой, мимо вывески, объявляющей о скидках, закончившихся пятьдесят лет назад, а потом повернул на Клермонт. А дальше… дальше Вили показалось, что все события произошли одновременно.

Дядя Слай возвращался домой раньше обычного и с трудом тащил на плече мешок. Увидев на улице Вили, он тут же бросил мешок на землю и кинулся к мальчику, но в это время из переулка донесся стук подков. На освещенную ярким солнцем улицу выскочили всадники – пять молодых Джонков, которые охотились за работниками. Один из них схватил Вили, в то время как другие кнутами отгоняли старика. Лежа на животе поперек седла, Вили повернул голову и бросил последний взгляд на Сильвестра Вашингтона, превратившегося в крошечную точку в самом конце улицы. Старик заламывал руки, даже не пытаясь кричать, не пытаясь спасти Вили от чужих людей, увозивших его прочь.

Вили удалось выжить. Через пять лет его продали в Нделанте Али. Прошло еще два года, и у него сложилась твердая репутация опытного вора. Однажды Вили вернулся на улицу Клермонт. Дом по-прежнему стоял на месте – в Бассейне мало что изменилось. Только он был пустой. Дядя Слай исчез.

А теперь Вили должен расстаться и с Полом Нейсмитом.

Остальные приняли задумчивый взгляд Вили за напряженное внимание. Нейсмит что-то говорил, но так ни разу и не поднял на Вили глаз.

– Ты и не представляешь себе, какой ты молодец. Благодаря твоему открытию нам удалось обнаружить… То, что мы обнаружили, – это удивительно и чудесно и, может быть, опасно. Я просто обязан остаться. Понимаешь?

Вили не собирался этого говорить, слова вырвались сами по себе:

– Я понимаю, почему вы со мной не пойдете. Я понимаю, что какая-то дурацкая математика для вас важнее.

Хуже всего было то, что эти слова совсем не разозлили Пола, он только чуть-чуть опустил голову.

– Да. Есть вещи, которые для меня важнее любого человека. Давай я тебе расскажу, что мы обнаружили…

– Пол, если Майк, Джереми и Вили должны отправиться в пасть льву, им незачем знать подробности.

– Как скажешь, Коля. – Нейсмит встал и медленно пошел к двери. – Прошу меня извинить.

Наступила тишина, которую прервал полковник:

– Нам придется хорошо поработать, чтобы успеть отправить вас вовремя. Иван, покажи мне, что твои любители шахмат собираются дать Джереми с собой. Если Власть обеспечивает вас транспортом, может быть, Майк и мальчики смогут взять процессор помощнее. – И он ушел вместе со своими сыновьями и Джереми. В комнате остались только Вили и Майк. Мальчик встал и повернулся к двери.

– Подожди-ка минутку. – В голосе Майка звучал металл, памятный Вили еще по первой их встрече. Помощник шерифа обошел вокруг стола и усадил парня обратно на стул. – Ты думаешь, Пол тебя бросил. Может быть, так оно и есть, но, насколько мне известно, они обнаружили нечто более важное, чем мы все, вместе взятые. Я не знаю, в чем заключается их открытие, иначе я бы не мог пойти вместе с тобой и Джереми. Ты меня понял? Мы не можем допустить, чтобы Нейсмит попал в руки Мирной Власти.

Считай, что тебе очень повезло, когда мы согласились с планом Пола вылечить тебя, – продолжал Майк. – Только он мог уговорить Каладзе связаться с этими свиньями, биологами.

Майк буравил его взглядом, словно ожидая возражений. Однако Вили молчал, стараясь не смотреть помощнику шерифа в глаза.

– Ладно. Я буду ждать тебя в столовой.

Росас быстро вышел из комнаты.

Вили не знал, сколько времени он просидел неподвижно. Он не плакал: после того, что случилось много лет назад на улице Клермонт, Вили больше никогда не плакал. Он не винил Сильвестра Вашингтона, как не винил теперь Пола Нейсмита. Они сделали все, что один человек может сделать для другого. Но в конечном счете есть только один человек, кому не убежать от твоих проблем.

Глава 13

До посадочной площадки на вершине Торговой Башни еще оставалось пять метров, а вертолет с двумя винтами умудрился поднять тучу пыли. Со своего места в салоне Делла Лу наблюдала за встречающими, которым пришлось схватиться за шляпы и прикрыть глаза. Только старина Гамильтон Эвери умудрялся сохранять представительный вид даже при таких обстоятельствах.

Когда колеса вертолета коснулись земли, пилот распахнул люк и помахал рукой очень важным персонам, собравшимся на посадочной площадке. Сквозь серебристый иллюминатор Делла Лу заметила, как директор Эвери кивнул и повернулся, чтобы пожать руку Смайзи, главе администрации Лос-Анджелеса. Потом он подошел к одному из членов команды вертолета, поджидавшему у трапа.

Смайзи был, вероятно, самым могущественным чиновником Мирной Власти в Южной Калифорнии. Интересно, подумала Делла Лу, как он отнесся к тому, что его босс предложил такую по-кавалерийски лихую посадку в вертолет. Она криво усмехнулась. Черт возьми, ведь именно ей поручено руководство всей операцией, однако она и сама не понимала, что происходит.

Дверца люка захлопнулась, и лопасти начали снова вращаться. Команда получила точные инструкции: посадочная площадка быстро исчезла из виду, а вертолет поднимался вверх, словно волшебный лифт, установленный на вершине Торговой Башни. Делла Лу бросила взгляд в иллюминатор – они находились на высоте восьмидесятого этажа.

Когда вертолет взял курс на лос-анджелесский аэропорт и Санта-Монику, Делла поднялась с места. Через мгновение в салон вошел Эвери. Он выглядел совершенно спокойным, но при этом держался строго официально, его одежда была одновременно небрежной и дорогой. В принципе Совет Директоров Мирной Власти считался собранием равных. В действительности же, сколько Делла Лу себя помнила, Гамильтон Эвери был его главной движущей силой. Не самым известным человеком, но самым влиятельным.

– Рад вас видеть, моя дорогая!..

Эвери быстро подошел к Делле, пожал ей руку, словно она была ему ровней, а не чиновником на три ранга ниже. Делла позволила седовласому директору взять себя за локоть и отвести на место. Со стороны можно было подумать, что это Делла у него в гостях. Они сели, и директор быстро осмотрелся по сторонам. Кабина Деллы выглядела настоящим передвижным командным пунктом. Здесь не было ни бара, ни мягких ковров. В соответствии со своим рангом Делла вполне могла бы их иметь, но она заняла нынешнее положение совсем не потому, что лебезила перед начальством.

Вертолет спокойно летел на запад, а толстые стены кабины почти полностью поглощали шум работающих двигателей. Внизу Делла видела постройки, принадлежащие Мирной Власти. Анклав представлял собой коридор, простирающийся от Санта-Моники и аэропорта на побережье вглубь материка до того места, где когда-то находился центр Лос-Анджелеса. Это был самый крупный анклав в мире: здесь жили больше пятидесяти тысяч человек, в основном возле студии Службы новостей. И жили совсем неплохо – как раз сейчас вертолет проплывал над пригородным участком с бассейнами и теннисными кортами.

На севере высились замки и укрепленные дороги аристократов Ацтлана. Они управляли этим регионом, но, построенные без запрещенной законом технологии, их «дворцы» напоминали средневековые лачуги. Как и республика Нью-Мексико, Ацтлан наблюдал за Мирной Властью с бессильной завистью и мечтал о возвращении добрых старых времен.

Эвери оторвался от раскинувшегося внизу вида.

– Я обратил внимание, что символика Пекина с борта вертолета убрана.

– Да, сэр. Из вашего сообщения было ясно, что использование людей не из Северной Америки не следует выставлять напоказ.

Уж это-то Делла Лу прекрасно поняла. Три дня назад, завершив изучение ситуации в Центральной Азии, она вернулась в анклав Пекина. И тут же получила по спутнику из Ливермора мегабайт детальных инструкций – причем они пришли не на имя главы администрации, а прямо к ней, Делле Лу, полицейскому третьего ранга, занимающемуся борьбой с терроризмом, и главному специалисту по грязной работе. Ей выделили грузовой самолет – грузом был этот самый вертолет, и велели лететь через Тихий океан в Лос-Анджелес. В аэропорту команда самолета выгрузила вертолет с ее людьми и немедленно вернулась назад.

Эвери удовлетворенно кивнул:

– Отлично. Мне как раз нужен человек, которому не требуется объяснять все на пальцах. Вы успели прочитать отчет из Нью-Мексико?

– Да, сэр.

На протяжении всего полета Делла внимательно изучала доклад и пыталась разобраться в политических проблемах Северной Америки. Она отсутствовала три года; ей предстояло еще многое узнать – помимо трагедии в Тусоне.

– Как вы думаете, республика поверила нам?

Она вернулась мыслями к записи встречи и к досье.

– Да. Самое забавное, что наиболее подозрительные из них оказались и наиболее невежественными. Шеллинг проглотил наживку вместе с крючком. У него достаточно теоретических знаний, чтобы посчитать ваши объяснения разумными.

Эвери кивнул.

– Но они будут верить только до тех пор, пока не взорвется еще один купол. Насколько я поняла, такое уже случилось дважды за последние несколько недель. Вряд ли это объясняется теорией квантового распада. Ракетные полигоны старой Америки усеяны куполами. Если процесс распада будет продолжаться…

Эвери снова кивнул; казалось, его совсем не расстроили слова Деллы.

Вертолет плавно огибал Санта-Монику, и Делла увидела самые роскошные особняки анклава и пляжи возле них; дальше шла разрушенная береговая линия Ацтлана. Всего несколько мгновений – и вот они уже снова над океаном. Пролетев несколько километров к югу, вертолет повернул в сторону суши. Они будут кружить в небе, пока эта встреча не закончится. Даже события в Тусоне не помогли уяснить смысл ее задания, и Делла нахмурилась.

Эвери поднял холеную руку:

– Все, что вы говорите, правильно, но может оказаться несущественным. В зависимости от того, каким будет истинное объяснение случившегося. Вам не приходило в голову, что кто-то мог найти способ уничтожения куполов и сейчас мы являемся свидетелями их экспериментов?

– Мне кажется, что места для проведения «экспериментов» выбраны довольно странно, сэр: шельфовый ледник Росса, Тусон, Улан-Удэ. Кроме того, я не понимаю, как эта организация ухитрилась не попасть под наблюдение.

Пятьдесят пять лет назад, до Войны, та структура, что впоследствии назвалась Мирной Властью, была всего лишь научной лабораторией, получающей федеральное финансирование на проведение в определенной мере эзотерических – но стратегически важных – исследований. В результате этих исследований были созданы купола – силовые поля, сгенерировать которые удавалось не меньше чем за тридцать минут, пользуясь самым мощным ядерным реактором в лаборатории. Правительству Соединенных Штатов об открытии ничего не сообщили; об этом позаботился отец Эвери. Руководство лаборатории разыграло свой собственный вариант геополитики. Даже в высоких бюрократических кругах, в которых вращалась Делла, не было

никаких доказательств того, что лаборатория Эвери положила начало Войне. Однако Делла что-то в этом роде подозревала.

В годы, последовавшие за Катастрофой, Власть лишила весь уцелевший мир энергетических технологий. Представляющие наибольшую опасность правительства – такие, например, как правительство Соединенных Штатов, – были уничтожены, а на территориях этих стран образовались разнообразные мелкие государства, от городского самоуправления в Центральной Калифорнии до Ацтлана с его средневековым укладом или Нью-Мексико, где всем заправляли фашисты. Местные правительства обладали силой, достаточной только для того, чтобы собирать налоги, установленные Мирной Властью. Эти маленькие страны в определенном смысле были суверенны. Они даже развязывали свои мелкие войны – но без развитой промышленности и оружия массового поражения эти войны не представляли никакой опасности для остального человечества.

Делла сомневалась, что за границами анклавов существовала достаточно серьезная техническая база, чтобы воспроизвести старые изобретения, не говоря уже об их модернизации. И если кому-нибудь все-таки удалось раскрыть секрет куполов, спутники непременно обнаружили бы строительство мощных электростанций и заводов, необходимых для реализации таких планов.

– Я знаю, мои слова могут показаться параноидальным бредом, но вы, молодежь, не понимаете, насколько несовершенна техническая база Власти. – Эвери бросил взгляд на Деллу, словно рассчитывал, что она станет возражать. – Нам принадлежат университеты и большие лаборатории. Мы контролируем всех людей, имеющих серьезное образование. Однако мы почти не занимаемся исследовательской работой. Я бы знал об этом, поскольку еще помню, как выглядела лаборатория моего отца до войны. Более того, я проследил за тем, чтобы все по-настоящему перспективные проекты не получили финансирования.

Наши заводы в состоянии производить практически любую довоенную продукцию. – Он хлопнул рукой по обшивке. – Это хорошая, надежная машина; возможно, ее построили в последние пять лет, но модель была создана шестьдесят лет назад.

Эвери помолчал, а когда заговорил снова, его тон уже не был небрежным.

– За последние шесть месяцев я понял, что мы допустили серьезную ошибку. Кое-кто, обладающий технологией, заметно превосходящей довоенный уровень, действует под самым нашим носом.

– Надеюсь, вы имеете в виду не монгольских националистов, сэр. В своих отчетах я старалась как можно яснее дать понять, что свое ядерное оружие они получили из старых советских запасов. Большая его часть вышла из строя. А без этих бомб они всего лишь кочев…

– Нет-нет, дорогая Делла, я имел в виду совсем не это. – Он положил на стол пластиковую коробочку. – Загляните внутрь.

На бархатной подушечке удобно устроились пять крошечных металлических предметов. Лу подняла один так, чтобы на него упал солнечный свет.

– Пуля?

Самая обыкновенная, калибром восемь миллиметров. Делла не смогла определить, стрелял ли кто-нибудь этой пулей; на ней виднелись какие-то следы, но определенно не от винтовки. Заостренный конец пули был покрыт чем-то черным и блестящим.

– Вот именно, пуля. Только у нее есть мозги. Давайте я расскажу, как нам удалось наткнуться на это маленькое сокровище. Поскольку Мастеровые, эти ученые с заднего двора, последнее время стали вызывать у меня серьезные подозрения, я решил, что необходимо внедрить к ним наших людей. В большинстве регионов Северной Америки мы не допускали возникновения никаких правительств, опасаясь роста национализма. Даже неся серьезные финансовые потери при сборе налогов. Теперь я вижу, что это было ошибкой. Каким-то образом им здесь удалось зайти дальше, чем в областях, которые контролировали местные правитель-

ства. К тому же следить за ними достаточно сложно, поскольку единственными источниками информации служат орбитальные спутники.

Так или иначе, но я послал разведывательные отряды в эти никем не управляемые районы, сочинив для них надежные легенды. В Центральной Калифорнии, например, проще всего было сделать вид, будто бы они потомки советских десантников. Наши люди получили инструкции засесть в горах и перехватывать всех подозрительных путешественников. Я рассчитывал, что смогу постепенно накопить информацию, не производя официальных рейдов. На прошлой неделе один такой отряд наткнулся на троих местных жителей в лесу к востоку от Ванденберга. У этой троицы был всего один стандартный восьмимиллиметровый карабин из Нью-Мексико. Уже почти стемнело, но с расстояния сорока метров противник умудрился попасть в каждого из десяти нападавших – причем для этого ему потребовалась всего одна очередь.

– У карабина из Нью-Мексико в обойме всего десять патронов. Значит…

– Идеальная точность, моя дорогая. Мои люди клянутся, что стрельба велась в автоматическом режиме. Если бы они не носили бронированных жилетов или если бы пули летели с нормальной скоростью, ни один из них не остался бы в живых, чтобы рассказать мне эту историю. Десять хорошо вооруженных мужчин были бы убиты одним противником из самодельного оружия. Волшебство, да и только. И вы держите в руке кусочек этого волшебства. Точно такие же пули протестировали в лабораториях Ливермора. Вы когда-нибудь слышали про умные бомбы? Ну конечно, их же использовали наши самолеты в Монголии. Так вот, мисс Лу, у вас в руке умная пуля.

У каждой пули впереди видеоглаз, соединенный с процессором такой мощности, какой обладает наш настольный компьютер стоимостью в сто тысяч. Очевидно, ствол был без нарезки; пуля могла менять высоту полета при сближении с целью.

Делла перекатила металлический шарик на ладони.

– Значит, ей управлял стрелок?

– Не напрямую, и только в момент «запуска». Кроме того, оружие нужно снабдить процессором, который определяет очередность цели и выбирает оптимальный момент для выстрела. И в самой пуле процессор достаточно мощный, чтобы захватить выбранную цель. Интересно, не правда ли?

Делла кивнула. Она хорошо помнила, какой чувствительной была система наведения на А-511 – и какой дорогой. Постоянно требовались запасные детали из Пекина. Если эти штуки такие дешевые, что их можно выбросить…

Гамильтон Эвери чуть улыбнулся, очевидно довольный ее реакцией.

– Это еще не все. Посмотрите на другие предметы в коробке.

Делла осторожно положила пулю на бархатную подушечку и взяла коричневый шарик, показавшийся ей чуть липким на ощупь. На нем не было никакой маркировки, никаких неровностей. Делла удивленно подняла брови.

– «Жучок». Не обычный звукозаписывающий «жучок», какими пользуемся мы, а полноценная видеокамера, которая к тому же может производить съемку в разных направлениях. Эксперты сказали мне, что эти камеры работают на принципах фурье-оптики. Они способны записывать и передавать сигнал на небольшие расстояния. Нам удалось выяснить это при помощи рентгеновской съемки в разных проекциях. У нас даже нет оборудования, к которому мы могли бы подсоединить эту штуку!

– А вы уверены, что в данный момент не ведется передача?

– О да! Наши ученые выпотрошили внутренности из этого «жучка», прежде чем отдали мне; они утверждают, что в нем не осталось ни одной работающей детали. Думаю, теперь вам понятно, почему я предпринял такие меры предосторожности.

Делла кивнула. Значит, дело вовсе не во взрывах куполов: их истинные враги наверняка уже в курсе последних событий. Похоже, Директор Эвери совершенно прав – и сильно напуган, насколько это вообще возможно для человека с такой холодной аналитической натурой.

Примерно с полминуты оба молчали. Вертолет сделал еще один разворот, и луч солнца упал на лицо Деллы. Они летели на восток над Лонг-Бич в сторону Анахайма – так, во всяком случае, назывались эти места на старых географических картах. Внизу в серо-оранжевой дымке в разные стороны расходились линии улиц, отчего возникало ложное ощущение порядка. В действительности под ними простирались долгие километры заброшенных выжженных кварталов. С трудом верилось, что угроза, о которой говорил Эвери, родилась где-то здесь, в Северной Америке. Впрочем, подозрения Директора могли быть обоснованными. Если запретить промышленность и серьезные научные исследования, люди обязательно найдут другие способы, чтобы получить желаемое.

…А если они в состоянии делать такие штуки, вполне возможно, что у них хватит ума и на то, чтобы обойти все квантовые теории и научиться взрывать купола.

– Вы думаете, они сумели внедриться в Мирную Власть?

– Не сомневаюсь. Мы самым тщательным образом проверили наши лаборатории и залы совещаний. Было обнаружено семнадцать таких «жучков» на Западном побережье, два в Китае и еще несколько в Европе. Рядом с нашими заморскими находками не было никаких передающих устройств, поэтому мы считаем, что камеры были привезены в эти места случайно. Такое впечатление, что зараза распространяется из Калифорнии.

– Значит, им известно, что мы заинтересовались их деятельностью.

– Да, но не более того. Враг совершил несколько серьезных ошибок, а нам, в свою очередь, пару раз улыбнулась удача: в калифорнийской группе у нас есть информатор. Он пришел к нам менее двух недель назад, словно с неба свалился. Мне кажется, это не подсадная утка, потому что все рассказанное им совпадает с тем, что удалось обнаружить нам самим, только он рассказал нам немного больше того, о чем мы знали. Мы покончим с этими ребятами. Причем самым законным образом. Мы уже давно не устраивали показательных процессов – со времен инцидента с Якимой. Вы будете играть самую важную роль в этой операции, Делла. Вы женщина, а в наши дни все, кроме Власти, относятся к слабому полу без должного уважения.

«Представители Мирной Власти недалеко ушли от остальных», – подумала Делла.

– Вы будете незаметной для врага, пока не станет слишком поздно.

– Так вы имеете в виду работу агента?

– Ну конечно же, моя милая. Насколько мне известно, вы выполняли задания и посложнее.

– Да, но…

«Но я сама руководила работой агентов в Монголии».

Эвери накрыл своей рукой руку Деллы.

– Это вовсе не понижение по службе. Докладывать о том, как идут дела, вы обязаны только мне. Вы возглавите калифорнийскую операцию и будете ее контролировать – конечно, насколько это возможно с нашими средствами связи. Для работы в тылу врага нам нужен один из самых лучших агентов, который прекрасно ориентируется в тех местах и которого мы могли бы снабдить надежной и достоверной легендой.

Делла родилась и выросла в Сан-Франциско. Целых три поколения члены ее семьи были ремонтниками – и агентами Власти.

– Кроме того, у меня для вас особое, очень ответственное задание. Выполнение его может оказаться гораздо важнее всей остальной операции.

Эвери положил на стол цветную фотографию. Изображение было крупнозернистым, на пределе разрешения аппарата. Перед входом в сарай стояла группа мужчин – фермеры-севе-

ряне, если не считать черного мальчишки, разговаривавшего с высоким молодым человеком, который держал в руках восьмимиллиметровый карабин. Делла сразу догадалась, кто это такие.

– Видите старика в самом центре – рядом с тем, у которого солдатская выправка?

Лицо указанного Эвери человека было всего лишь смазанным пятном, но он показался Делле ничем не примечательным: лет семидесяти или восьмидесяти – Делла могла бы встретить сотни таких же стариков на улицах любого Северо-Американского анклава и не обратила бы на него ни малейшего внимания.

– Мы думаем, что это Пол Хелер. – Эвери посмотрел на своего агента. – Это имя ничего вам не говорит, не так ли? Вы вряд ли узнаете что-то о нем в книгах по истории, но я его отлично помню. Еще с довоенных времен. Я был тогда совсем еще мальчишкой. В Ливерморе. Он работал в лаборатории моего отца и… именно он изобрел купола.

Делла снова посмотрела на фотографию. Она понимала, что сейчас удостоилась чести и особого доверия: Эвери сообщил ей один из секретов, известных только старым Директорам, последний из которых унес бы эту тайну с собой в могилу. Она попыталась увидеть что-нибудь выдающееся в смазанных чертах.

– Конечно, были еще Шмидт, Касихара, Бхадра – они и спроектировали купол, но изначально это была одна из блестящих идей Хелера. Черт возьми, этот человек… он даже не был физиком. Короче говоря, он исчез сразу после того, как началась Война. Очень умно. Хелер не стал делать громких заявлений и дожидаться, когда мы с ним покончим. После уничтожения национальных армий нашей самой главной задачей стала его поимка. Нам это не удалось. Примерно через пятнадцать лет, когда мы установили контроль над всеми оставшимися лабораториями и реакторами, поиски доктора Хелера прекратились. Однако сейчас, через столько лет, когда купола начали взрываться, мы его обнаружили… Теперь вы понимаете, почему я уверен, что купола «умирают» отнюдь не естественной смертью.

Это он, Делла. – Эвери постучал пальцем по фотографии. – В ближайшие недели мы предпримем решительные действия против сотен людей. Однако они ни к чему не приведут, если вы не сможете поймать этого человека.

Взгляд в будущее

Рана Эллисон, похоже, не грозила открыться, да и внутреннего кровотечения, судя по всему, не было. Нога болела, но идти Эллисон могла. Они с Квиллером соорудили стоянку – или скорее небольшое укрытие – примерно в двадцати минутах ходьбы от места катастрофы. Огромное облако красноватого дыма поднималось над горящим лесом. Если все происшедшее объясняется какой-то разумной причиной, тогда дым привлечет внимание спасательных отрядов ВВС. Если же дым заинтересует не тех, кого нужно, они с Квиллером достаточно далеко от останков космического корабля, чтобы избежать нежелательных встреч. По крайней мере, Эллисон очень на это надеялась.

Теплый ласковый день клонился к вечеру – и до сих пор ничто не указывало на присутствие людей в лесу. Эллисон вдруг заметила, что стала не в меру болтливой, на душе у нее было неспокойно. Она выстраивала одну версию за другой: например, во время их последнего витка мог разойтись какой-нибудь шов на обшивке кабины – это почти все объясняло. Гипоксия подкрадывается совершенно незаметно: разве не так погибли три советских пилота в самом начале освоения космоса? Тогда, черт возьми, становится понятным, почему их с Квиллером воспоминания такие неясные и путаные. Каким-то образом маневр вхождения в атмосферу был прерван, и они оказались в австралийских джунглях… Нет, этого не могло быть, если неполадки случились на последнем витке. Возможно, они сейчас на Мадагаскаре. В этой республике их вряд ли примут с распростертыми объятиями, придется прятаться, пока разведывательные отряды ВВС не обнаружат место катастрофы… Спасательная бригада может прибыть в любой момент – например, морской десант под прикрытием с воздуха.

Ангусу это объяснение показалось малоправдоподобным.

– А Купол? Ни одна страна не смогла бы построить такую штуку, чтобы мы об этом не узнали. Могу поклясться, что она на километры уходит в небо.

Он махнул рукой в сторону второго солнца на западе. Сквозь густую листву было трудно разглядеть оба светила, но по пути сюда с места катастрофы Эллисон и Квиллер имели возможность понаблюдать за ними. Когда Эллисон, прищурившись, смотрела прямо на фальшивое солнце, она видела овал неровной формы – настоящее солнце явно отражалось от какой-то громадной изогнутой поверхности.

– Я знаю, что эта штука очень большая, Ангус, но она не может быть материальной. Возможно, это оптический обман, вызванный перемешиванием слоев воздуха.

– Ты смотрела только на ту часть, что находится высоко над землей, где нет ничего, кроме неба. Но если забраться на высокое дерево, можно увидеть, как у самого основания купола отражается береговая линия.

– Гм.

Эллисон не требовалось забираться на дерево, чтобы поверить Квиллеру. Она просто не могла согласиться с его объяснением.

– Посмотри правде в глаза, Эллисон, мы оказались в совершенно незнакомом нам месте. Однако надпись на могильном камне доказывает, что мы по-прежнему на Земле.

Могильный камень. Такой маленький по сравнению с Куполом – и еще более необъяснимый.

– Ты считаешь, что мы попали в будущее?

Ангус кивнул:

– Ничего другого не остается. Не знаю, как быстро могла стереться надпись на камне: мне кажется, мы перенеслись не больше чем на тысячу лет вперед. – Он ухмыльнулся. – Обычный временной интервал для Бака Роджерса[13].

Эллисон улыбнулась в ответ:

– Лучше уж Бак Роджерс, чем последний ремейк «Планеты обезьян».

– Да, мне тоже не понравилось, как там убили «лишних» путешественников во времени.

Эллисон бросила взгляд сквозь густое зеленое покрывало леса на второе солнце. Всему этому обязательно должно найтись другое объяснение.

Они еще несколько часов проспорили, договорившись в конце концов, что дадут версии «Спасение с Мадагаскара» двадцать четыре часа на подтверждение. После этого доберутся до побережья и пойдут вдоль него, пока не обнаружат какие-нибудь признаки присутствия человека.

Поздно вечером они услышали свистящий вой, который быстро превратился в оглушительный рев.

– Самолет!

Эллисон вскочила на ноги.

Ангус взглянул на небо и на радостях чуть не начал приплясывать. Темная, похожая на стрелу тень пронеслась над их головами.

– Это же А-511, господи! – ликовал Квиллер. – Ты оказалась права, Эллисон!

Он обнял девушку.

Самолетов было по крайней мере три. Воздух гудел от рева двигателей. Серьезная операция. Третья машина кружила примерно в трехстах метрах от того места, где прятались Эллисон и Квиллер. Один из новых десантных самолетов Сикорского, на таких летала только морская пехота.

Квиллер бросился по узкой тропинке к ближайшему самолету, Эллисон, прихрамывая, поспешила за ним. Вдруг Квиллер схватил ее за руку. Девушку резко развернуло, и она чуть не потеряла равновесие. Пилот показал на спускающийся самолет, различимый в просвете между густыми ветвями деревьев.

– Пейсли? – только и смог выговорить Ангус Квиллер.

– Что?

И тут Эллисон заметила. Нижняя треть крыла была покрыта узором пейсли. А посередине красовалась буква «фи»… или «тета». Ничуть не похоже ни на одну военную эмблему из тех, что доводилось видеть Эллисон Паркер.

[13] *Бак Роджерс* – популярный герой комиксов, книг и телесериалов, впавший в анабиоз в XX и очнувшийся в XXV веке.

Глава 14

Атмосфера открытого шахматного турнира совсем не изменилась за последние сто лет. Гость из 1948 года удивился бы, увидев изготовленную вручную плисовую одежду и странные стрижки. Но самое главное: неформальная обстановка, напряженная работа мысли, тишина в зале, длинные столы и ряды участников разных возрастов – эта картина показалась бы гостю из прошлого хорошо знакомой.

Изменилось только одно, хотя гипотетический путешественник во времени не сразу заметил бы эту перемену. Участники играли не в одиночку. Командное участие в турнире не разрешалось, однако практически все серьезные игроки имели помощников, обычно в виде серой коробочки, пристроившейся возле шахматной доски или на полу у ног игрока. Сторонники более консервативных методов предпочитали небольшую клавиатуру, которая связывала их с компьютерными программами; другие, казалось, вовсе не пользовались посторонней помощью, но время от времени их отсутствующий взгляд останавливался на какой-то точке в пространстве. Совсем немногие шахматисты относились с презрением к любым видам программистской магии и были игроками в старом, привычном смысле слова.

Вили принадлежал к категории наиболее удачливых сторонников этого принципа. Он бросил мимолетный взгляд на шахматные доски, стараясь определить, кто здесь настоящий шахматист, а кто только притворяется. Там, где кончался игровой стол, в открытые окна огромного павильона можно было увидеть синюю полосу Тихого океана.

Вили заставил себя вновь сосредоточиться на игре, безуспешно стараясь не обращать внимания ни на столпившихся возле стола зрителей, ни на своего противника. Они едва вышли из дебюта Руи Лопеса – так, во всяком случае, вчера вечером Джереми называл положение на доске, – но у Вили уже возникло хорошее предчувствие относительно исхода этой партии. Просматривалась интересная возможность атаки на королевском фланге, если только противник не приготовил какого-нибудь сюрприза. Это будет пятая победа Вили подряд. А отсюда и собравшаяся вокруг них толпа. Вили оставался единственным участником турнира, не пользовавшимся помощью процессора, который до сих пор не потерпел ни одного поражения. Он улыбнулся своим мыслям: возникла совершенно непредвиденная ситуация, но она доставляла Вили огромное удовольствие. Им никогда никто не восхищался (если не считать его воровской репутации в Нделанте). Было бы очень неплохо продемонстрировать этим людям, какими бесполезными на самом деле являются их машины. На время Вили даже забыл, что дополнительное внимание к его персоне может помешать им незаметно ускользнуть с турнира, когда придет время.

Вили еще секунду смотрел на доску, а потом двинул вперед ладейную пешку, начиная последовательность ходов, исход которых был предопределен. Он нажал кнопку своих часов и только после этого наконец поднял глаза на противника. Темные карие глаза смотрели на Вили. Девушка – или женщина, приблизительно двадцати пяти лет – улыбнулась, словно она ожидала этого его хода, наклонилась вперед и поднесла к виску наушник своего процессора. Мягкие черные волосы рассыпались по ее руке.

Прошло почти десять минут, и зрители начали постепенно расходиться. Вили просто сидел и делал вид, будто бы он вовсе и не смотрит на девушку. Она была почти такого же роста, как и он, лишь немногим выше полутора метров. Вили никогда до сих пор не доводилось видеть такую красавицу. Он мог просто сидеть рядом с ней и молчать, не пытаясь завести разговор… Ему вдруг захотелось, чтобы их партия продолжалась бесконечно.

Девушка наконец сделала ход, тоже двинув вперед пешку. Очень неожиданно и очень рискованно. Она явно была неординарным игроком: за последние три дня Вили провел за шахматами больше времени, чем за предыдущие три месяца, и почти все его противники пользо-

вались специальными процессорами. Некоторые были всего лишь слугами своих машин. Такие игроки никогда не совершают простых ошибок, зато прекрасно пользуются твоими. Играть с ними – все равно что сражаться с быком: таких невозможно победить, атакуя в лоб, но стоит определить их слабые места, как победа приходит сама. Другие игроки, вроде Джереми, были более гибкими – от них можно ждать и ошибок, и сложных, неожиданных решений. Джереми говорил, будто программа только усиливает его творческие способности. Он утверждал, что в результате играет лучше, чем машина сама по себе или человек сам по себе. Вили готов был согласиться, что так играть все же лучше, чем быть рабом процессора. Следить за игрой этой Деллы Лу было так же приятно, как любоваться ее гладкой кожей. Последний ход девушки казался очень рискованным, но открывал интересные перспективы. Машина никогда не предложила бы такой ход.

Вили заметил, как за спиной Деллы Лу появились Росас и Джереми. Росас не стал участвовать в турнире. Джереми со своим компьютером «Красная стрела» выступал довольно успешно, но в этом круге он проиграл. Вили встретился взглядом с Джереми: они хотели, чтобы он вышел. Вили почувствовал, как его охватывает раздражение.

Наконец он решился на самое сильное продолжение атаки: быстро переместил слона на несколько полей вперед, прикрывая пешку, и нажал на кнопку часов. Прошло несколько минут. Девушка взялась за своего короля… и положила его! Затем встала и протянула Вили руку через стол.

– Превосходная партия. Большое вам спасибо. – Она говорила по-английски немного в нос, на северокалифорнийский манер.

Вили попытался скрыть удивление. Ее позиция была проигрышной, он не сомневался, однако как Делла смогла понять это так быстро… Девушка, должно быть, очень умна.

Вили на мгновение задержал ее прохладную ладонь в своей, а потом вспомнил, что должен пожать ее. Он стоял и бормотал что-то невнятное, но было уже поздно, его со всех сторон окружили зрители. Все горели желанием поздравить победителя, и Вили с некоторым удивлением заметил, что некоторые из протянутых ему рук украшены перстнями с драгоценными камнями. Это были руки аристократов-Джонков. Как ему объяснили, это был первый случай за последние пять лет, когда игрок, не пользующийся компьютером, дошел до финального тура. Кое-кто даже считал, что у него есть шанс на общую победу, – сколько же лет прошло с тех пор, как чемпионом Северной Америки в последний раз становился человек, не вооруженный компьютером?

К тому моменту, когда Вили выбрался из круга своих почитателей, Делла Лу успела куда-то ускользнуть. К тому же Мигель Росас и Джереми Сергеевич с нетерпением поджидали его в стороне от толпы.

– Отличная победа, – похвалил парня Майк, положив руку ему на плечо. – Могу спорить, что после такой трудной партии тебе хочется подышать свежим воздухом.

Вили без особого энтузиазма согласился и вышел с друзьями из зала. По крайней мере, им удалось избежать интервью с двумя журналистами Мирной Власти, которые освещали турнир.

Павильоны «Фонда Ла-Холья» были построены на одном из самых красивых пляжей Ацтлана. Через залив, в двух километрах от них, вдоль оранжево-коричневых склонов поднимались вверх зеленые виноградники. Вили проследил взглядом за уходящими все дальше и дальше на север горами, пока они не исчезли в дымке где-то возле Лос-Анджелеса.

По зеленой лужайке Вили и его спутники направились в сторону ресторана. За спиной у них раскинулись руины старой Ла-Хольи – здесь было даже больше разрушенных каменных зданий, чем в Пасадине. Однако развалины казались совсем заброшенными, в них не чувствовалось тайной и напряженной внутренней жизни, столь характерной для Бассейна Лос-Анджелеса. Неудивительно, что аристократы-Джонки выбрали Ла-Холью для своего курорта. Здесь

не было ни роскошных дворцов, ни лачуг. Главы джонкских кланов могли встречаться в Ла-Холье для ведения переговоров, на время забыв о вражде и соперничестве. Интересно, каким образом удалось Мирной Власти договориться с Джонками о проведении шахматного турнира именно в этих местах? Впрочем, возможно, все объяснялось популярностью игры.

– Вили, я нашел друзей Пола, – сообщил Росас.

– Что? – Вили неохотно вернулся к проблемам реального мира. – Когда мы туда пойдем?

– Сегодня вечером. После твоей следующей партии. Ты должен ее проиграть.

– Почему?

– Послушай, – с нажимом сказал Майк, – ради тебя мы рискуем очень многим. Назови нам уважительную причину, по которой мы смогли бы отказаться от наших планов, и мы с удовольствием это сделаем.

Джереми молча слушал их.

Вили закусил губу; он понял, что Росас прав. Они оба рисковали своей свободой, а может быть, даже жизнью ради него – или ради Пола? Это не имело сейчас никакого значения. Если не считать изучения пузырей, занятие биологией считалось самым страшным преступлением с точки зрения Мирной Власти. Чтобы дать ему возможность вылечиться, Росас и Джереми готовы были ввязаться в эту авантюру.

Росас принял молчание Вили за согласие. Впрочем, так оно и было.

– Ладно. Итак, я уже сказал, что ты должен проиграть последнюю партию. Устрой из-за этого грандиозный скандал, чтобы у нас появился повод выйти на улицу и увести тебя подальше от посторонних глаз. – Он искоса посмотрел на мальчишку. – Похоже, тебе это будет нетрудно, так?

– А куда… мы… вообще… – начал Джереми.

Росас только покачал головой. Такие разговоры не для ресторана.

Роберто Ричардсон – так, если верить расписанию турнира, звали следующего противника Вили. Того, кому он должен проиграть. «Это будет даже труднее, чем я ожидал», – подумал Вили, не сводя глаз с направлявшегося к игровому столу соперника. Ричардсон оказался самым неприятным типом Джонка – необъятных размеров англ, да к тому же из Пасадины, судя по фасону его пиджака. Среди ацтланской знати было совсем немного англов. Ричардсон был так же бледен, как Джереми Сергеевич, и Вили с содроганием подумал о том, что у этого человека наверняка очень гнусный характер и такие же манеры. Его не удивило бы, если бы ему сказали, что Ричардсон хуже всех в Пасадине обращается со своими работниками. Типы вроде него всегда вымещают злобу на рабах, стараясь убедить вождей, что они тоже самые настоящие аристократы. У большинства Джонков, находящихся в павильоне, был всего один телохранитель. Ричардсон привел с собой четверых.

Положив процессор на стол и закрепив датчик на голове, Ричардсон улыбнулся Вили, а потом протянул ему свою жирную руку. Вили пожал ее.

– Мне сказали, что вы мой земляк, как будто даже из Пасадины.

Он обратился к Вили официально, на «вы».

Вили кивнул. Лицо его противника не выражало ничего, кроме доброжелательности, словно различия в их социальном положении остались далеко в прошлом и были несуразностью, о которой и говорить-то не стоит.

– Сейчас я живу в Центральной Калифорнии.

– Да-да, конечно, вряд ли вам удалось бы развить свои способности в Лос-Анджелесе, не так ли, мой мальчик?

Джонк уселся за стол, и часы были пущены. Так уж совпало, что Ричардсон играл белыми.

Сначала они очень быстро делали ходы, однако Вили страшно мешала болтовня толстого Джонка, который вел себя при этом крайне доброжелательно: спросил Вили, нравится ли ему

Центральная Калифорния, сообщил, что мальчишке очень повезло, что он сумел выбраться из «неблагоприятных условий» Бассейна. В других обстоятельствах Вили обязательно ответил бы Джонку какой-нибудь дерзостью – здесь, во время турнира, это вряд ли очень опасно. Но Росас сказал, что Вили должен устроить сцену примерно через час после начала игры.

Вили и Ричардсон сделали уже примерно по десять ходов каждый, прежде чем Вили сообразил, насколько раздражение мешает ему играть. Он посмотрел на открытый ферзевый фланг Ричардсона и понял, что преимущество явно на стороне противника. Разговоры нисколько его не отвлекали. Вили бросил взгляд за спину Джонка, на бледно-голубую воду океана. Где-то далеко, на горизонте, медленно удалялся на север танкер, принадлежащий Власти. Немного ближе к берегу два ацтланских грузовых парусных судна направлялись в противоположную сторону. Вили сосредоточил все свое внимание на их безмолвном равномерном движении, пока болтовня Ричардсона не превратилась в едва различимое бормотание. Только после этого он посмотрел на доску и заставил себя вновь погрузиться в игру.

Голос Ричардсона продолжал звучать еще несколько минут, а потом куда-то пропал. Бледный джонкский аристократ чуть озадаченно посмотрел на Вили, но не рассердился. Вили ничего не замечал: сейчас противник для него существовал только в ходах, которые он делал на шахматной доске. Ни на появившихся в павильоне Майка и Джереми, ни на свою предыдущую противницу, Деллу Лу, остановившуюся возле их стола, Вили не обратил ни малейшего внимания.

Потому что у него возникли проблемы. Вили крайне неудачно начал разыгрывать эту партию; кроме того, если даже забыть о психологическом соперничестве, сейчас перед ним сидел самый сильный противник из всех тех, с кем он до сих пор играл. Игра Ричардсона была одновременно жесткой и гибкой, он не делал ошибок, и по его ходам чувствовалось, что он был игроком с фантазией. Джереми предупреждал о том, что Ричардсон – сильный противник, в распоряжении которого хороший процессор, великолепная дополнительная программа, да еще и неплохая голова, позволяющая правильно всем этим воспользоваться. Это было несколько дней назад, и Вили успел забыть о том, что сказал ему Джереми. Теперь он убедился в справедливости слов приятеля.

Ричардсон продолжал атаковать, и за последние пять ходов ему удалось затянуть тугую петлю вокруг игрового пространства, на котором находились фигуры Вили. Противник – Вили больше не думал о толстом Джонке ни как о человеке, имеющем имя, ни как о человеке вообще – видел на много ходов вперед и мог в соответствии с этим менять стратегию. Вили столкнулся с игроком, имеющим почти такие же способности, как у него самого.

Теперь на обдумывание каждого хода у игроков, стремительно приближающихся к развязке, стало уходить все больше времени. Наконец, уже предвидя, каким будет эндшпиль, Вили сделал самый острый ход за всю эту недолгую партию. У противника оставалось две ладьи – против слона, коня и трех пешек, занимавших очень выгодную позицию. Чтобы выиграть, Вили требовалось придумать очень сложную комбинацию, что-нибудь не хуже того решения, какое он нашел для своей задачи зимой. Только вот сейчас у него в запасе было двадцать минут, а не двадцать недель.

С каждым новым ходом Вили чувствовал, как в голове нарастает боль. Он представлял себя автогонщиком, а еще Джоном Генри[14] из легенды, которую он видел на одном из дисков Нейсмита. Его разум сражался с искусственным чудовищем, с машиной, которая анализировала миллионы комбинаций, пока он успевал рассмотреть только одну.

Боль переместилась от висков к носу и глазам. Это неприятное ощущение вернуло Вили в реальный мир.

---

[14] *Джон Генри* – герой американского фольклора, чернокожий рабочий, победивший в соревновании с паровым молотом, но затем умерший от истощения.

Дым! Ричардсон закурил громадную сигару. Вонючий дым плыл через стол прямо в лицо Вили.

– Сейчас же погасите ее.

Голос Вили звучал совершенно ровно, хотя он с трудом сдерживал ярость.

Искренне изумленный Ричардсон широко раскрыл глаза и погасил свою дорогую сигару.

– Прошу прощения. Я предполагал, что северяне могут почувствовать себя неуютно в присутствии курильщика, но вы-то, черные, видели немало дыма в своей жизни.

Он улыбнулся. Вили привстал, непроизвольно сжав кулаки. Кто-то попытался усадить его на место. Ричардсон посмотрел на него с оскорбительным снисхождением, словно хотел сказать: «Что возьмешь с чернокожего…» Вили старался не обращать внимания ни на этот взгляд, ни на толпу, собравшуюся вокруг стола. Он должен победить!

Он не сводил напряженного взгляда с доски. Если сделать все правильно, пешки смогут пройти вперед, невзирая на вражеский огонь. Однако у него кончалось время, и он никак не мог вернуться в прежнее состояние холодной сосредоточенности.

Противник не совершал ошибок, его игра была такой же дьявольски уверенной, как и прежде.

Еще три хода. Пешки Вили были обречены на гибель. Все три. Зрители, скорее всего, этого еще не понимали, но Вили и Ричардсону все уже было ясно.

Борясь с подступающей тошнотой, Вили протянул руку, чтобы положить своего короля на доску и сдаться. Сам того не желая, он поднял глаза и посмотрел на Ричардсона.

– Вы здорово играли, мой мальчик. Это была самая лучшая партия, проведенная игроком без процессора.

В голосе толстяка не прозвучало насмешки, но его тон теперь уже не мог обмануть Вили. Он сделал резкое движение через стол, намереваясь схватить Ричардсона за горло. Охрана оказалась быстрее – Вили повис над столом, зажатый полудюжиной не слишком ласковых рук. Он отчаянно завопил, бросая в лицо Ричардсону самые отборные ругательства на «черном» испанском.

Джонк отшагнул от стола и приказал своим охранникам отпустить Вили. Затем посмотрел Росасу в глаза и спокойно проговорил:

– Почему бы вам не вывести вашего маленького Алехина на улицу, чтобы он там немного поостыл?

Росас кивнул. Они с Джереми взяли вырывающегося Вили под руки и дотащили к двери. Покидая павильон, Вили услышал, как Ричардсон с совершенно искренним видом убеждал организаторов турнира, чтобы они позволили Вили и дальше участвовать в соревнованиях.

Глава 15

Через несколько мгновений все трое были на улице, подальше от зевак. Ноги Вили снова касались поверхности земли; он более или менее добровольно шел между Росасом и Джереми.

Впервые за многие годы, впервые с тех пор, как он потерял дядю Слая, Вили плакал. Он закрыл лицо руками, стараясь отгородиться от всего остального мира. Большего унижения просто не могло быть.

– Давай проведем его мимо автобусов, Джереми. Небольшая прогулка ему не повредит.

– Ты действительно здорово играл, Вили, – произнес Джереми. – Я же тебе говорил, что Ричардсон считается экспертом. Ты был очень близок к тому, чтобы его победить.

Казалось, Вили ничего не слышал.

– Я бы сделал этого джонкского ублюдка. Я бы его сделал! Но он закурил и вывел меня из равновесия. Говорю тебе: если бы он не сжульничал, я бы от него мокрого места не оставил.

Они прошли метров тридцать, и Вили постепенно успокоился. А потом сообразил, что никто не ответил ему ничего утешительного. Он убрал от лица руки и сердито спросил Джереми:

– Ты так не считаешь?

Джереми был в замешательстве: справедливость боролась в его душе с дружбой.

– Ричардсон, конечно, страшный болтун, тут ты прав. Он со всеми так себя ведет – похоже, считает, что это часть соревнований. Ты заметил, что болтовня совсем не мешала ему самому? Начав болтать, он дает соответствующий знак своей программе, так что в любой момент может вернуться к нужной мысли. Ричардсон никогда ничего не пропускает.

– Я должен был победить.

Вили не позволил Джереми ускользнуть от вопроса.

– Ну… Вили, послушай. Ты самый лучший из игроков, которые не пользуются никакой помощью. Ты продержался гораздо дольше всех. Но будь же честен сам с собой: разве ты не почувствовал, играя с Ричардсоном, что он отличается от остальных? Я не имею в виду его болтовню. Разве он не был более изощренным, чем твои предыдущие соперники… более опасным?

Вили мысленно вернулся к тому моменту, когда представлял себя Джоном Генри, соревнующимся с паровым молотом. И внезапно вспомнил, что эксперт – это всего лишь нижний уровень категории чемпионов. Он начал понимать, что имел в виду Джереми.

– Значит, ты и вправду считаешь, что подсоединение машины к голове игрока имеет значение?

Джереми кивнул. Это, конечно же, всего лишь расширение памяти и подсказки вариантов игры, но раз уж Роберто Ричардсон благодаря этому превратился в гения, то что было бы, если… Вили вспомнил, как улыбнулся Пол, когда он высказал свое критическое мнение по поводу механических помощников. Вспомнил, сколько часов сам Пол провел, пользуясь процессором.

– Ты можешь показать мне, как пользуются этими штуками, Джереми? Не только для шахмат?

– Конечно. Только потребуется некоторое время. Мы должны подогнать программу так, чтобы она подходила пользователю, а кроме того, нужно научиться расшифровывать мозговые сигналы. Если ты примешь участие в турнире на будущий год, то сможешь победить кого угодно – животное, овощ или даже минерал.

Джереми весело рассмеялся.

– Ладно, – неожиданно сказал Росас, – теперь мы можем поговорить.

Вили поднял голову. Они уже давно миновали парковку и теперь шли по пыльной дороге, уходящей вокруг бухты на север, к виноградникам. Отель пропал из виду. Вили словно проснулся, вспомнив, что и турнир, и его ссора с Ричардсоном были всего лишь прикрытием.

– Прекрасно сработано, Вили. Нам именно это и требовалось, все произошло как раз вовремя.

День кончался, и прячущееся в дымке солнце повисло над горизонтом. Наступали оранжевые сумерки, а на берегу, словно причудливая, безмолвная армия, готовящаяся к нападению, собирался сырой морской туман.

– Я не притворялся.

Вили вытер рукавом лицо.

– Тем не менее все получилось как нельзя лучше. Думаю, никто не удивится, если ты не появишься до утра.

– Отлично.

Дорога пошла вниз, здесь росли только какие-то кусты с крошечными душистыми розовыми цветами. Растения цеплялись корнями за жесткую, неподатливую землю возле фундаментов и полуразрушенных стен.

Туман двинулся на побережье – растрепанный и клочковатый, совсем не похожий на тот, к которому Вили привык в горах. Здесь туман скорее напоминал большие облака, спустившиеся с неба прямо на землю. Сквозь дымку еще пробивались солнечные лучи, так что Вили и его спутники видели скалы, постепенно приобретающие золотистый оттенок, – сухая краска, резко контрастирующая с влажностью воздуха.

Когда путники добрались до пляжа, солнце спряталось за густыми облаками у горизонта, превратившись в длинную оранжевую ленту. Постепенно цвета потускнели, а туман плотным покрывалом окутал окрестности. Только свет одинокой звезды проникал сквозь клубящуюся завесу.

Дорога сузилась. По ее обочине со стороны океана росли эвкалипты, их ветки тихонько поскрипывали на ветру. Вили и его спутники прошли мимо указателя, который сообщал, что шоссе государственного значения – вот эта грунтовая дорога – проходит сейчас через Виньяс-Скриппс. За деревьями Вили заметил ровные ряды вертикальных кольев. Виноградные лозы повисли на этих кольях, словно причудливые сказочные существа.

Росас повел Вили и Джереми вверх по дороге, но туман все усиливался и будто старался от них не отставать. Даже отсюда, с расстояния шестидесяти метров от берега, был слышен шум прибоя.

– Кажется, мы тут совсем одни, – тихо сказал Джереми. – Конечно, если бы не туман, из отеля нас было бы видно точно так же, как Ванденбергский Купол.

– Поэтому мы и решили пойти ночью.

Они прошли мимо одиноко стоящего фургона, в котором наверняка перевозили виноград с полей на винодельню. Тропинка, уходящая налево, превратилась в отдельную дорогу. Вили и его спутники вскоре увидели подвешенный в воздухе оранжевый шар – масляный фонарь у входа в большое кирпичное здание. Вывеска – вероятно, яркая и привлекательная днем – сообщала по-испански и по-английски, что они находятся у входа в главную винодельню Виньяс-Скриппс и что джентльмены и дамы могут записаться на экскурсию в любое время дня. У входа в здание стояли только пустые тележки для перевозки вина.

Все трое чуть ли не с робостью подошли ко входу в здание. Росас постучал в дверь, которую тут же открыла белая женщина лет тридцати. Они шагнули было внутрь, но женщина сказала:

– Мы проводим экскурсии только днем, господа.

Тон фразы подчеркивал, что они не были даже мелкими аристократами. Вили удивился, что она вообще открыла им дверь.

Майк ответил, что они покинули турнир в Ла-Холье еще днем, но не подумали, что дорога может оказаться такой долгой.

– Мы приехали из Санта-Инеса главным образом затем, чтобы посмотреть на вашу знаменитую винодельню и ее оборудование…

– Из Санта-Инеса… – сочувственно повторила женщина.

При свете она показалась Вили гораздо моложе, чем вначале, но не такой хорошенькой, как Делла Лу. Вили перевел взгляд на плакаты, украшавшие стены прихожей. На них были изображены разные стадии выращивания винограда и производства вина.

– Я должна поговорить с мастером. Может быть, он еще не спит, и тогда…

Женщина пожала плечами.

Они остались в прихожей втроем. Росас кивнул Джереми и Вили. Так, значит, это и есть та секретная лаборатория, о которой говорил Пол. Вили подозревал, что лаборатория окажется где-то здесь, с того момента, как автобусы остановились в Ла-Холье. Эта часть страны была такой пустынной, что выбирать место особенно не приходилось.

Наконец в дверях появился человек – вероятно, тот самый мастер.

– Мистер Росас? – спросил он по-английски. – Пожалуйста, проходите сюда.

Джереми и Вили переглянулись. Мистер Росас? Судя по всему, они прошли проверку.

Сразу за дверью начиналась широкая лестница. В свете ручного фонарика Вили разглядел, что ступени выбиты в самой настоящей скале. Именно об этих пещерах подробно рассказывали проспекты виноделов. Спустившись, они пересекли просторное помещение, уставленное громадными деревянными бочками. В комнате стоял сильный дрожжевой запах, не показавшийся Вили особенно неприятным. Трое молодых рабочих кивнули им, но никто не произнес ни слова. Человек, встретивший Вили и его спутников, зашел за одну из бочек, крышка деревянного цилиндра легко открылась, и все увидели узкую винтовую лестницу. Джереми с трудом на ней поместился.

– Простите за неудобства, – сказал проводник. – Лестница сбрасывается вниз, и тогда даже при самом тщательном обыске обнаружить вход в лабораторию невозможно. – Он нажал кнопку на стене, и шахта осветилась зеленым сиянием. Джереми вздрогнул от неожиданности. – Это особый биосвет, – пояснил мастер. – Здесь используется углекислый газ, который мы выдыхаем. Представляете, что произошло бы с внутренним освещением домов, если бы нам позволили продавать это изобретение?

Спускаясь по лестнице, он продолжал рассказывать о безвредных биологических изобретениях, которые заметно изменили бы жизнь в современном мире, если бы только эти изыскания не были запрещены законом.

У основания лестницы начиналась другая пещера, заполненная зеленым сиянием, настолько ярким, что можно было читать, по крайней мере там, где висели грибные светильники, – над столами и инструментальными панелями. При таком освещении люди казались покойниками. Здесь царила тишина, даже шум океанского прибоя не проникал сквозь толщу скалы. В комнате никого не было.

Они подошли к столу, покрытому изношенной простыней. Мастер показал на стол и бросил взгляд на Вили.

– Это тебя мы должны вылечить?

– Да, – ответил Росас, а Вили только пожал плечами.

– Ну хорошо, садись сюда, и я тебя посмотрю.

Вили с опаской сделал то, что ему велели. В помещении не пахло никакими антисептиками, и он не заметил ни шприцев, ни иголок. Он думал, что ему сейчас предложат раздеться, однако ничего подобного не произошло. Этот человек не был ни таким высокомерным, как «коновалы» в трудовых отрядах, ни таким заботливым, как доктора, с которыми этой зимой связывался Пол.

– Сначала надо проверить, нет ли у тебя каких-нибудь общих проблем… Куда же я подевал стетоскоп…

Он начал шарить в старом металлическом шкафу.

– У вас что, нет никаких помощников?

Росас нахмурился.

– Господи, конечно нет. – Мастер продолжал свои поиски. – В данный момент нас здесь только пять человек. До Войны в Ла-Холье было много ученых, занимавшихся биологическими исследованиями. Но когда мы ушли в подполье, все изменилось. Сначала мы хотели для прикрытия устроить здесь аптеку – Мирная Власть, как известно, их не запрещает. Но это все равно слишком опасно. Любой, кто занимается лекарствами рано или поздно попадает под подозрение.

Поэтому мы основали «Винодельню Виньяс-Скриппс» – почти идеальное прикрытие. Мы имеем возможность легально отгружать и получать биоактивное сырье. А кое-какие из наших экспериментов можем проводить прямо на полях. Кроме того, у нас отличное местоположение. Мы находимся всего в пяти километрах от старого шоссе номер пять. К тому же пещеры, расположенные вдоль побережья, использовались контрабандистами еще до Войны, до того, как Соединенные Штаты… Ага, вот он!

Он извлек на свет пластиковый цилиндр. Потом подошел к другому шкафу и вынул оттуда металлическое кольцо диаметром около полутора метров. Когда он прикрепил его к основанию цилиндра, Вили услышал щелчок. Все это выглядело довольно глупо и напоминало сачок без сетки.

– Во всяком случае, – продолжал мастер, подходя к Вили, – проблема заключается в том, что мы в состоянии поддерживать всего несколько «техников-виноградарей». Это позор. Нам еще нужно так много всего узнать. Мы можем принести миру так много пользы.

Не сводя глаз с дисплея, установленного возле стола, он поводил петлей над столом и лежавшим на нем Вили.

– Нисколько не сомневаюсь, – кивнул Росас. – Как вы уже принесли много пользы с эпиде…

Он замолчал, потому что экран дисплея неожиданно ожил. Цвета были яркими, словно обладали собственной жизнью. Они резко контрастировали с мертвенно-зеленым светом лаборатории. На какое-то мгновение на дисплее появились простенькие абстрактные рисунки, но тут Вили заметил, что они асимметричны и к тому же перемещаются. Когда мастер поднес металлическую петлю к груди Вили, эллиптическая форма резко сжалась, но стоило прибору приблизиться к его голове, как картинка снова разрослась. Удивленный Вили приподнялся на локтях, и изображение на дисплее стало еще шире.

– Ложитесь! Необязательно лежать неподвижно, однако мне нужно выбрать подходящий угол обзора.

Вили лег на спину. У него возникло такое ощущение, будто над ним надругались. Смотрели на его внутренности, попавшие в плоскость кольца!

Мастер снова передвинул прибор к груди Вили, наблюдая за работой сердца, – тук-тук-тук. Затем он изменил настройку, и изображение на экране стало увеличиваться, пока сердце не заполнило его целиком. Было видно, как кровь поступает в камеры и вытекает из них. Рядом с первым засветился второй дисплей, и на нем появились непонятные цифры. Мастер продолжал свои измерения еще минут десять-пятнадцать, внимательно изучая тело Вили. Наконец он убрал петлю и занялся цифрами на дисплее.

– Ладно, концерт окончен. Не надо даже делать генетический анализ, малыш. Такую болезнь, как у тебя, мы уже лечили раньше. – Он посмотрел на Росаса, решив наконец как-то отреагировать на его враждебность. – Вас не устраивает наша цена, мистер Росас?

Помощник шерифа открыл было рот, чтобы ответить, но мастер замахал руками, не дав ему говорить.

– Цена, несомненно, высокая. Мы нуждаемся в самом современном электронном оборудовании. Вам, Мастеровым, Власть разрешала процветать все последние пятьдесят лет. Насколько мне известно, ваша технология существенно лучше, чем у Мирной Власти. С другой стороны, те немногие, кто продолжает заниматься биологическими исследованиями, живут в постоянном страхе и вынуждены прятаться, чтобы продолжать свою работу. А поскольку Власть сумела убедить вас, что мы самые настоящие чудовища, большинство из вас категорически отказываются продавать нам свою продукцию.

Тем не менее за прошедшие пятьдесят лет, мистер Росас, нам удалось совершить немало настоящих чудес. Если бы у нас была ваша свобода, мы могли бы сделать еще больше. И Земля сейчас была бы раем.

– Или кладбищем, – пробормотал Росас.

Мастер кивнул. Казалось, его почти не задели слова Росаса.

– Вы говорите это, даже когда нуждаетесь в нас. Эпидемии запутали вас так же, как и Мирную Власть. Если бы не те необъяснимые вспышки болезней, все могло бы быть иначе. На самом деле, если бы нам предоставили свободу действий, люди совсем не страдали бы от болезней, подобных той, что поразила этого мальчика.

– Каким образом вам удалось бы с ними справиться? – спросил Вили.

– При помощи другой эпидемии, – спокойно ответил мастер, напомнив Вили «безумных ученых» из старых телевизионных фильмов, которые смотрели Ирма и Билл. Говорить о новой эпидемии, когда прошлые принесли человечеству столько горя! – Да, именно так. Видишь ли, твое заболевание вызвано нарушением генетического кода родителей. Самым элегантным решением было бы создать вирус и напустить его на все население Земли, чтобы он внес исправления в генотип, вызывающий эту болезнь.

В его голосе звучал восторг исследователя. Вили не знал, что и думать об этом человеке, руководствующемся явно благими намерениями, но гораздо более опасном, чем Мирная Власть и все аристократы, вместе взятые. Ученый вздохнул и повернулся к дисплеям.

– Да-да, мне кажется, мы сейчас еще безумнее, чем раньше, возможно – еще безответственнее. В конце концов, мы ведь посвятили этому всю свою жизнь, в то время как вы можете жить открыто, не опасаясь, что Власть… Ладно, существуют и другие способы, позволяющие излечить твою болезнь, они нам известны вот уже несколько десятилетий. – Он взглянул на Росаса. – Более безопасные способы.

Мастер подошел к шкафчику и посмотрел на дисплей, установленный возле дверцы.

– Похоже, у нас как раз достаточно нужного препарата. – Взяв самую обычную на вид стеклянную бутылочку, он наполнил ее и вернулся к Вили. – Не волнуйся, тут нет ничего заразного. Это всего лишь паразит – я бы назвал его симбионтом. – Ученый коротко рассмеялся. – На самом деле это что-то вроде дрожжей. Если ты будешь принимать пять таблеток в день, пока бутылочка не опустеет, в твоем организме образуются стабильные антитела. Ты заметишь улучшение уже через десять дней.

Он вложил баночку в руку изумленного Вили. Всего лишь «возьми вот это – и все твои проблемы к утру будут решены». Или через десять дней, или когда-нибудь. А как же боль, страдания, жертвы? Только во сне спасение приходит так легко.

Казалось, на Росаса все это не произвело никакого впечатления.

– Отлично. «Красная стрела» и остальные заплатят вам, как и было обещано: компьютеры и программное обеспечение в соответствии с вашими заявками в течение трех лет.

Он произнес эти слова с трудом, и Вили понял, как неохотно Мигель Росас согласился сопровождать его в этом путешествии – и с какой серьезностью Мастеровые относились к желаниям Пола Нейсмита.

Мастер кивнул. Впервые за все время разговора его смутила враждебность Росаса, словно только сейчас он понял, что совершенная сделка не повлечет за собой ни благодарности, ни дружбы.

Вили соскочил со стола, и они направились к лестнице. Но не прошли и десяти шагов, как вдруг заговорил Джереми:

– Сэр, вы сказали, что на Земле мог бы быть рай?

Голос Джереми звучал немного недоверчиво, немного испуганно, но в нем было любопытство. В конце концов, именно он бросил Власти вызов, создав свои самодвижущиеся тракторы. Именно Джереми постоянно говорил о том, что наука переделает мир.

– Вы сказали – рай. А на что вы способны, кроме того, что лечите некоторые болезни?

Мастер, казалось, понял, что в вопросе нет насмешки. Он остановился под светящимся пятном на потолке и жестом предложил Джереми Сергеевичу подойти поближе.

– Мы можем многое, сынок. Вот, например… Как ты думаешь, сколько мне лет? Как ты думаешь, сколько лет всем остальным в нашей винодельне?

Стараясь не обращать внимания на зеленоватый свет, делающий всех похожими на мертвецов, Вили попытался угадать. Кожа мастера была гладкой и эластичной, с небольшими морщинками возле глаз, волосы казались здоровыми и густыми. Сначала Вили подумал, что этому человеку лет сорок. Теперь он выглядел даже моложе.

А остальные? Примерно того же возраста. Однако в любой обычной группе взрослых средний возраст больше пятидесяти. Неожиданно Вили вспомнил, как этот человек говорил о Войне, его слова звучали так, словно он был свидетелем тех событий. «Мы» решили это, «мы» сделали то…

Он был уже взрослым во время Войны. Он был ровесником Нейсмита и Каладзе!

Джереми от изумления открыл рот, а потом робко кивнул, получив ответ на свой вопрос. Ученый улыбнулся ему и сказал:

– Теперь ты понимаешь. Мистер Росас говорит о риске… Риск, возможно, действительно велик. Но ведь и выгоды не менее велики.

Он повернулся и подошел к двери, ведущей на лестницу… Но она неожиданно распахнулась. На пороге стоял один из рабочих, которых Вили и его спутники видели в помещении с бочками.

– Хуан, – торопливо проговорил он, – они начали глубокое зондирование. Повсюду вертолеты. И прожектора.

Глава 16

Мастер отступил назад, и рабочий спустился по винтовой лестнице.

– Что?! Почему вы не сообщили вниз? Ладно, я понял. Вы выключили запрещенное оборудование? – (Рабочий кивнул.) – Где шеф?

– В приемной. И остальные тоже. Она будет все отрицать.

– Гм. – Мастер колебался всего секунду. – На самом деле это единственное, что можно сделать. Наша защита должна выдержать проверку. Пусть обыскивают комнату с бочками сколько влезет.

Он посмотрел на троих северян:

– Я поднимусь наверх вместе с этим человеком, чтобы поздороваться с силами закона и порядка. Если они про вас спросят, мы скажем, что вы уже ушли в сторону пляжа.

Может быть, Вили все-таки еще удастся вылечиться.

Мастер быстро подрегулировал что-то на стенной панели, и зеленый свет постепенно померк, оставив лишь небольшую полоску, которая уходила куда-то в темноту.

– Идите вдоль этой линии и в конце концов доберетесь до берега. Мистер Росас, вы ведь понимаете, что мы сильно рискуем, отпуская вас. Если нам удастся спастись, я надеюсь, что вы выполните свои обещания.

Росас кивнул, потом смущенно взял фонарик из рук мастера, а затем подтолкнул Джереми и Вили в темноту. Вили услышал, как двое биологов быстро поднимаются по лестнице навстречу своей судьбе.

Светящаяся лента два раза повернула, и коридор сузился так, что едва пролезали плечи. Вили дотронулся до стены – камень оказался мокрым и неровным на ощупь. В уходящем вниз туннеле теперь было совсем темно. Майк включил фонарик, и они чуть ли не бегом двинулись дальше.

– Вы знаете, что Власть сделает с лабораторией?

Джереми шел сразу за Вили, время от времени налетая на него, но не настолько сильно, чтобы они оба потеряли равновесие. Что сделает Власть? Вили запыхался и поэтому с трудом выдохнул:

– Накроет их пузырем?

Конечно же. Зачем предпринимать рейд? Даже если у них есть серьезные подозрения, безопаснее всего спрятать все это место под пузырем, покончив и с учеными, и со смертельной опасностью, которая может отсюда исходить. Разумное решение: ведь Мирная Власть славилась тем, что сурово наказывала каждого, кто осмеливался заниматься запрещенными исследованиями. В любую минуту они могут оказаться внутри огромной серебристой сферы. Внутри.

Dio, может, это уже произошло… Вили споткнулся и чуть не выронил стеклянную бутылочку, ради которой было предпринято это опасное путешествие. Наверняка станет ясно, только когда они наткнутся на стену. Вили и его товарищи проживут несколько часов, может быть несколько дней, но когда воздух кончится, они умрут, как до них тысячи невинных жертв умерли в Ванденберге, Пойнт-Ломе, Хуачуке и…

Потолок стал ниже, теперь Вили почти касался его головой. Джереми и Майк, согнувшись, с трудом пробирались вперед, изо всех стараясь бежать быстрее. Вокруг них в безумном танце плясали тени.

Вили посмотрел вперед, опасаясь увидеть три бегущие навстречу фигуры, – первым признаком плена будет их собственное отражение на внутренней поверхности пузыря.

Там и вправду что-то двигалось. Очень близко.

– Подождите! Остановитесь! – завопил Вили.

Все трое застыли на месте… возле двери, почти обыкновенной двери. Она была металлической, этим и объяснялось увиденное Вили отражение. Вили нажал на ручку, и дверь распахнулась наружу. Услышав шум океана, Майк выключил фонарик.

Они побежали вниз по лестнице, но слишком быстро. Кто-то споткнулся, а через мгновение на Вили обрушился удар сзади. Все трое покатились вниз по ступеням. Вили несколько раз больно ударился о камень, инстинктивно разжал руку и… Бесценная баночка упала и со звоном разбилась.

Крупицы жизни рассыпались по невидимым ступеням.

За спиной у Вили пытался подняться на ноги Джереми.

– Фонарик, Майк, быстро!

Через секунду яркий свет залил ступени. Если кто-нибудь из полицейских находится сейчас на берегу и смотрит в их сторону…

И все же они пошли на этот риск ради Вили.

Джереми и Вили шарили руками по ступенькам, не обращая внимания на острые осколки. Через несколько секунд они собрали таблетки – вместе с грязью и стеклом – и ссыпали их в водонепроницаемый походный мешок. Джереми поднял листок бумаги и запихнул туда же.

– Инструкция, наверное.

Он закрыл мешок на молнию и протянул Вили.

Росас еще секунду не выключал свет, чтобы запомнить тропинку, по которой они пойдут дальше. Вода за долгие годы успела почти полностью сгладить каменные ступени. Больше в пещере не было никаких следов пребывания человека.

Снова наступила темнота, и беглецы начали осторожно спускаться вниз, продолжая двигаться несколько быстрее, чем им того бы хотелось. Эх, сейчас бы прибор ночного видения… Подобная аппаратура не была запрещена, но Мастеровые не любили зря выставляться. Единственное, что они привезли с собой в Ла-Холью, – это шахматный процессор «Красная стрела».

Вили показалось, что он видит впереди свет. Перекрывая шум прибоя, донесся ритмичный стук, который то становился громче, то совсем затихал. Вертолет.

Они сделали последний поворот и сквозь вертикальную расщелину, оказавшуюся входом в пещеру, увидели внешний мир. Клубился вечерний туман, однако сейчас он был совсем не таким густым, как раньше. На уровне глаз висела горизонтальная светло-серая полоса. Чуть позже Вили сообразил, что источник свечения находится в тридцати или сорока метрах впереди, – это линия прибоя. Каждые несколько секунд в воде что-то мерцало.

За спиной у Вили Росас прошептал:

– Свет прожекторов идет с вершины скалы. Может быть, нам повезет.

Он скользнул вниз мимо Джереми и повел их к выходу. Несколько секунд беглецы стояли у расщелины и внимательно разглядывали берег. Никого не было видно, только вдали кружили над горами вертолеты. У входа лежала груда крупных валунов, достаточно больших, чтобы можно было продвигаться дальше, прячась за ними.

Это произошло как раз в тот момент, когда они выходили из расщелины, – послышался низкий, напоминающий удар колокола звук, за которым последовал страшный грохот и треск раскалывающейся скалы. Со всех сторон посыпались осколки. Тысячи тонн камней добавились к той россыпи, что тянулась вдоль берега. Прижавшись к земле, беглецы ждали, когда их раздавит.

Однако ни одного крупного осколка не упало рядом с ними, и, когда Вили наконец осмелился поднять глаза, он понял почему. Четко выделяясь на фоне редких звезд и тумана, с неба опускалась идеальная сферическая поверхность. Сфера диаметром двести, а то и триста метров простиралась от нижней части пещеры-винодельни до самой вершины утеса и от виноградников до границы скал.

– Они это сделали. Они действительно это сделали, – пробормотал Росас.

Вили чуть не вскрикнул от облегчения. Еще несколько сантиметров, и они были бы заживо погребены.

«Джереми!»

Вили подбежал к краю сферы. Его друг стоял рядом ним и должен был спастись. Но где же он тогда? Вили ударил кулаком по теплой гладкой поверхности. Росас прикрыл рукой рот Вили и приподнял парня над землей. Несколько мгновений Вили отчаянно сопротивлялся, а потом затих, и тогда Росас снова опустил его на землю.

– Понимаю, – сдавленно прошептал Майк. – Вероятно, он остался по другую сторону. Но мы должны в этом убедиться.

Он включил фонарик, вспыхнувший так же ярко, как недавно в пещере, и они несколько раз прошлись вдоль края сферы. Джереми они не нашли, но…

Фонарик Росаса на миг застыл, осветив крошечный участок земли. Потом свет погас, но Вили успел заметить два крошечных красных пятнышка, два… кончика пальцев… лежавших в грязи.

Возможно, Джереми лежал сейчас всего в нескольких сантиметрах от них, скорчившись от боли и глядя в темноту, чувствуя, как по пальцам стекает кровь. Рана вряд ли была смертельной. Ему еще предстояло несколько часов мучений. Вероятно, он вернется в лабораторию и будет сидеть вместе с остальными – дожидаясь, пока кончится кислород. Они оказались полностью отрезаны от мира.

– Мешок у тебя?

Голос Росаса дрогнул.

Вили как раз потянулся к отрубленным пальцам, но, услышав вопрос, застыл на месте, а потом выпрямился.

– Да.

– Тогда пошли.

Слова Росаса прозвучали отрывисто, в них слышался с трудом сдерживаемый ужас.

Помощник шерифа схватил Вили за плечо и потащил вниз сквозь лабиринт разбросанных повсюду почти невидимых камней. Воздух был наполнен пылью и холодным туманом. Куски только что обрушившейся скалы уже успели стать влажными и скользкими. Майк и Вили старались держаться поближе к самым крупным обломкам, опасаясь обвалов и того, что их могут заметить с воздуха. Пузырь и скалы отбрасывали темные тени, окруженные мерцающим ореолом. До беглецов доносился шум двигателей грузовиков и рев вертолетов.

Но на пляже никого не было. Вили карабкался по обломкам скал, удивляясь этой оплошности. Неужели Власть ничего не знала о пещерах?

Они долго молчали. Росас медленно вел Вили в сторону гостиницы. Возможно, у них все получится. Они завершат турнир, сядут в автобус и вернутся в Центральную Калифорнию, как будто ничего особенного не произошло. Как будто Джереми никогда не было на свете.

Прошло почти два часа, прежде чем они добрались до пляжа перед гостиницей. За это время туман заметно поредел и начался прилив; фосфоресцирующий прибой подбирался все ближе, протягивая длинные щупальца пены прямо к ногам беглецов.

Гостиница светилась огнями как никогда ярко. Места для парковки тоже были освещены. Спрятавшись между двумя большими камнями, Майк и Вили внимательно смотрели на площадь перед гостиницей. Слишком много огней. На площадке для транспорта – полно машин и людей в зеленой форме Мирной Власти. Сбоку стояла неровная шеренга гражданских – пленники? Их освещали фары грузовиков, и Вили заметил, что все они держат руки на затылке. Цепочка солдат выносила из отеля коробки с процессорами и дисплеи – вспомогательное шахматное оборудование. Было слишком далеко, чтобы разглядеть лица, но Вили показалось, что

он увидел толстяка Ричардсона в яркой куртке. Вили охватило неожиданное возбуждение – жирный Джонк стоял среди пленников, словно пойманный беглый раб.

– Они захватили всех… Все произошло так, как говорил Пол, – с нами решили покончить.

В голосе Майка снова зазвучал гнев.

А где же эта девушка, Делла Лу? Вили еще раз оглядел группу пленников. Она ведь была невысокого роста. Или она стояла сзади других, или ее здесь вообще не было. Автобусы начали отъезжать. Может быть, девушку посадили в один из них.

Им удалось выскочить из-под пузыря, пробраться сюда незамеченными и не попасться во время рейда на гостиницу – удивительное везение. Однако, похоже, что на этом удача закончилась: они потеряли Джереми и свое оборудование, которое оставалось в гостинице. Ацтланская территория простирается на север на триста километров. Придется пройти не один километр через дикие места, чтобы добраться до Бассейна, – даже если Власти не будут их разыскивать, они могут попасть в лапы к баронам Джонков, которые примут Вили за сбежавшего раба, а Росаса – сначала за крестьянина, а потом, стоит ему раскрыть рот, за шпиона.

И даже если случится чудо и они сумеют добраться до Центральной Калифорнии, что дальше? Последняя мысль была самой мрачной из всех. Пол Нейсмит не раз говорил, что произойдет, когда Власть увидит в Мастеровых врагов. Видимо, это время пришло. По всему континенту начнутся облавы (или по всему миру? Вили вспомнил, что едва ли не лучшие микросхемы делали во Франции и в Китае). Может быть, ферма Каладзе уже лежит в дымящихся руинах, а люди со сложенными на затылке руками построены в шеренгу и ждут решения своей участи. И Пол среди них – если он еще жив.

Беглецы долго сидели между камнями, перемещаясь только тогда, когда их к этому вынуждал прилив. Постепенно солдат и машин становилось все меньше. Один за другим гасли прожектора. Вскоре уехал последний автобус – еще несколько дней назад они казались роскошными быстроходными экипажами, а теперь превратились в клетки на колесах.

Если эти идиоты не обыщут пляж, Вили и Росас в самом деле смогут отправиться на север.

Часа в три ночи прилив достиг наивысшей точки. На холме возле гостиницы еще стояли солдаты, но вряд ли они сохраняли прежнюю бдительность. Росас предложил направиться на север, пока еще темно.

Тут они услышали где-то совсем рядом размеренный скрежет и осторожно выглянули из своего убежища. Кто-то, борясь с приливом, пытался столкнуть в воду маленькую лодочку.

– Думаю, девушке не помешала бы наша помощь, – заметил Майк.

Вили присмотрелся внимательнее. Это действительно была девушка, промокшая и грязная, но знакомая, – Деллу Лу все-таки не арестовали!

Глава 17

Пол Нейсмит был благодарен судьбе за то, что даже в самые спокойные времена всегда находилось несколько параноиков – кроме него самого. В некотором смысле Коля Каладзе был еще хуже, чем Пол. Старый русский тратил существенную часть доходов от своей «фермы» на строительство грандиозной системы секретных ходов, укреплений и тайников с оружием. Нейсмит удалился более чем на десять километров, так ни разу и не увидев неба или нежелательных посетителей, которых было полно вокруг фермы.

Теперь, углубившись в горы, старик чувствовал себя в сравнительной безопасности. Наверняка Власть заинтересуется тем же событием, что и он. Рано или поздно им придется выделить часть сил, чтобы выяснить, что за странный красный дым поднимается над лесом. Пол рассчитывал, что к этому моменту его там уже не будет. Он решил воспользоваться представившимся счастливым случаем. Пятьдесят лет он ждал часа отмщения, но теперь его время, кажется, пришло.

Нейсмит подстегнул лошадь. Это были не та повозка и не та лошадь, на которых он приехал на ферму. Коля обеспечил его всем необходимым, включая и дурацкий старушечий наряд, от которого будет больше неудобств, чем пользы. Николай не стал скупиться, но его не слишком обрадовал отъезд Нейсмита. Пол откинулся на сиденье и с некоторой грустью вспомнил их последний спор. Они сидели на веранде большого дома. Ставни были закрыты, и слабая вибрация навела Нейсмита на мысль, что Каладзе включил аппаратуру, делающую дом непроницаемым для зондирования с воздуха. «Бандиты» Мирной Власти – какое символичное прикрытие! – не предпринимали никаких серьезных действий. Если не считать передач по радио и увиденного самим Полом, ничто не говорило о том, что мир перевернулся с ног на голову.

Каладзе понимал ситуацию – или думал, что понимал, – и не хотел принимать никакого участия в проекте Нейсмита.

– Я тебе прямо говорю, Пол, мне твоя позиция непонятна. Мы здесь находимся в сравнительной безопасности. Что бы ни утверждали мерзавцы из Мирной Власти, они не в состоянии выступить против всех нас одновременно – именно поэтому они и устроили этот шахматный турнир. Чтобы захватить заложников.

Полковник замолчал, размышляя, вероятно, о трех вполне определенных заложниках. Они пока не выяснили, убиты ли Джереми, Вили и Майк, арестованы или остались на свободе. Но заложники – это не эффективная мера.

– Если мы будем вести себя тихо, нет никаких оснований предполагать, что они нападут на «Красную стрелу». И ты будешь здесь в не меньшей безопасности, чем в любом другом месте. Но, – Николай поспешил предвосхитить ответ Пола, – если ты сейчас уйдешь, то окажешься один, без всякой защиты. Ты хочешь направиться в одно из тех немногих мест в Северной Америке, где наверняка будет полно солдат Мирной Власти. Чудовищный риск – и ради чего?

– Ты трижды не прав, дружище, – спокойно ответил Пол, с трудом скрывая нетерпение, так ему хотелось побыстрее отправиться в путь. Он начал один за другим приводить свои доводы: – Во-первых, неверно твое второе утверждение: если я уйду прямо сейчас, то почти наверняка окажусь там раньше Власти. У них немало других проблем. С того самого момента, как изобретение Вили заработало, я при помощи новой программы самым тщательным образом записывал все передачи спутников, касающиеся разложения пузырей. Могу спорить, что сама Власть не имеет в данный момент возможностей, которыми располагаем мы. Вполне вероятно, они даже еще не сообразили, что сегодня утром в горах взорвался еще один пузырь.

Что же до твоего третьего утверждения, – продолжал Пол, – то игра стоит свеч. Я могу получить величайший приз – возможность уничтожить Власть. Кто-то или что-то заставляет пузыри взрываться. Значит, существует защита от них. Если я смогу раскрыть этот секрет…

Каладзе пожал плечами:

– Ну и что? Тебе все равно понадобятся ядерные генераторы, чтобы использовать эти сведения.

– Может быть… И наконец, мой ответ на твое первое утверждение: оставаясь здесь, на ферме, мы тоже подвергаемся опасности. Долгие годы я пытался убедить тебя, что Власть безжалостно расправится с вами, как только сочтет вас опасными. Ты прав, Власть не сможет одновременно напасть на всех сразу. Но они используют заложников из Ла-Хольи, чтобы вычислить тебя и выманить из укрытия. Даже если им не удалось захватить Майка и мальчиков, «Красная стрела» все равно привлечет к себе самое пристальное внимание. А если они заподозрят, что я здесь, то при первой возможности устроят мощный рейд на твою ферму. У них есть причины бояться меня.

– Им нужен ты? – У Каладзе отвисла челюсть от удивления. – Тогда почему бы им просто не закатать нас в пузырь?

Пол усмехнулся:

– Вероятно, посланные в разведку «бандиты» не опознали меня, а может быть, они хотят быть до конца уверенными, что я окажусь внутри клетки, когда на нее повесят замок.

«Однажды Эвери меня уже упустил. Теперь он будет действовать наверняка».

– Одним словом, Мирная Власть хочет прихлопнуть нас, Коля. Придется сразиться с ними. Если мы сможем понять, почему взрываются пузыри, то, возможно, получим шанс победить.

Не стоило говорить полковнику Каладзе, что Пол занялся бы этой проблемой, даже если бы Власть не организовала рейда на турнире. Как большинство Мастеровых, Николай Сергеевич никогда не вступал в открытый конфликт с Властью. И хотя он был не моложе Нейсмита, ему не довелось быть свидетелем того предательства, которое нынешние политики совершили, чтобы захватить власть в свои руки. Даже то, что биологические исследования запрещены и дети вроде Вили лишены возможности получить лекарство, уже не считалось проявлением тирании. Однако теперь наконец появилась техническая – а если представители Мирной Власти будут настолько глупы, что не перестанут оказывать давление на таких людей, как Каладзе, – и политическая возможность скинуть Мирную Власть.

Они спорили около получаса, и Пол Нейсмит постепенно начал побеждать в этом споре. Чтобы получить помощь, требовалось убедить Каладзе, что он может обнаружить что-нибудь интересное, если посмотрит собственными глазами на то место, где произошел последний взрыв пузыря. В конце концов Нейсмиту это удалось, хотя ему пришлось раскрыть несколько секретов из своего прошлого, что могло в дальнейшем осложнить ему жизнь.

Постепенно поднимаясь, тропинка вывела Нейсмита на склон холма. Если бы не лес, он смог бы отсюда увидеть кратер. Пора было от размышлений перейти к делу и решить, как лучше подобраться к интересующему его месту. Никаких следов представителей Мирной Власти он не заметил, но, если его поймают, наряд старой дамы, в который он облачился, вряд ли поможет.

За несколько километров до кратера Нейсмит направил лошадь в сторону от тропинки, вглубь леса. Проехав еще метров пятьдесят, он слез с повозки и оставил ее вместе с лошадью в густых кустах. В любое другое время этого оказалось бы достаточно. Сегодня же он не был ни в чем уверен.

Придется рискнуть. Целых пятьдесят лет пузыри преследовали Пола Нейсмита в кошмарных снах – особенно тот, к которому он направлялся. Целых пятьдесят лет он пытался

убедить себя в том, что их появление – вовсе не его вина. Все это время он надеялся, что сможет найти способ исправить то зло, которое принесли миру политики, воспользовавшись его изобретением.

Старик взял с повозки рюкзак и неловко надел его на спину. Остальную часть пути предстояло пройти пешком. Пол мрачно брел по заросшему лесом склону холма, раздумывая о том, что произойдет раньше: ремни рюкзака начнут врезаться в плечи или он выбьется из сил и начнет задыхаться. Обычная для человека шестидесяти лет прогулка могла стоить жизни старику его возраста. Нейсмит пытался не обращать внимания на то, как скрипит больное колено и с каким шумом вырывается дыхание из груди.

Самолет. Шум двигателей раздался над головой, но не пропал вдали, а повторился снова и снова. Проклятие!

Нейсмит достал из рюкзака приборы и начал настраивать дисплей, чтобы получить изображение с тех камер, что разбросал Джереми в ночь погони. Он находился примерно в трех километрах от кратера, но, возможно, некоторые из этих шариков сейчас освещены солнцем, так что они смогут зарядиться и начать работать.

Он внимательно просмотрел картинки на дисплее. Те камеры, что лежали ближе всего к кратеру, так глубоко застряли в земле, что Пол видел только голубое небо. Когда этот пузырь взорвался, вспыхнул небольшой пожар, однако никакой пожар не мог бушевать внутри пузыря целых пятьдесят лет. Если бы там произошел ядерный взрыв, зрелище было бы куда более впечатляющим. Кроме того, Нейсмит точно знал: внутри пузыря не было ядерного заряда. Этот взрыв был особенным, и Пол надеялся отыскать здесь ключ к разрешению загадки.

Время от времени на дисплее мелькала форма солдат Мирной Власти. Они высадились с самолетов и теперь рассредоточивались вокруг кратера. Нейсмит подключил аппаратуру к своему слуховому устройству. Он находился недалеко от кратера, но было бы полнейшим безумием подкрадываться еще ближе. Возможно, если тут не оставят слишком много солдат, удастся подойти к кратеру завтра утром. Он пришел слишком поздно, чтобы сорвать куш, но слишком рано, чтобы ни с кем не встретиться. Нейсмит тихонько выругался и снял легкий рюкзак, одолженный у Каладзе, все это время не спуская глаз с крошечного экрана, который установил возле стоящего неподалеку дерева. Контролирующая программа поочередно показывала ему изображение с пяти наиболее удачных ракурсов. Если кто-нибудь направится в его сторону, он сразу же получит предупреждение.

Нейсмит сел и попытался расслабиться. До него доносился какой-то шум, но солдаты, вероятно, сосредоточились в самом кратере, поскольку он никого из них не видел на экране.

Солнце медленно клонилось к западу. В другое время Нейсмит обязательно насладился бы прекрасным днем: разливающимся в воздухе теплом, пением птиц. Странный лес, окружающий Ванденберг, был в своем роде уникальным: растения, привыкшие к сухому климату, неожиданно попали в условия влажных тропиков. Один только Бог знает, во что они в конечном счете превратятся.

Однако сегодня Нейсмит мог думать только о том, как добраться до кратера, находящегося всего в нескольких километрах к северу.

И все же он едва не задремал, но прозвучавший вдалеке выстрел разбудил его. Несколько мгновений Нейсмит настраивал дисплей, и в конце концов ему повезло: он заметил, как в противоположную от камеры сторону бежит человек в серой с серебром форме. Старик несколько секунд напряженно вглядывался в экран, раскрыв рот от удивления. Послышались новые выстрелы. Нейсмит еще раз внимательно посмотрел на бегущего человека. Серая с серебром форма… Он не видел такой с довоенных времен!

Некоторое время Нейсмит просто смотрел, не пытаясь найти никакого объяснения тому, что видит. Три солдата промчались мимо камеры. Похоже, они стреляли в воздух, но парень в серой форме не останавливался, и тогда все трое выстрелили еще раз. Человек в серой форме

упал. На какое-то мгновение солдаты замерли, словно пораженные тем же выстрелом, а потом, яростно ругая друг друга, помчались дальше.

Теперь весь экран заполнили солдаты Мирной Власти. В неожиданно наступившей тишине появился человек в штатском. Он явно возглавлял операцию. По его визгливым выкрикам Нейсмит догадался, что такой поворот событий штатского не обрадовал. Человека в серой форме положили на носилки. Нейсмит изменил направление обзора камеры и увидел, что жертву уносят по тропе на север от кратера.

Через несколько минут взвыли моторы, и остроносый силуэт поднялся в небо к северу от Нейсмита, промчался прямо над его головой и взял направление на юг.

Птицы и насекомые испуганно замолкли, как и сам Пол Нейсмит, охваченный благоговейным страхом перед собственной догадкой. Теперь он все понял. Пузыри взрывались не в результате квантового распада. Их уничтожала не какая-то подпольная организация. Пол с трудом подавил истерический смех. Он изобрел эти проклятые штуки, дал возможность своему начальству создать империю и править ею целых пятьдесят лет, но ни он сам, ни они даже не подозревали – хотя его изобретение и работало безукоризненно, – что теория Пола была чушью собачьей от начала и до конца.

Он все понял. Мирная Власть догадается об этом в ближайшие нескольких часов… а может быть, им уже все известно. Вскоре сюда нагрянет целая дивизия вместе с лучшими учеными Власти. Он почти наверняка погибнет, унося с собой в могилу секрет, если сейчас же не повернет на восток в сторону своего дома в горах.

…Однако, когда Нейсмит наконец сдвинулся с места, он направился совсем не к повозке с лошадью. Он пошел на север. Медленно и осторожно Пол подбирался к кратеру… потому что у этого открытия было одно следствие – гораздо более важное, чем его собственная жизнь и даже чем его многолетняя ненависть к Мирной Власти.

Глава 18

Нейсмит часто останавливался, отчасти чтобы отдохнуть, отчасти чтобы взглянуть на прикрепленный к рукаву экран. Разбросанные в разных местах камеры показывали, что в районе кратера находилось не более тридцати солдат. Если он правильно определил их местонахождение, то сможет подобраться довольно близко. Полу пришлось сделать приличный крюк только для того, чтобы избежать встречи с одним из них; этот тип сидел тихо, как мышка, и внимательно смотрел по сторонам. Нейсмит шел очень осторожно, стараясь не наступать на сухие ветки и гравий и тщательно обдумывая каждый шаг. У него никогда не было опыта в подобных вещах, но сейчас он должен все сделать правильно с первого раза.

Нейсмит был уже близок к цели: он оторвал взгляд от дисплея и посмотрел в небольшой овраг. Вот это место! В зарослях кустарника притаилась женщина. Если бы Нейсмит точно не знал, куда именно нужно смотреть, ему не удалось бы увидеть серебристый блеск среди густой листвы. В последние полчаса он наблюдал на своем дисплее, как женщина – или девушка? – медленно пробиралась на юг, пытаясь обойти солдат, собравшихся у края кратера. Через пятнадцать минут она наткнется на солдата, которого Нейсмит заметил раньше.

Он скользнул вниз по склону, сквозь тучи комаров, роившихся во влажных испарениях. Теперь Пол не сомневался, что девушка его заметила. Однако он явно не был солдатом и пробирался по склону оврага так же осторожно, как и она. В последний момент Пол потерял девушку из виду, но не стал смотреть по сторонам, а просто продолжал углубляться в заросли, приближаясь к тому месту, где пряталась беглянка.

Неожиданно рука зажала ему рот, и Нейсмит оказался на земле. На него внимательно смотрела пара удивительных синих глаз.

Убедившись, что Нейсмит не сопротивляется, девушка отпустила его плечо и поднесла палец к губам. Нейсмит кивнул. Через секунду она убрала руку от его рта и, наклонившись к самому уху Пола, прошептала:

– Кто вы? Вы знаете, как можно сбежать от них?

С некоторой горечью Нейсмит понял: она не догадалась, что он мужчина. Девушка явно предполагала, что повалила на землю испуганную старуху. Может быть, это даже к лучшему. Нейсмит не представлял себе, как незнакомка воспринимает происходящее, но было ясно, что истинного положения вещей она не осознает. Не существовало такого правдивого объяснения, которое она могла бы понять, не говоря уже о том, чтобы поверить.

Нейсмит облизнул губы, показывая, что он тоже нервничает, и прошептал:

– Они и за мной гонятся. И если сумеют поймать, то убьют – и тебя, и меня, как убили твоего друга.

«Ой!»

– Надо свернуть в сторону – ты идешь прямо на одного из них, он спрятался там, впереди.

Девушка нахмурилась, всеведение Нейсмита вызвало у нее подозрения.

– Значит, вы знаете, как отсюда выбраться?

Он кивнул.

– Здесь неподалеку моя лошадь и повозка. У меня маленькая ферма…

Его слова заглушил раздавшийся почти над самой головой рев. Он посмотрел верх и заметил промелькнувшую в небе знакомую тень с огнями на крыльях и хвосте – еще один транспортный самолет с солдатами. А за ним мчались и другие. Настоящее вторжение. Единственное место, пригодное для посадки, – главная дорога к северу от кратера. Через полчаса здесь будет столько солдат, что и мышь не проскользнет.

Нейсмит приподнялся на колени и потянул девушку за руку. Выбора у нее не было. Они двинулись той же дорогой, которой он пришел сюда. Теперь в лесу стоял такой грохот от рабо-

тающих двигателей, что, даже если бы беглецы стали кричать в полный голос, никто бы их не услышал. У них в распоряжении было минут пятнадцать – если, конечно, они поспешат.

На лес опустились сумерки. Заметить Нейсмита, одетого в пестрое коричневое платье, было достаточно трудно, а вот девушка в своей летном комбинезоне была прекрасной мишенью. Нейсмит держал ее за руку и вел тропинками, которые считал наиболее безопасными, все время поглядывая на свое запястье – пытаясь определить, где расположены посты. Девушка смотрела по сторонам и не замечала дисплея.

Постепенно все звуки остались у беглецов за спиной. По-прежнему доносился шум моторов, но голоса солдат звучали уже приглушенно. Где-то поблизости заворковали голуби.

Теперь Нейсмит и девушка шли через сильно поредевший кустарник. В груди Нейсмита все горело, пульсирующая острая боль сжимала сердце. Девушка прихрамывала, но дышала легко. Нейсмит понял, что она подстраивается под него, стараясь идти помедленнее.

Через некоторое время он начал спотыкаться, и девушка обняла его за плечи, помогая удержаться на ногах. Нейсмит скривился, однако возражать не стал, посчитав, что должен радоваться уже тому, что вообще способен идти. Однако ему казалось страшной несправедливостью, что человек, чувствующий себя в душе молодым, легко может погибнуть от такого короткого перехода. Он хрипло подсказывал девушке, в какой стороне спрятана повозка.

Через десять минут они услышали, как негромко всхрапнула лошадь. Похоже, засады здесь не было. Нейсмит знал множество тайных тропинок, уходящих отсюда в горы, тропинок, проложенных партизанами, которые постарались сделать все возможное, чтобы скрыть свои следы. Если им сейчас чуть-чуть повезет, они спасутся.

Пол тяжело прислонился к краю повозки. Неожиданно лес закачался и потемнел. Не сейчас, господи, не сейчас!

Он немного пришел в себя, но сил, чтобы забраться в повозку, не оставалось. Девушка одной рукой обняла его за талию, а другой подхватила под колени. Пол был немного выше ее, но почти ничего не весил, а девушка оказалась сильной. Она легко подняла его, а потом чуть не уронила от удивления.

– Так вы не…

Нейсмит слабо улыбнулся:

– Не женщина? Да, вы правы. Почти все, что вы сегодня видели, на самом деле не то, чем кажется.

Глаза девушки округлились еще больше. Полу было так плохо, что он уже не мог говорить, только указал на одну из тайных тропинок. Если девушка не собьется с пути, они будут в безопасности.

А потом мир вокруг Пола Нейсмита потемнел и куда-то провалился.

Глава 19

Океан сегодня казался спокойным, но и рыбацкий баркас был невелик. Делла Лу стояла у борта и с болезненно-восхищенным видом смотрела на искрящуюся в солнечных лучах воду. У нее был самый большой опыт противодействия подрывной деятельности среди всех сотрудников Мирной Власти. В некотором смысле Делла Лу начала работать тайным агентом, как только стала понимать, чем на самом деле занимались ее родители. Повзрослев, она участвовала в специальных операциях ВВС, руководила заключением в купола трех монгольских укрепленных районов, действуя так жестко, как подсказывали ее представления о целях Мирной Власти… Но до сих пор ей не доводилось плавать на судах крупнее каноэ. Неужели она будет мучиться от морской болезни?

Каждые три секунды волны поднимались прямо к ее лицу, а потом опускались вниз, открывая покрытую водорослями обшивку ниже ватерлинии. Сначала Делле это даже нравилось, но в последние тридцать шесть часов стало ясно, что этому не будет конца. Делла ни секунды не сомневалась, что чувствовала бы себя просто прекрасно, знай она, что плавание в любой момент можно прекратить по ее желанию. Но пока весь этот цирк не закончится, она ничего не могла здесь поделать.

Делла велела своему желудку успокоиться, а носу – не обращать внимания на рыбную вонь и посмотрела на горизонт. Ей в самом деле было чем гордиться. В Северной Америке, особенно в Центральной Калифорнии, разведывательная сеть находилась просто в кошмарном состоянии. Эти районы в течение многих лет ни у кого не вызывали опасений. Мирная Власть оставила большую часть континента в состоянии анархии. Спутниковая разведка легко засекала любое сосредоточение сил. Только в таких государствах, как Ацтлан и Нью-Мексико, директора Мирной Власти считали необходимым держать шпионов. На огромной, как океан, территории, называющейся Центральной Азией, дела обстояли совсем иначе.

Пока Делла прекрасно справлялась. Воспользовавшись приобретенным в Азии опытом, она за считаные дни сумела выработать стратегию, способную справиться с той угрозой, которую разглядел здесь Эвери. Причем не просто повторила один к одному все, что делала в Монголии. В Северной Америке противникам Мирной Власти удалось узнать некоторые секреты – в частности, в области электроники. Взять, например, систему связи: Делла видела на горизонте одно из судов, принадлежащих Власти, но не могла передать им сообщение прямо с рыбачьего баркаса, поскольку не хотела рисковать. Поэтому она установила лазерный передатчик на уровне ватерлинии лодки; именно так ее сообщения попадали на судно, где их расшифровывали и по обычным каналам передавали Гамильтону Эвери и тем оперативникам, которыми Дела руководила от его имени.

Раздался смех. Один из рыбаков что-то сказал по-испански, что-то про «ребят, которые слишком любят поспать». Из маленькой каюты на палубу вышел Мигель Росас. Пробираясь между разложенными сетями, Росас кисло улыбался шуткам рыбаков. (Они казались самым слабым местом в прикрытии Деллы. Это были самые настоящие рыбаки, и они рано или поздно сообразят, на кого работают. У Власти должны быть специальные люди для выполнения подобных заданий. Черт возьми, ведь именно по этой причине ее бабушку и дедушку поселили в Сан-Франциско. Считалось необходимым следить за тем, что происходит в таком большом порту, расположенном в непосредственной близости к самому важному анклаву. Мирные Власти предполагали, что ремонтники скорее заметят возможные военные приготовления на территории этого города. Почему только им не пришло в голову поселить ее родственников среди Мастеровых? Годы шли, но в регионе все было тихо, и Власть так ни разу и не прибегла к помощи своих агентов.)

Она улыбнулась Росасу, но заговорила только тогда, когда калифорниец подошел совсем близко.

– Как мальчик?

Росас нахмурился:

– Все еще спит. Надеюсь, с ним все в порядке, у него, знаете ли, не очень-то крепкое здоровье.

Делла не слишком беспокоилась по этому поводу. Когда вчера вечером рыбаки кормили их, она кое-что подсыпала в еду чернокожего мальчишки. Вреда это ему не принесет, зато он проспит еще несколько часов. Ей было необходимо поговорить с Росасом наедине, а больше такого случая может не представиться.

Она обернулась к Росасу, стараясь держаться дружелюбной и непринужденной. Он не показался ей слабым. И совсем не похож на человека, который может предать своих… Однако он это сделал. Значит, если она хочет пользоваться его услугами и дальше, следует разобраться в его мотивах. Наконец Делла проговорила:

– Мы хотим поблагодарить вас за помощь в раскрытии тайной лаборатории в Ла-Холье.

Лицо помощника шерифа словно окаменело.

Лу удивленно посмотрела на Мигеля.

– Вы хотите сказать, что не догадывались, кто я такая?

Росас бессильно прислонился к борту баркаса и мрачно уставился на воду.

– Я подозревал. Все получилось слишком удачно: наш побег, эти парни, подобравшие нас… Правда, я не думал, что агентом окажется женщина, уж слишком это старомодно. – Его смуглые руки с такой силой сжали ограждение, что костяшки пальцев побелели. – Черт вас побери, вы и ваши люди убили Джере… убили одного из тех двоих, кого я должен был охранять, а потом арестовали невинных людей, приехавших на турнир. Зачем? Вы что, все спятили?

Ему, конечно, и в голову не приходило, что рейд, проведенный на турнире, был самым важным пунктом в операции Эвери; сама по себе биолаборатория не очень интересовала Власть, она требовалась только затем, чтобы накрыть Мигеля Росаса. Они нуждались в заложниках и информации.

– Мне очень жаль, что в результате нападения на лабораторию погиб один из ваших людей, мистер Росас. Это не входило в наши планы. – Она говорила правду, хотя, с другой стороны, смерть второго мальчишки может оказаться очень полезной: Росас будет испытывать чувство вины. – Надо было просто объяснить, где эта лаборатория находится, вы же настояли на «поцелуе Иуды», захотели лично удостовериться… Поймите, мы не имели права рисковать и упустить тех, кто был в лаборатории.

Росас кивнул – скорее, собственным мыслям. «Наверное, именно в этом все и дело», – подумала Лу. Этот человек патологически ненавидит биологические исследования, его ненависть гораздо сильнее страха, который испытывает любой нормальный человек. Именно ненависть и привела его к предательству.

– Что касается рейда, у нас были достаточно серьезные причины для его проведения, со временем вы их поймете и одобрите. А пока вы должны просто доверять Мирной Власти, так же точно, как весь мир доверяет нам вот уже пятьдесят лет, доверяет… и следует нашим указаниям.

– Указаниям? Черт возьми! Я сделал то, что считал нужным, но больше я не собираюсь с вами сотрудничать. Можете посадить меня под замок, как и всех остальных.

– Думаю, ничего не выйдет. Ваше благополучное возвращение в Центральную Калифорнию очень важно для нас. Вы, я и Вили сойдем на берег в Санта-Барбаре и оттуда доберемся до фермы «Красная стрела». Мы станем героями, теми, кому удалось случайно спастись во время рейда в Ла-Холье.

Делла заметила, что Мигель сердится.

– Откровенно говоря, у вас нет выбора, Росас. Вы предали своих друзей, тех, кто вас нанял, и тех, кого мы арестовали на турнире. Если вы не согласитесь с нами сотрудничать, всем станет известно, что вы являетесь нашим агентом вот уже много лет и стоите за этим рейдом.

– Но ведь это ложь!

Росас замолчал, потому что понял: его протесты не имеют никакого значения.

– С другой стороны, если вы станете нам помогать… ну, значит, вы решили служить идеалам добра. – (Росас не рассмеялся, но было понятно, что он не верит словам Деллы.) – Когда все это закончится, вы будете очень богаты, и в случае необходимости Власть сумеет защитить вас.

Этой стратегией пользовались еще до появления Мирной Власти: найти слабого человека, склонить его к предательству (причина, по которой он пойдет на это, не имеет значения), а затем, угрожая разоблачением, посулить награду и вынудить его совершить такие поступки, о которых он не мог и помыслить раньше. Гамильтон Эвери был уверен, что это сработает, и он не позволил Делле тратить время на более тонкие подходы. Возможно, Мигель Росас сумеет привести их к Хелеру.

Делла внимательно следила за Росасом, стараясь понять, способен ли он на самопожертвование.

Помощник шерифа не сводил глаз с чаек, которые кружили над лодкой, пронзительными голосами призывая друзей и родственников, когда рыбаки стали поднимать на борт первый улов. На какое-то мгновение Делле показалось, что Росас засмотрелся на птиц и его суровое лицо немного смягчилось. Наконец он повернулся к Делле:

– Должно быть, вы действительно очень хорошо играете в шахматы. Не могу поверить, что у Власти есть программы и процессоры, которые помогли бы вам так здорово провести партию с Вили.

Делла чуть не улыбнулась, услышав столь не относящиеся к делу слова, но ответила честно:

– Вы правы, у них, конечно же, ничего подобного нет. А я знаю только, как ходят фигуры. За связь с компьютером все приняли мои телефонные переговоры с Ливермором. Там собрались наши лучшие шахматисты, которые обсуждали положение на доске и диктовали мне ответные ходы.

А вот теперь Росас рассмеялся и положил руку на плечо девушки. Делла едва не ударила его, но вовремя сообразила, что это не попытка нападения.

– Я никак не мог понять, никак не мог… Знаете, я ненавижу вас всем сердцем, и начиная с сегодняшнего дня ненавижу все, за что вы сражаетесь. Но вам удалось заполучить мою душу. – В его голосе больше не было смеха. – Что мне нужно сделать?

«Нет, Мигель Росас, я не заполучила твою душу, и я прекрасно знаю, что этого никогда не произойдет». Неожиданно Делла испугалась – и вряд ли Эвери поверит ее объяснениям, – что Мигель Росас не станет послушным орудием в их руках. Конечно же, он наивен, как, впрочем, и все жители Северной Америки, за исключением Ацтлана и Нью-Мексико. Какая бы слабость не заставила его выдать лабораторию в Скриппсе, этим все и ограничится. Делла поняла: что бы Росас сейчас ни решил, она не принудит его к новой измене. Росас – сильный человек. И даже после этого предательства можно сказать, что тем, кто считает его своим другом, сильно повезло.

– Что вам нужно сделать? Совсем немногое. Сегодня к вечеру мы доберемся до Санта-Барбары, и я хочу, чтобы вы взяли меня с собой, когда нас высадят на берег. А в Центральной Калифорнии вы подтвердите мою историю. Я хочу увидеть Мастеровых собственными глазами. – Она немного помолчала. – Да, и вот еще что. Из всех заговорщиков один представляет наибольшую опасность для дела мира. Человек по имени Пол Хелер. – (Росас никак не

отреагировал на ее слова.) – Его видели на ферме «Красная стрела». Мы хотим знать, чем он занимается. Мы хотим знать, где он находится.

Для Гамильтона Эвери в этом заключался весь смысл операции. У директора был параноидальный психоз на почве Хелера. Он не сомневался, что взрывы пузырей не вызваны естественными причинами, а устроены кем-то живущим в Центральной Калифорнии. До вчерашнего дня Делла считала все это опасными фантазиями, мешающими правильной стратегии, фантазиями, из-за которых опасность научных исследований Мастеровых отходила на второй план. Теперь она не была так уверена в собственной правоте. Вчера вечером Эвери сообщил ей, что солдаты Мирной Власти обнаружили потерпевший аварию космический корабль в горах к востоку от Ванденберга. Авария произошла всего за несколько часов до его звонка, и сведения были весьма обрывочными, однако совершенно ясно, что враг располагает пилотируемыми космическими кораблями. Если они сумели проделать такое втайне, значит для них нет ничего невозможного. Ей придется быть еще более безжалостной, чем в Монголии.

В холодном синем небе кружили чайки, опускаясь все ниже над сваленной на палубе рыбой. Взгляд Росаса блуждал где-то далеко. Несмотря на весь свой опыт, Делла не могла сказать, кто стоял рядом с ней: предатель или человек, вынужденно согласившийся с ней сотрудничать. Ради них обоих она не хотела, чтобы первое оказалось правдой.

Глава 20

Мастеровые Западного побережья славились тем, что любили устраивать праздники и ярмарки. Порой даже трудно было отличить одни от других, настолько многолюдными были вечеринки и настолько свободными и дружескими – ярмарки. Такие события остались для Росаса едва ли не самыми яркими воспоминаниями детства: столы ломились от вкусной еды, а дети и взрослые собирались со всей округи, чтобы весело провести время под теплым ласковым солнцем или в уютных гостиных, где так приятно слушать, как за окнами шумит дождь.

Крутые меры Мирной Власти в Ла-Холье все изменили, Росас старательно делал вид, будто внимательно слушает племянницу Каладзе, которая восторженно рассуждала об их спасении и долгом пути назад, в Центральную Калифорнию. Росас чувствовал себя очень неуютно на этом празднике, устроенном по случаю их благополучного возвращения. Здесь присутствовали только члены многочисленного клана Каладзе – никто не пришел с других ферм или из Санта-Инеса; даже Сеймура Венца не было. Мирной Власти и в голову не должно прийти, что на «Красной стреле» происходит что-то особенное.

Однако Сай Венц не совсем отказался от встречи. Он и другие соседи должны были выйти на связь – вечером собирался военный совет.

«Сумею ли я посмотреть Саю в глаза и не выдать того, что на самом деле произошло в Ла-Холье?»

Вильма Венц – пятидесятилетняя племянница Каладзе и свояченица Сая – пыталась перекричать музыку, которая лилась из динамика, скрытого на одном из деревьев:

– И все равно я не могу понять, как вам удалось выбраться из Санта-Барбары. Чернокожий мальчишка, женщина-азиатка и ты, Майк. Мы слышали, что Власть просила Ацтлан задержать вас. Как вы перешли границу?

Росас пожалел, что его лицо не укрыто в тени, а освещено бледным светом ламп, развешанных среди деревьев. Вильма была всего лишь женщиной, но далеко не глупой, она не раз ловила его на разных проказах, когда он был маленьким. С ней надо вести себя особенно осторожно.

– Очень просто, Вильма, – рассмеялся он, – особенно после того, как Делла рассказала нам о своем плане. Мы засунули головы прямо льву в пасть. Нашли заправочную станцию Мирной Власти и устроились на шасси грузовика, развозившего топливо. Полицейские Ацтлана их никогда не проверяют. Так мы без единой остановки добрались до другой заправочной станции немного южнее Санта-Инеса.

И все-таки путешествие выдалось не из приятных. Бесконечные километры, заполненные грохотом и вонью дизельного топлива. Несколько раз за эти два часа они едва не теряли сознание, рискуя свалиться на бетон 101-го шоссе. Однако Лу твердо стояла на своем: их возвращение не может быть простым. Никто, включая Вили, не должен ничего заподозрить.

Глаза Вильмы округлились.

– О, эта Делла Лу, она такая замечательная, правда?

Росас посмотрел через голову Вильмы туда, где Делла старалась завязать дружеские отношения с женской половиной клана Каладзе.

– Да, замечательная.

Делла околдовала всех своими рассказами о жизни в Сан-Франциско. И как бы сильно Росасу ни хотелось (хотя для него это было бы равносильно гибели), девушка ни разу не сорвалась. Она блистательно умела лгать. Как он ненавидел ее миниатюрное азиатское лицо, ее чистый наивный взгляд! Ему еще никогда в жизни не доводилось видеть подобного существа – мужчину, женщину или животное, – которое было бы столь привлекательным и злобным одновременно. Росас с усилием оторвал взгляд от Деллы, стараясь забыть изящные плечи, легкую

улыбку и способность одним движением руки уничтожить его самого и все то хорошее, что ему удалось совершить за свою жизнь…

– Я очень рада, что ты вернулся, Майк. – Голос Вильмы неожиданно смягчился. – Но мне так жаль тех людей в Ла-Холье и в секретной лаборатории.

«И Джереми. Джереми, который остался там навсегда». Вильма великодушно не напомнила Росасу о том, что он не сумел защитить одного из тех, кого должен был охранять. Доброта Вильмы лишь заставила Росаса острее чувствовать свою вину.

– Не следует горевать о тех людях из лаборатории, Вильма. – Росасу не удалось сдержать ожесточение. – Они несут миру зло, но нам пришлось обратиться к ним за помощью, чтобы вылечить Вили. Что же до остальных… Я обещаю вернуть их назад.

Он взял ее руку. «Всех, кроме Джереми».

– Да, – произнес кто-то по-русски за спиной Майка. – Мы обязательно освободим их.

К ним, как всегда неожиданно, подошел Николай Каладзе.

– Именно это мы сейчас и собираемся обсудить, дорогая Вильма.

– Ох!

Типичная женщина своего времени, Вильма сразу поняла вежливый намек на то, что ее присутствие нежелательно. Она повернулась, чтобы собрать остальных женщин и ребятишек, оставляя за мужчинами право решать все серьезные вопросы.

Делла увидела, какой оборот принимают события, и на ее лице промелькнуло удивление. Потом она улыбнулась и перед уходом помахала Майку рукой. Ему ужасно хотелось бы, чтобы в ее глазах сверкнул гнев или хотя бы раздражение, но Делла была прекрасной актрисой. Росас представлял себе, как рассвирепела она из-за того, что ее вышибли с совещания, в котором она наверняка рассчитывала принять участие.

Через несколько минут праздничный обед был закончен: женщины и дети ушли, музыка, льющаяся откуда-то с деревьев, стала тише, и можно было услышать, как стрекочут в траве насекомые. Появилось голографическое изображение Сеймура Венца – он словно сидел на дальнем конце обеденного стола. Прошло тридцать секунд, и подключились другие электронные гости. Один из них возник на плоском черно-белом экране, – вероятно, этот человек находился очень далеко. Росас забеспокоился о том, хорошо ли защищен сигнал. Но тут он узнал гостя – это был представитель Гринов из Норкросса. Раз так, можно не беспокоиться.

Вошел Вили и молча кивнул Майку. После событий в Ла-Холье юноша держался совсем уж замкнуто.

– Все на месте?

Полковник Каладзе уселся во главе стола. Сейчас голографических изображений здесь было даже больше, чем людей во плоти. Только Майк, Вили, Каладзе и его сыновья находились в комнате на самом деле. Неподвижный ночной воздух, тусклое сияние ламп, лица пожилых людей и Вили – темнокожий, небольшого роста, но излучающий внутреннюю силу. Все это напоминало Росасу сцену из волшебной сказки: смуглый эльфийский принц собрал в зачарованном ночном лесу военный совет.

Участники встречи некоторое время молча смотрели друг на друга; возможно, они тоже почувствовали необычность ситуации. Наконец Иван Николаевич сказал отцу:

– При всем должном уважении, полковник, имеет ли право столь молодой и малоизвестный человек, как мистер Вачендон, присутствовать на этом совещании?

Прежде чем полковник успел ответить ему, заговорил Росас – еще одно нарушение протокола:

– Я прошу, чтобы ему разрешили остаться. Он участвовал в нашем путешествии на юг и знает больше многих из нас про те технические проблемы, с которыми мы столкнулись.

Майк склонил голову, извиняясь перед Каладзе.

– Ну, коль скоро мы все равно забыли о правилах поведения, – ухмыльнулся Сай Венц, – я хотел бы спросить о том, насколько надежно защищена наша система связи.

Казалось, полковника Каладзе почти совсем не рассердило пренебрежение правилами.

– Не волнуйтесь, шериф. Наша часть леса находится в небольшой долине. Кроме того, как мне кажется, на деревьях вокруг фермы гораздо больше электронной аппаратуры, чем листьев. – Он посмотрел на дисплей. – С нашей стороны никакой утечки быть не может. Если все остальные предприняли хотя бы минимальные меры предосторожности…

Он посмотрел на человека из Норкросса.

– Насчет меня можете не беспокоиться. Я использую узкие конвергентные каналы – надежнее не придумаешь. Техники Мирной Власти могут проверять хоть целую вечность, но они ни на секунду не заподозрят, что идет передача. Господа, вы, вероятно, не понимаете, насколько примитивен наш противник. После рейда в Ла-Холье нам удалось установить «жучки» в их электронных лабораториях. Самое лучшее оборудование Мирной Власти устарело на пятьдесят лет. Их исследователи пришли в буйный восторг, когда им удалось добиться плотности десять миллионов единиц информации на один квадратный миллиметр. – Отовсюду донеслись удивленные возгласы и смешки. Грин улыбнулся, обнажив испорченные зубы. – Что касается разведывательной работы, тут у них дела обстоят еще хуже.

– Значит, они располагают только бомбами, самолетами, танками, армиями и пузырями.

– Вот именно. Мы похожи на охотников из каменного века, которые сражаются с мамонтом: мы превосходим противника числом и разумом, а на его стороне физическая сила. Я считаю, что наша судьба будет такой же, как у тех охотников. Мы, конечно, понесем потери, но в конце концов победим.

– Воодушевляющая точка зрения, – сухо произнес Сай.

– Я бы хотел знать вот что, – сказал производитель компьютеров из Сан-Луис-Обиспо. – Кто засунул «жучки» в их аппаратуру? Последние десять лет мы старались скрыть от Власти наши лучшие достижения, договорились не шпионить за ними. Сейчас это уже дело прошлое, однако у меня сложилось впечатление, что кто-то сознательно их напугал. Вновь поставленные «жучки» сообщают нам, что Власть сильно обеспокоена теми сложнейшими устройствами, которые они обнаружили в своих лабораториях в начале года. Кто-нибудь желает сделать признание?

Он внимательно оглядел присутствующих, но все молчали, только Майк неожиданно почувствовал уверенность: среди них наверняка есть еще один человек, который с удовольствием утер бы Власти нос, продемонстрировав превосходство Мастеровых. Еще две недели назад Майк почувствовал бы, что его предали. Теперь же он только усмехнулся про себя: он не единственный здесь, кто способен поставить на карту жизнь своих друзей ради великой цели.

– Если бы дело было только в этом, – пожал плечами Грин, – они бы пошли более тонким путем, чем захват заложников. Мирная Власть уверена, что мы совершили открытие, которое представляет для них прямую угрозу. По их внутренним системам связи без конца передается сообщение о том, что необходимо задержать некоего Пола Хелера. Они думают, что он находится в Центральной Калифорнии. Именно поэтому в вашем регионе так много солдат Мирной Власти, Коля.

– Да, вы совершенно правы, – ответил Каладзе. – Именно по этой причине я и собрал сегодняшнее совещание. Этого хотел Пол. Пол Хелер, Пол Нейсмит – как бы мы его ни называли… На нем уже долгие годы сосредоточены страхи Мирной Власти. Однако только теперь он действительно представляет для них серьезную опасность. Возможно, сейчас у него появилось оружие, способное сразить «мамонта», как выразился Зик. Пол полагает, что сможет генерировать пузыри, не пользуясь энергией атомной электростанции. Он хочет, чтобы мы приготовили…

Голос Вили прервал оцепенение, охватившее весь стол.

– Нет! Не говорите больше ничего! Вы хотите сказать, что Пола не будет здесь сегодня, даже его изображения?

Казалось, Вили был на грани паники.

Каладзе удивленно приподнял брови:

– Нет. Он собирается оставаться… в подполье до тех пор, пока не сможет передать нам эту технологию. Ты единственный человек…

Дрожа от возбуждения, Вили вскочил на ноги.

– Он должен видеть, должен слышать. Я боюсь, что только Пол поверит мне!

Старый солдат откинулся на спинку стула.

– Чему он поверит?

Росас почувствовал, как по спине у него пробежал холодок. Вили смотрел прямо на него.

– Поверить мне, когда я скажу, что Мигель Росас – предатель! – Вили переводил взгляд с одного лица на другое, но нигде не находил понимания. – Говорю же вам, это правда. Он с самого начала знал о том, что произойдет в Ла-Холье. Он сообщил Мирной Власти о лаборатории. Это из-за него п-п-погиб Джереми там, в горах! А теперь он сидит здесь и слушает, как вы рассказываете о планах Пола!

Голос Вили становился все более высоким, детским и истеричным. Иван и Сергей, крупные мужчины, которым уже было сильно за сорок, двинулись в сторону чернокожего юноши. Полковник жестом удержал их, а когда Вили закончил, мягко спросил:

– Какие у тебя есть доказательства, сынок?

– Там, на баркасе… Вы же слышали про наше «счастливое спасение», о котором с таким восторгом рассказывал Майк? – Вили сплюнул. – То еще спасение! Его подстроила Мирная Власть.

– Ваши доказательства, молодой человек!

Это уже произнес шериф Венц, вставая на защиту помощника, с которым работал больше десяти лет.

– Они думали, что накачали меня снотворным, что я крепко сплю. Но я не спал, а вскарабкался по ступенькам и видел, как он разговаривал с этой puta de la Paz[15], этой тварью Лу. Она благодарила его за то, что он нас предал! Они знают про Пола, вы правы. И эта парочка вынюхивает здесь его. Они убили Джереми. Они…

Вили смолк, видимо сообразив, что поток слов мешает понять смысл.

– Ты и в самом деле слышал весь их разговор? – спросил Каладзе.

– Н-нет. Был сильный ветер, и у меня кружилась голова. Но…

– Вполне достаточно, парень. – Голос Сая Венца прогремел на всю поляну. – Мы знаем Майка с тех пор, когда он был моложе, чем ты сейчас. Его вырастили Каладзе и я. Он жил здесь, а не в каком-то гетто, и мы знаем, кому всегда будет верен Майк. Он не один раз рисковал жизнью ради своих клиентов. Черт возьми, Майк спас Полу жизнь пару лет назад!

– Мне очень жаль, Вили. – Голос Каладзе был мягким, совсем не похожим на сердитый бас Сая. – Мы действительно знаем Майка. Кроме того, сегодня я убедился, что мисс Лу именно та, за кого себя выдает. Я позвонил своим друзьям в Сан-Франциско: ее родители ремонтники и живут там уже много лет. Я показал ее фотографию, и мисс Лу узнали. Она с братом действительно поехала в Ла-Холью, как нам и рассказывала.

«Неужели ее возможности безграничны?» – подумал Росас.

– Caray[16], я знал, что вы не поверите! Если бы Пол был здесь… – Вили мрачно посмотрел на сыновей Каладзе. – Не беспокойтесь, я поступлю как джентльмен.

---

[15] Шлюха из Мира *(исп.)*.

[16] Черт возьми *(исп.)*.

Он повернулся и решительно зашагал прочь с поляны. Росас пожал плечами и постарался удержать на лице удивление. Если бы мальчишка сумел сохранить хладнокровие или Делла не обладала такими сверхчеловеческими способностями, Мигелю Росасу пришел бы конец. В этот момент он был близок к тому, чтобы признаться в предательстве, в котором почти бездоказательно обвинил его Вили. Но Майк промолчал. Он хотел увидеть – еще до собственной гибели, – как свершится его месть.

Глава 21

Николай Сергеевич и Сергей Николаевич, сидевшие на козлах впереди Вили, превратились в бледно-фиолетовые силуэты. Поздний ночной дождь заглушал все другие звуки. Последние четыре километра старый русский «потайной ход» продолжался по поверхности земли. Когда повозка проезжала совсем близко от стен, Вили чувствовал, как влажные листья и шершавые ветки касаются его рук. Сквозь прибор ночного видения стволы деревьев светились чуть ярче, чем листья или маскировочные сети. Стены туннеля были тщательно оплетены ими, так что сверху, наверное, все выглядело как самый обычный густой лес. Теперь, когда кроны деревьев намокли от дождя, на головы путешественникам начали падать капельки влаги. Вили поправил свою накидку, чтобы спрятаться от струек воды, упорно пытающихся проникнуть ему за шиворот.

Без прибора ночного видения мир вокруг казался непроницаемо-черным. Другие органы чувств говорили, что эта замаскированная тропа ведет вглубь материка, мимо сторожевых постов, расставленных вокруг Властью. Обоняние подсказывало Вили, что они уже давно миновали рощу банановых деревьев на восточной границе фермы «Красная стрела». Казалось, к запаху влажного дерева и намокших веревок добавился аромат сирени, а это означало, что они находятся на полпути к шоссе № 101. Удивительно, что Каладзе согласились проводить его так далеко.

Сквозь скрип колес повозки донеслись шаги Мигеля Росаса, шедшего впереди с лошадьми.

Вили презрительно скривил губы. Никто ему не поверил. И вот он сидит здесь – по сути, пленник людей, которые должны быть его союзниками, а предатель Джонк ведет их всех вперед сквозь темноту! Вили вновь надел очки ночного видения и мрачно уставился на фиолетовое пятно – затылок Росаса. Забавно: в фантастическом ночном мире, созданном прибором, кожа Джонка была точно такого же цвета, как и кожа самого Вили… Где же закончится их путешествие? Каладзе и его сын собирались довезти Вили до конца туннеля, откуда он сможет вернуться в дом Нейсмита в горах. И эти глупцы думают, будто Росас даст им такую возможность!

Первые двадцать минут Вили ужасно нервничал, ожидая, что в любой момент перед ними вспыхнет яркий свет, послышатся резкие команды и они увидят солдат в зеленой форме Мирной Власти с ружьями и станнерами наперевес, – предательство, совершенное в Ла-Холье, повторится снова. Но минуты шли за минутами, колеса повозки все так же скрипели, а капельки дождя продолжали барабанить по накидкам. Туннель извивался между холмами, то спускаясь под землю, то пересекая легкие деревянные мостки, переброшенные через ручьи. Из-за того, что часто шли дожди возле Ванденберга, требовались, по всей видимости, колоссальные усилия, чтобы поддерживать эту секретную тропу в порядке. «Как жаль, что старик так легко расстается со своими тайнами», – подумал Вили.

– Похоже, мы пришли, сэр, – тихо – и зловеще? – долетел сквозь шелест дождя шепот Росаса.

Вили поднялся на колени, чтобы заглянуть через плечи Каладзе: Джонк нажимал на ручку двери, сделанной из переплетенных веток и листьев, однако отворилась она почти беззвучно. В щель хлынул яркий свет, и Вили чуть не соскочил с повозки. Только когда его очки приспособились к новому освещению, он сообразил, что их до сих пор еще не обнаружили.

Вили на секунду сдвинул очки и увидел, что ночь осталась такой же черной, как тыльная сторона его ладони. Он почти улыбнулся: очки умели различать оттенки абсолютной черноты. В туннеле они реагировали только на тепло тел. На открытом месте прибору хватало света, даже если небо закрывали тучи и лил нескончаемый дождь. Очки работали куда лучше, чем ночной прицел карабина Джереми.

Росас вывел на свет запасную лошадь.

– Трогай.

Сергей Николаевич хлестнул поводьями, и повозка медленно выехала из туннеля.

Росас стоял на фоне странного, лишенного теней пейзажа, но теперь его накидка и лицо перестали излучать слабое сияние, и Вили смог разглядеть лицо Джонка. Впрочем, массивные очки делали его непроницаемым. Вили соскочил с повозки и направился к центру поляны, которую со всех сторон тесно обступали деревья. Сквозь редкие просветы в ветвях проглядывали тучи. За спиной Росаса Вили заметил самую обычную тропинку. Он повернулся и поискал проход, откуда они только что выехали. Но тот был совершенно скрыт зарослями кустарника.

Повозка Каладзе-старшего поравнялась с Вили. Росас подошел, чтобы помочь старику слезть, но русский покачал головой.

– Мы пробудем здесь всего несколько минут, – прошептал он.

Его сын посмотрел на прибор у себя на коленях.

– Кроме нас, поблизости нет никого похожего на человека, полковник.

– Отлично. Тем не менее дома нам еще предстоит многое сделать. – В его голосе послышалась усталость. – Вили, ты знаешь, почему мы поехали провожать тебя втроем?

– Нет, сэр.

Когда Вили разговаривал с полковником, слово «сэр» получалось у него совершенно естественно. Он уважал этого человека едва ли не больше всех других людей, если не считать, конечно, самого Нейсмита. Лидеры Джонков, как и повелители Нделанте Али, требовали, чтобы к ним обращались почтительно, но только старый Каладзе давал своим людям что-то взамен.

– Я хотел убедить тебя, сынок, что ты для нас важен, а то, что ты должен сделать, – еще важней. Мы не хотели оскорбить тебя на совещании вчера вечером, просто мы не сомневались, что ты ошибаешься насчет Майка. – Он чуть приподнял руку, и Вили сдержал готовые сорваться с губ возражения. – Я не буду с тобой спорить. Я знаю, что ты уверен в своей правоте. Но, несмотря на наши разногласия, мы все равно нуждаемся в тебе. Ты знаешь, что Пол Нейсмит – ключевая фигура в нашей игре. Может быть, он сумеет разгадать секрет пузырей и избавить нас от Мирной Власти.

Вили кивнул.

– Пол сказал, что ты ему необходим, что без твоей помощи он не сможет довести дело до конца. Его ищут, Вили. И если Власти доберутся до него прежде, чем он поможет нам… ну, тогда у нас не останется надежды. С нами обойдутся точно так же, как с Мастеровыми в Ла-Холье. Вот так-то. Мы взяли с собой Элмиру. – Он показал на кобылу, которую вел Росас. – Майк говорит, что ты еще в Лос-Анджелесе научился ездить на лошади.

Вили снова кивнул. Конечно, это было преувеличением – он научился только держаться в седле. В Нделанте Али ему несколько раз приходилось верхом спасаться от представителей местной власти.

– Мы хотим, чтобы ты вернулся к Полу. Думаю, отсюда ты сам доберешься. Тропа, перед которой ты стоишь, проходит под старым шоссе номер сто один. Ты никого не встретишь по дороге, если не уйдешь слишком сильно к югу. Там неподалеку есть перевалочный пункт для грузовиков.

Впервые за все время заговорил Росас:

– Должно быть, он и в самом деле нуждается в твоей помощи, Вили. Единственное, что сможет спасти старика, – дом в горах. Если тебя поймают и заставят говорить…

– Я говорить не намерен, – сердито прервал его Вили и постарался не думать о том, что принято делать с несговорчивыми пленниками в Пасадине.

– Если попадешься Мирной Власти, выбора у тебя не будет.

– Да? Значит, с тобой все случилось именно так, сеньор Джонк? Мне почему-то не кажется, что ты с самого начала планировал нас предать. Так что же произошло? Я знаю, что ты попался в сети этой китайской сучки. Значит, все дело в ней? – Голос Вили с каждым словом становился все пронзительнее. – Значит, ты стоишь так мало?

– Хватит!

Каладзе произнес это слово негромко, но так резко, что Вили сразу же смолк. Полковник медленно слез с повозки на землю, а потом наклонился так, что его глаза, по-прежнему скрытые прибором ночного видения, оказались на одном уровне с глазами Вили. И каким-то невероятным образом Вили почувствовал, что эти глаза яростно сверкают сквозь темные пластиковые линзы.

– Если кто и должен ожесточиться, так это Сергей Николаевич и я. Ведь это мой внук, а не твой навеки остался в пузыре Мирной Власти. Если кто и должен быть подозрительным, так это я, а не ты. Майк Росас спас тебе жизнь. И я имею в виду не только то, что он доставил тебя к нам живым и невредимым. Он провел тебя в тайную лабораторию, а потом лишь секунды решили, остаться вам в живых или погибнуть вместе с Джереми. И то, что ты получил там, – это сама жизнь. Я видел тебя, когда ты уезжал в Ла-Холью: если бы ты и сейчас был так сильно болен, то не смог бы тратить столько сил на гнев.

Эти слова заставили Вили замолчать. Каладзе был прав, хотя и не в отношении Росаса. Последние восемь дней были такими напряженными, полными ярости и разочарования, что Вили ничего не заметил: в прошлые годы его состояние летом всегда улучшалось. Но с того дня, как он начал принимать таблетки, боль стала отступать, причем гораздо быстрее, чем когда-либо раньше. По возвращении на ферму Вили ел с большим удовольствием, чем когда-либо за последние пять лет.

– Ладно. Я помогу. При одном условии.

Николай Сергеевич выпрямился, но ничего не сказал.

– Если Власть найдет Нейсмита, то игра проиграна, – продолжал Вили. – Возможно, Майк Росас и эта женщина Лу знают, где он находится. Если вы обещаете, что они в течение десяти дней не вступят в контакт с внешним миром, тогда у меня есть хоть какой-то смысл сделать то, о чем вы просите.

Каладзе не стал отвечать сразу. Дать такое обещание, чтобы удовлетворить «фантазии» мальчишки, было совсем не трудно, но Вили знал: если русский согласится, он сдержит свое слово. Наконец Николай Сергеевич произнес:

– То, о чем ты просишь, выполнить очень сложно. Практически это означает, что нам придется их запереть.

Полковник бросил взгляд на Росаса.

– Конечно. Я согласен. – Предатель ответил без колебаний и словно бы даже с радостью, и Вили подумал, что, вероятно, что-то упустил.

– Хорошо, сэр, я даю вам слово. – Каладзе протянул Вили худую сильную руку. – А теперь нам пора, пока рассвет не подключился к нашей неторопливой дискуссии.

Сергей и Росас развернули лошадь и повозку, а затем старательно уничтожили все следы своего пребывания в этом месте. Предатель избегал смотреть на Вили и не поднял на него глаз даже тогда, когда закрывал за собой дверь в секретный проход.

Вили остался один с низкорослой лошадью в темной ночи. По-прежнему шел дождь, и, несмотря на накидку, тонкая струйка воды затекала ему за воротник.

Вили и не представлял, насколько трудно вести лошадь в непроглядной тьме; Росас проделывал это с легкостью. Конечно, ведь Росасу не надо было следить за неожиданно появляющимися ветками, которые – если их не убрать с дороги – хлестали животное по голове. В первый раз, когда это произошло, Элмира чуть не убежала.

Тропинка шла через холмы, полностью исчезая там, где постоянные дожди еще больше размыли прошлогодние овраги. Только карты местности, которые показал ему Каладзе, помогали не сбиться с пути.

До старого шоссе № 101 оставалось по меньшей мере пятнадцать километров – длинный нудный путь под дождем. И тем не менее Вили совсем не устал, а боль в мышцах была даже приятной. Никогда еще он не чувствовал себя так хорошо. Он погладил маленький мешочек у себя на груди и произнес короткую благодарственную молитву Единому Истинному Богу за то, что удача пока еще от него не отвернулась.

Зато хватало времени на размышления. Вили не мог забыть, с какой радостью Росас согласился на домашний арест для себя и этой Лу. Они наверняка что-то придумали. Лу очень умна… и так же красива. Вили не знал, почему Росас стал предателем, но вполне допускал, что помощник шерифа поступил так ради этой женщины. Неужели все китайские девушки похожи на нее? Ни разу в жизни Вили не доводилось встречать такой красавицы – ни у англов, ни у Джонков, ни у черных. Он снова и снова представлял, как в конце концов разоблачит Деллу и Росаса, и так увлекся, что – вместе со своими хваленными очками – чуть не свалился в овраг, по дну которого мчался бурный поток. Им с Элмирой понадобилось целых пятнадцать минут, чтобы выбраться наверх по скользкому склону оврага, причем Вили едва не потерял свои чудесные очки.

Благодаря этому происшествию Вили снова вернулся в реальный мир. Лу прекрасна, словно олеандр или, точнее, словно глендорская кошечка. Они с Росасом что-то придумали, и, если Вили не сможет сообразить, что именно, он погибнет.

Прошло несколько часов, а Вили так и не пришел ни к какому решению. Близился рассвет, дождь стих. Вили остановился в поредевшем лесу и посмотрел на восток. Часть небосвода очистилась и сияла крошечными искорками звезд. Деревья отбрасывали тени разных тонов, а между холмами виднелся большой отрезок шоссе № 101. Движения не было, хотя далеко на юге Вили заметил цепочку огней – наверное, грузовики Мирной Власти. А еще он увидел ровный яркий свет, – вероятно, это и был тот перевалочный пункт, о котором говорил Каладзе.

Внизу прямо к шоссе подходило лесное болото. Дорогу много раз размывало, и наконец над болотом проложили небольшой деревянный мост. Вили мог пройти под шоссе в сотне разных мест. Путь занял больше времени, чем он предполагал. Небо на востоке определенно посветлело, а Элмира стала ступать гораздо увереннее.

Вили выбрал чуть заметную тропу и прошел по ней под дорогой. Он все еще не решил, что задумали Лу и Росас. Если они не смогут послать сообщение, тогда кто это сделает? Тот, кто знает, где искать Росаса, но сам находится за пределами «Красной стрелы»? Вили замер на месте от внезапной догадки; лошадь, шедшая сзади, подтолкнула его своим мягким носом, и он упал на колени, но не обратил на это никакого внимания. Ну конечно!.. Бедняжка Вили, дурачок Вили, он всегда готов помочь своим врагам!

Вили принялся внимательно осматривать лошадь в поисках нежелательного багажа. Провел рукой по ее животу и сразу же обнаружил то, что искал: передатчик был большим, диаметром почти в два сантиметра. Наверняка в него вмонтирован таймер, чтобы он не начал работать там, где его могли бы обнаружить приборы Каладзе. Вили взвесил передатчик на ладони: ужасно большой – наверное, один из «жучков» Власти. Росас мог бы воспользоваться чем-нибудь менее заметным.

Вили вернулся к лошади и снова все проверил, уже более тщательно. Затем разделся и обыскал свою одежду. Утренний воздух дышал прохладой, ноги ушли в мягкую грязь… Он чувствовал себя великолепно.

Однако посторонних предметов больше не было, и у него снова возникли неприятные сомнения. Если бы речь шла только о Лу, тогда было бы понятно…

Кроме того, оставался еще вопрос, что делать с «жучком». Вили оделся и отвел Элмиру в сторону от дороги. Издалека донесся нарастающий шум мотора. Деревянный настил задрожал, осыпав Вили и лошадь мелкими комьями грязи. Наконец грузовик проехал, и Вили удивился тому, что мостки выдержали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.